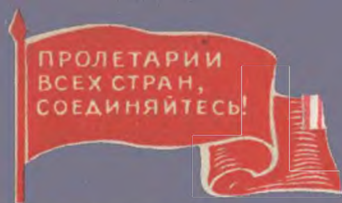

Библиотечка ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

А. БЕБЕЛЬ

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

А. БЕБЕЛЬ

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Август Бебель (1840—1913 гг.) был одним из наиболее влиятельных и любимых вождей германской социал-демократии. Энгельс говорил о нем, что он — самая ясная голова во всей немецкой партии и притом человек, на которого всегда и во всяких условиях можно положиться, которого ничто не собьет с верного пути.

Выходец из бедной семьи прусского унтер-офицера, сам рабочий, Бебель ценой упорной борьбы и исканий пришел к научной социалистической идеологии. В юношеские годы он был деятельным участником просветительских рабочих обществ, в которых идейно господствовала либеральная буржуазия. Под влиянием В. Либкнехта, непосредственно связанного с основоположниками научного социализма, Бебель становится марксистом. Под его руководством был осуществлён организационный разрыв южнонемецких рабочих союзов с либералами и объединение рабочих в социал-демократическую партию.

В 1867 г. немецкие рабочие избирают Бебеля депутатом рейхстага. В. И. Ленин отмечает, что Бебелю, как одному из первых рабочих депутатов, принадлежит выдающаяся заслуга непосредственного участия в выработке основ парламентской тактики социал-демократии. Во время франко-прусской войны А. Бебель вместе с В. Либкнехтом, также депутатом германского рейхстага, занял правильную интернационалистическую позицию, отказавшись голосовать за военные кредиты германской армии. Этот революционный акт, так же как и открытая поддержка героической Парижской коммуны (за что Бебель и Либкнехт были присуждены к тюремному

заключению) обеспечили им заслуженную популярность в рабочем классе. Отстаивая учение Маркса и Энгельса и решительно выступая против буржуазной идеологии, Бебель в то же время допускал ошибки, идущие по линии уступок оппортунизму и переоценки легальных средств освободительной борьбы рабочего класса. Так, он не занимал принципиальной марксистской линии на Готском объединительном съезде, что способствовало принятию лассальянской программы. Ведя непримиримую борьбу с анархистским уклоном в германской социал-демократии (фракция «молодых»), Бебель, как и Либкнехт, недооценивал правой опасности. Выступая против оппортунизма, он не сознавал необходимости организационного разрыва с оппортунистами и считал, например, что решительная борьба большевиков с меньшевистским оппортунизмом в России не оправдана. Однако даже с учетом этих ошибок нельзя отрицать огромных заслуг Бебеля не только перед германским, но и перед международным пролетариатом.

В. И. Ленин, подводя итоги исторической деятельности А. Бебеля, писал: «Период подготовки и собирания сил рабочего класса составляет во всех странах необходимый этап в развитии всемирной освободительной борьбы пролетариата. Никто с такой рельефностью не воплотил в себе особенностей и задач этого периода, как Август Бебель. Сам рабочий, он сумел пробить себе дорогу к твердым социалистическим убеждениям, сумел стать образцом рабочего вождя, представителя и участника массовой борьбы наемных рабов капитала за лучший строй человеческого общества» *.

Наряду с практической деятельностью Бебель уделял серьезное внимание вопросам теории. Наиболее выдающимся теоретическим трудом Бебеля, сыгравшим большую роль в деле популяризации марксизма в Германии и за ее пределами, является его работа «Женщина и социализм». Это работа была впервые опубликована в 1879 г. и выдержала с тех пор свыше 50 изданий. Основываясь на произведениях основоположников марксизма и подытоживая громадный фактический материал, Бебель в яркой литературной форме показывает, что социальное освобождение женщины, ее уравнение в положении и

* *В. И. Ленин*, Соч., 4 изд., т. 19, стр. 268.

правах с мужчиной, создание объективных условий для ее всестороннего индивидуального развития, неотделимо от социалистического преобразования общественных отношений. Так называемый женский вопрос не может быть разрешен изолированно, это часть общего вопроса о социальном освобождении трудящихся, об уничтожении капитализма и построении бесклассового общества. Таким образом, сама постановка вопроса обусловливает и характер изложения: Бебель дает очерк истории человечества от первобытно-общинного строя до установления коммунистических общественных порядков, характеризуя в этой связи изменение положения женщины в зависимости от изменения экономической структуры общества. Так, в период матриархата женщина играла ведущую роль в общественном производстве и во всей жизни первобытно-общинного строя. Однако с возникновением частной собственности на средства производства и патриархальной семьи женщина все более и более попадает в угнетенное, бесправное положение. Это социальное порабощение женщины еще более усиливается при капитализме, но в процессе развития капиталистического общества создаются необходимые материальные условия, которые позволяют при переходе к новому общественному строю покончить с этим порабощением. В острой полемической форме Бебель разоблачает лицемерие буржуазной морали, ограничивающей женщину тремя «к» (Küche, Kirche, Kinder — кухня, церковь, дети), буржуазный брак с его неизбежным дополнением — проституцией, христианское вероучение, проповедующее рабскую покорность женщин.

В настоящем издании в сокращенном виде перепечатывается лишь последняя часть этого труда Бебеля под названием «Будущее общество». Здесь изложены все основные вопросы научного социализма и дана красочная характеристика того прекрасного будущего, которое становится уже настоящим в странах, где восторжествовал социалистический строй.

Читателю следует, однако, иметь в виду, что Бебель, как и подавляющая часть социал-демократов второй половины XIX в., не проводит различия между двумя стадиями коммунистического общества — низшей и высшей. То, что Бебель называет социализмом, относится главным образом к высшей ступени развития коммунизма. Именно

поэтому Бебель утверждает, что при социализме (т. е. при коммунизме) исчезнут классовые различия и государство, деньги и торговля будут упразднены, производительные силы достигнут такого высокого уровня, что рабочий день можно будет ограничить тремя — четырьмя часами, все народы станут жить одной братской семьей, а орудия войны сдадут в музеи. Отсюда ясно, что то грядущее, которое столь ярко нарисовал Бебель, является будущим и для нас — людей эпохи социализма, строящих коммунизм. Поэтому публикуемая часть бебелевской работы «Женщина и социализм» представляет для нас, советских людей, особый интерес: мы видим, что̀ уже осуществилось из того, о чем писал Бебель три четверти века тому назад, и на практике убеждаемся в том, что коммунистическое будущее — не утопия, а реальность, которая созидается развитием социалистического общества.

Известно, что научное разграничение и характеристику низшей и высшей фазы коммунизма Маркс дал в «Критике Готской программы» в 1875 г. Характеризуя социалистический строй, Маркс указывал, что здесь «мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что́ *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему» *. При социализме еще невозможно полное удовлетворение всех исторически развившихся потребностей общественного индивидуума, поскольку имеющийся уровень производительных сил и связанная с ним производительность труда еще недостаточны для того, чтобы перейти к коммунистическому распределению. Только на высшей фазе коммунизма, указывает Маркс, «после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 13—14.

а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда... общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» *.

Бебель в своей характеристике «будущего общества» не учел этих научных положений Маркса, имеющих величайшее принципиальное значение, ибо он как и некоторые другие руководители германской социал-демократии недооценил вышеуказанного произведения основоположника марксизма, где подвергнута уничтожающей критике та самая программа германских социал-демократов, которая была принята ими в Готе в 1875 г. при участии самого А. Бебеля.

Следует, далее, иметь в виду, что Бебель в своей характеристике будущего общества исходил из правильного для того времени представления о возможности более или менее одновременной победы социалистической революции во всех или же в большинстве капиталистических стран. В этой связи Бебель полагал, что отмирание государства начнется сразу же после перехода к социализму. Известно, что это положение было выдвинуто Марксом и Энгельсом. В новых исторических условиях эпохи империализма В. И. Ленин — величайший продолжатель Маркса и Энгельса — доказал, что вследствие неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, особенно усилившейся в империалистическую эпоху, победа социализма одновременно во всех странах невозможна. Социалистическая революция побеждает первоначально в одной или нескольких странах, ввиду чего социалистическое общество в течение определенного исторического периода вынуждено существовать рядом с враждебным ему капиталистическим миром, а следовательно, сохранять и укреплять государство и связанную с ним армию. Последующее развитие полностью подтвердило эти гениальные положения В. И. Ленина, которых, естественно, не мог учесть Бебель, утверждавший, что «государство *теряет всякий смысл своего существования,* как только с уничто-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 15.

жением частной собственности падут классовые противоречия» (см. наст. издание, стр. 18). Тем не менее данная Бебелем характеристика отмирания государства, исходящая из указаний основоположников марксизма, сохраняет свое принципиальное значение, поскольку речь идет об исторических судьбах государства в эпоху, когда социализм восторжествует во всем мире.

Разъясняя положение Маркса о неизбежности *революционного* перехода от капитализма к социализму, Бебель решительно выступает против оппортунистического отрицания социалистической революции, подчеркивая, что «ни один господствующий класс нельзя убедить *доводами,* если сила обстоятельств не принуждает его к пониманию и уступчивости» (стр. 15). Эта трезвая революционная точка зрения, опирающаяся на реальный опыт общественно-исторического развития и научный анализ закономерностей классовой борьбы, непримиримо враждебна буржуазным и ревизионистским концепциям «этического социализма», маскирующим противоположные интересы классов в капиталистическом обществе.

Современные буржуазные идеологи и следующие за ними ревизионисты пытаются выдать капиталистическое обобществление собственности (монополии, акционерные компании, государственно-капиталистические предприятия) за осуществление «социализации». Эти утверждения современных апологетов капитализма, выдаваемые за новейшие научные выводы из изучения современного капитализма, являются простым пережевыванием того, что говорили бернштейнианцы в конце XIX и начале XX в. Неудивительно поэтому, что в работе Бебеля мы находим блестящую отповедь всем этим псевдоученым защитникам современной буржуазии. Бебель указывает, что предприятия, национализированные и управляемые буржуазным государством, «не являются социалистическими предприятиями, как некоторые ошибочно полагают. Это — предприятия, которые эксплуатируются государством на таких же капиталистических основаниях, как и предприятия частных предпринимателей» (стр. 60).

В противовес буржуазным и реформистским «теоретикам» он разъясняет, что капиталистическое обобществление, государственно-капиталистические предприятия, не являясь «осуществлением социалистических стремлений», представляют собой материальные пред-

посылки социализма в недрах буржуазного общества. Эти предпосылки наглядно свидетельствуют о необходимости социалистического преобразования общественных отношений. Анализируя развитие капиталистической крупной промышленности, выдающиеся успехи естествознания и технических наук, он показывает, как исторически возникает и развивается материально-технический базис социалистического производства, развитие которого неизбежно приведет к всестороннему удовлетворению потребностей как общества в целом, так и отдельных его членов. Капитализм, указывает Бебель, тормозит претворение в жизнь важнейших открытий науки; только при социализме возможности научной организации общественного производства будут претворяться в действительность во всех областях человеческой деятельности. Он подчеркивает, что общественная собственность на средства производства, крупное социалистическое хозяйство представляют собой такого рода производственные отношения, которые открывают беспредельный простор для развития производства и громадного, по сравнению с капитализмом, увеличения производительности труда. Говоря о производительных силах социалистического общества, Бебель специально останавливается на электрификации промышленности и сельского хозяйства, на значении агрохимии, синтеза органических веществ и других выдающихся открытиях науки, которые позволят решительно повысить производительность труда.

Конечно, в наш век, когда открытие атомной энергии, успехи автоматики, телемеханики и электроники открыли новые величественные перспективы для развития производительных сил и преобразования материально-технических условий жизни человека, научные данные, которыми располагал Бебель, являются весьма устаревшими. Однако, несмотря на это, они, несомненно, представляют большой исторический интерес, поскольку наглядно показывают, что уже в конце XIX в. существовали необходимые предпосылки для перехода к социализму. Естественно, что в наше время эти предпосылки умножились и необходимость социалистического преобразования общественных отношений стала тем более очевидной. Широкое промышленное использование атомной энергии несовместимо с капиталистическим базисом, современные

производительные силы в еще большей мере, чем это было во времена Бебеля, требуют новых, социалистических производственных отношений.

Подытоживая данные науки и практики своего времени, Бебель блестяще разоблачает человеконенавистническую «теорию» Мальтуса, с помощью которой буржуазные идеологи оправдывают и увековечивают существование голода и нищеты, якобы проистекающее из слишком быстрого роста населения нашей планеты. «Мальтус,— говорит Бебель,— в нужный момент сказал для английской буржуазии нужное слово, а потому он, несмотря на то, что его сочинение не содержало ни единого самостоятельно продуманного положения, сделался великим и знаменитым человеком, и его именем окрестили все учение» (стр. 146). Как показывает Бебель, применение новейших достижений науки в промышленности и сельском хозяйстве позволяет в неограниченных пределах увеличить производство предметов питания. Нищета и голод имеют своим источником не пресловутый мальтузианский «закон» убывающего плодородия земли, а капиталистический способ производства, неизбежно ограничивающий производство предметов потребления, порождающий безработицу и нищету. Данные современной науки и практики полностью подтверждают эти выводы, наглядно опровергая лживые теории неомальтузианцев, несостоятельность которых со всей очевидностью была раскрыта А. Бебелем еще в прошлом веке. Он правильно показал, что мальтузианские концепции имеют своим источником не те или иные заблуждения, возникающие вследствие отсутствия научного решения проблемы питания, а классовые интересы буржуазии, пытающейся свалить ответственность за нищету трудящихся на... законы природы. Не удивительно поэтому, что и ныне буржуазные идеологи повторяют все те же реакционные мальтузианские бредни, несмотря на то, что успехи науки и техники позволяют уже производить продукты питания в количестве, значительно превышающем потребности населения земного шара.

Характеризуя высшую ступень развития коммунистического общества, А. Бебель в ярких красках рисует расцвет науки, искусства, культуры. К такому расцвету с необходимостью придет человек коммунистического общества, свободный от заботы о куске хлеба и имеющий

достаточно времени для своего индивидуального всестороннего духовного и физического развития. В этой связи Бебель показывает, какое громадное значение для развития человеческой личности будет иметь преодоление противоположности между умственным и физическим трудом, городом и деревней. Однако едва ли можно согласиться с Бебелем, когда он утверждает, что в бесклассовом обществе исчезнет всякая специализация труда: «Профессиональных художников тогда не будет, как не будет и профессиональных ученых и профессиональных ремесленников» (стр. 111). Это положение правильно лишь в том смысле, что не будет *порабощающего* личность разделения труда и человек сможет проявлять свои творческие способности в различных областях общественно полезной деятельности. Но столь же очевидно, в свете данных современного исторического опыта, что человек эпохи коммунизма для того, чтобы стать выдающимся математиком или художником, инженером или педагогом, должен будет *специально,* в течение длительного времени, работать в той или иной области знания.

Опыт социалистического строительства не подтверждает также и положения Бебеля о том, что с упразднением противоположности между городом и деревней городское население переселится в деревню (стр. 122). Поскольку преодоление противоположности между городом и деревней означает, в конечном счете, и исчезновение существенных различий между ними, постольку не будет тогда ни городов, ни деревень в современном значении этих слов. Вместе с тем, следует полагать, что крупные города, изменив свой характер в условиях развитого коммунистического строя, сохранят свое значение в качестве исторически сложившихся выдающихся культурных центров.

Отмечая эти отдельные неправильные положения в книге А. Бебеля, следует вместе с тем подчеркнуть, что они, конечно, не могут уменьшить интереса советских читателей к этому замечательному произведению марксистской мысли. Книга Бебеля — не только яркий образец научной пропаганды социалистического мировоззрения, но и выдающийся исторический памятник развития марксистской науки, наглядно свидетельствующий о ее великой жизненной преобразующей силе.

Т. Ойзерман

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Поток растет и размывает фундамент, на котором покоится наше государственное и общественное строение. Весь мир чувствует, что фундамент колеблется, что только еще более мощные опоры могут принести спасение. Но это потребовало бы больших жертв со стороны господствующих классов. Однако здесь возникает препятствие. Всякое предложение, осуществление которого серьезно вредит материальным интересам господствующих классов и угрожает затронуть их привилегированное положение, встречает с их стороны самое ожесточенное сопротивление и клеймится, как стремление, направленное на переворот существующего государственного и общественного порядка. Но больной мир нельзя излечить, не затронув, а в конце концов, и не устранив привилегии господствующих классов.

«Борьба за освобождение трудящихся классов не является борьбой за привилегии, но борьбой за равные права и равные обязанности и за ликвидацию всех привилегий»,— говорится в социал-демократической программе. Из этого вытекает, что половинчатыми мерами и мелкими уступками ничего не поделать.

Господствующие классы рассматривают свое привилегированное положение как нечто естественное и само собой разумеющееся, в справедливости и дальнейшем существовании которого нельзя сомневаться. И поэтому опять же само собой разумеется, что они отвергают и подавляют всякую попытку поколебать их привилегиро-

ванное положение. Даже предложения и законы, которые ничего не изменяют ни в основах существующего общественного порядка, ни в их привилегированном положении, приводят их в величайшее раздражение, раз только дело касается или может коснуться их денежного мешка. В парламентах скопляются целые горы бумаги с печатными речами, пока, наконец, гора не родит мышонка. Самые простые и понятные требования охраны труда рабочих встречаются с таким сопротивлением, как будто дело идет о существовании общества. И если после бесконечных битв удается у них вырвать какие-нибудь уступки, то они кичатся, как будто пожертвовали бо́льшую часть своего состояния. Такое же упорное сопротивление оказывают они, если дело идет о том, чтобы признать угнетенные классы формально равноправными и чтобы, например, в вопросах трудового договора вести с ними переговоры на равных правах.

Это сопротивление при самых простых вещах и самых понятных требованиях подтверждает старое положение, выведенное из опыта, что ни один господствующий класс нельзя убедить *доводами,* если сила обстоятельств не принуждает его к пониманию и уступчивости. И сила обстоятельств лежит в возрастающем понимании, которое порождается у угнетенных развитием наших общественных отношений. Классовые противоречия все более обостряются, становятся все более очевидными и чувствуются сильнее. Угнетенные, эксплуатируемые классы приходят к сознанию несостоятельности существующего, их возмущение растет, и вместе с тем растет повелительное требование изменить условия и сделать их человечными. Захватывая все более широкие круги, это сознание *завоюет, в конце концов, огромное большинство общества, которое заинтересовано в этом изменении самым непосредственным образом.* Но в той же степени, в какой народная масса проникается пониманием несостоятельности существующего и сознанием необходимости его коренного изменения, *падает и способность к сопротивлению господствующего класса, сила которого основывается на невежестве и бессознательности классов угнетенных и эксплуатируемых.* Это взаимодействие очевидно, и потому все, что ему содействует, следует приветствовать. По мере развития капитализма возрастает сознание противоречия, в котором находится существующий

общественный порядок с благом огромного народного большинства. Каких бы больших жертв и напряжений ни стоило разрешение и уничтожение общественных противоречий, это разрешение будет найдено, как только противоречия достигнут высшей точки своего развития, к чему они поспешно приближаются.

Меры, которые следует принять в отдельных фазах развития, зависят от разных обстоятельств. Невозможно предсказать, какие меры будут необходимы в отдельных случаях. Ни одно правительство, ни один министр, как бы силен он ни был, не знает наперед, к чему принудят его обстоятельства в следующем году. Еще менее можно сказать о мерах, которые зависят от обстоятельств, наступление которых не поддается точному исчислению и предсказанию. Вопрос о средствах это — вопрос о тактике в борьбе. Но тактика определяется в зависимости от противника, а также от вспомогательных средств, имеющихся в распоряжении обеих сторон. Средство, которое ныне превосходно, завтра может быть вредным, так как изменились обстоятельства, которые вчера оправдывали его применение. Цель всегда перед глазами, но средства к ее достижению зависят от времени и обстоятельств; необходимо только, чтобы всегда применялись самые действенные и самые решительные средства, какие только *время и обстоятельства допускают*. Таким образом, пускаясь в изображение картин развития будущего, приходится действовать гипотетически: приходится делать предположения, принимая их за факты.

Исходя из этой точки зрения, мы предполагаем, что в известный момент все описанные бедствия достигнут таких размеров и сделаются в такой степени видимыми и ощутимыми огромному большинству населения, что станут для него невыносимыми и его охватит всеобщее неудержимое стремление к коренному переустройству, причем в самой скорой помощи оно увидит самую целесообразную.

Источник всех общественных бедствий без исключения лежит в социальном порядке, который в настоящее время покоится на капитализме, на капиталистическом способе производства, в силу которого класс капиталистов является собственником всех средств труда — земли, шахт, сырья, орудий, машин, средств передвиже-

ния, и посредством этого эксплуатирует и угнетает огромное большинство народа, что имеет следствием возрастающую неуверенность существования, гнет и унижение эксплуатируемых классов. Итак, соответственно этому, самым кратким и быстрым шагом была бы всеобщая экспроприация капиталистической собственности для превращения ее в собственность общественную. *Товарное производство превращается в социалистическое, в производство обществом для общества. Крупное хозяйство и постоянно возрастающая производительность общественного труда, бывшие до сих пор источником нищеты и угнетения эксплуатируемых классов, становятся теперь источником высшего благосостояния и гармонического развития всех.*

2. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЭКСПРОПРИАТОРОВ

Превращение всех средств производства в общественную собственность создаст для общества новую основу. С этих пор коренным образом изменяются условия жизни и труда мужчин и женщин как в области промышленности, земледелия, путей и средств сообщения, так и в области воспитания, семьи, научной, художественной и общественной жизни. Человеческое существование наполнится новым содержанием. Постепенно потеряет почву и государственная организация — *государство исчезнет;* оно до некоторой степени само упраздняет себя.

Государство является продуктом развития примитивного, покоящегося на коммунизме общества, распадающегося по мере того, как развивается *частная собственность.* С появлением частной собственности внутри общества возникают антагонистические интересы. Возникают сословные и классовые противоречия, неизбежно приводящие к классовой борьбе между группами с различными интересами и угрожающие существованию нового строя. Чтобы иметь возможность удержать противников этого нового строя и защитить подвергающихся опасности частных собственников, необходима организация, которая бы отражала такие нападения и провозгласила бы собственность «справедливой» и «священной». *Этой охраняющей и оправдывающей собственность организацией и властью является государство.* Законами обеспечивает оно собственнику его владение и выступает

против нападающих на установленный законом порядок, как судья и мститель. По своей внутренней сущности интересы господствующего класса собственников и государственной власти всегда имеют консервативный характер. Организация государства видоизменяется лишь тогда, когда этого требуют интересы собственности. Таким образом, являясь необходимой организацией общества, покоящегося на классовом господстве, государство *теряет всякий смысл своего существования,* как только с уничтожением частной собственности падут классовые противоречия. Государство отмирает постепенно с устранением отношений господства-подчинения так же, как отмирает религия, если исчезает вера в сверхъестественное существо и в одаренные разумом сверхчувственные силы. Слова должны иметь свое содержание; если они последнее теряют, то перестают выражать понятие.

Здесь, может быть, прокапиталистически настроенный читатель скажет: «Все хорошо и прекрасно, но какими «юридическими основаниями» оправдает общество этот разрушительный переворот?»

Юридическая основа, которая всегда была налицо, когда дело шло о подобных изменениях и переворотах,— *общее благо.* Источником права является не государство, но общество. Государственная власть — только приказчик общества, который имеет право управлять и регулировать. До сих пор господствующим обществом было только ничтожное меньшинство, которое, однако, действовало от имени всего общества (народа), выдавая себя за все «общество», как Людовик XIV — за государство: «L'etat c'est moi!» (Государство — это я). Когда наши газеты пишут: «Сезон начинается, общество спешит в город» или «сезон кончается, общество спешит в деревню», то при этом они имеют в виду не народ, а десяток тысяч высокопоставленных лиц, которые составляют «общество», как и создают государство. Большинство есть чернь, vile multitude, «подлый» народ. Этому положению вещей соответствует все, что государство от имени народа делает для «общественного блага», т. е. все, что приносит пользу и прибыль в первую очередь господствующему классу. В его интересах создаются законы. Salus rei publicae suprema lex esto,— общее благо да будет высшим законом,— есть известный древнерим-

ский принцип права. Кто же составлял, однако, римское общество? Порабощенные народы? Миллионы рабов? Нет, относительно незначительное меньшинство римских граждан, и в первую очередь римская знать, которые заставляли порабощенных кормить себя.

Когда в средние века знать и князья грабили общественное достояние, они делали это во имя «права», в интересах «общественного блага». А как обходились они с общественной собственностью и с собственностью беспомощных крестьян,— об этом рассказывает нам на каждой своей странице история средних веков до нового времени. Аграрная история последнего тысячелетия есть история непрерывного грабежа общественной и крестьянской собственности, практиковавшегося дворянством и церковью во всех культурных государствах Европы. Когда затем Великая французская революция экспроприировала владения церкви и дворянства, она это сделала во имя «общественного блага», и наибольшая часть 8 000 000 земельных собственников, составляющих опору буржуазной Франции, обязана своим существованием этой экспроприации. Во имя «общественного блага» Испания неоднократно захватывала церковную собственность, а Италия полностью конфисковала ее под аплодисменты усерднейших защитников «священной собственности». Английское дворянство в течение столетий крало у ирландского и английского народов их собственность и с 1804 по 1832 г. в интересах «общественного блага» одарило себя «по закону» не менее, чем 3 511 710 акрами общинной земли. И когда в великой североамериканской войне за освобождение были объявлены свободными миллионы рабов, бывших благоприобретенной собственностью своих господ, и были освобождены без вознаграждения последних, это случилось во имя «общественного блага». Все наше буржуазное развитие есть непрерывный процесс экспроприации и конфискации, при котором фабрикант экспроприирует и высасывает ремесленника, крупный землевладелец — крестьянина, крупный купец — мелкого торговца и, наконец, один капиталист другого,— т. е. бо̀льший меньшего. Если мы послушаем нашу буржуазию, то все это происходит для «общего блага», для «пользы общества».

Наполеониды «спасали» 18 брюмера и 2 декабря «общество», а общество приветствовало их; когда

общество в будущем спасет само себя, взяв снова в свои руки созданную им собственность, оно совершит замечательнейший исторический акт, так как *будет действовать не в пользу одного, подчиняя ему другого, но для того, чтобы всем гарантировать равенство в условиях существования и каждому достойное человека бытие*. Это будет в моральном отношении величайшим мероприятием, какое когда-либо выполняло общество.

В каких формах совершится великий общественный процесс экспроприации и с какими видоизменениями — нельзя предсказать. Кто может знать, какие тогда создадутся отношения?

В своем четвертом «социальном письме» Кирхману, озаглавленном «Капитал», Родбертус говорит на стр. 117: «Уничтожение капиталистической собственности на землю — не химера и вполне мыслимо национально-экономически. И, конечно, оно было бы *радикальнейшей помощью обществу*, которое, коротко говоря, страдает от роста земельной ренты и дохода на капитал. Это было бы единственной формой уничтожения земельной и капиталистической собственности, которая ни на один момент *не прервала бы обращения и роста национального богатства»*. Что скажут наши аграрии на это мнение их прежнего партийного товарища?

Нельзя наверняка сказать, как будут складываться обстоятельства после принятия подобной меры. Никто не может знать в деталях, как будущие поколения создадут свои социальные организации и каким наиболее совершенным образом они смогут удовлетворять свои потребности. В обществе, как и в природе, все находится в постоянном течении: одно приходит, другое уходит, старое, отмирающее, заменяется новым, более жизнеспособным. Совершаются открытия, изобретения, улучшения всякого рода, размаха и значения которых зачастую никто не может предвидеть; они действуют, революционизируют и изменяют по мере своей значимости образ человеческой жизни, все общество. Таким образом, речь может идти при последующих рассуждениях только о развитии общих принципов, постановка которых вытекает из сделанного анализа и проведение которых можно предусмотреть только до известной степени. Общество и до сих пор уже не было существом, которое руководится и направляется отдельным лицом, хотя бы это так и ка-

залось. «Думают, что они двигают, а передвигают их». Наоборот, оно является организмом, развивающимся по определенным имманентным законам; в будущем всякое водительство и руководство общества волей отдельных лиц совершенно исключается. Тогда общество будет демократией, которая познала тайну своей сущности, открыла законы собственного развития и целесообразно применяет их для своего дальнейшего развития.

I
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВСЕХ РАБОТОСПОСОБНЫХ К ТРУДУ

Как только общество окажется собственником всех средств и орудий производства, *основным законом социализированного общества станет обязанность трудиться для всех работоспособных без различия пола.* Без труда общество не может существовать. Ввиду этого оно вправе требовать, чтобы каждый, желающий удовлетворять свои потребности, принимал участие в создании продуктов для удовлетворения этих потребностей по мере своих физических и духовных способностей. Нелепое утверждение, будто социалисты хотят отменить труд, совершенно противоречит здравому смыслу. Бездельники и тунеядцы имеются *только* в буржуазном мире. Социализм согласен в этом отношении с библией, когда последняя провозглашает: «кто не работает, не должен есть». Но труд должен быть полезной продуктивной деятельностью. Новое общество будет поэтому требовать, чтобы каждый занялся определенной промышленной, ремесленной, земледельческой или другой какой-либо полезной деятельностью, посредством которой он окажет известную трудовую услугу для удовлетворения имеющихся потребностей. *Без труда нет наслаждения, нет труда без наслаждения.*

Так как все будут обязаны трудиться, все в равной мере будут заинтересованы в соблюдении следующих трех условий труда: во-первых, чтобы труд по своей продолжительности был умеренным и никого не переутомлял; во-вторых, чтобы труд был по возможности приятен и

допускал разнообразие; в-третьих, чтобы он был как можно более производительным, так как от этого зависит продолжительность рабочего времени и степень наслаждения. Эти три условия зависят, однако, в свою очередь от рода и количества имеющихся в распоряжении средств производства и рабочей силы, а также от тех требований, какие общество предъявляет к собственному образу жизни. Социалистическое общество организуется не для того, чтобы жить по-пролетарски, *но для того, чтобы покончить с пролетарским образом жизни громадного большинства человечества.* Это общество стремится доставить каждому возможно бо̀льшую меру жизненных удовольствий, и поэтому возникает вопрос: как высоки будут запросы общества?

Чтобы иметь возможность определить это, необходимо управление, охватывающее все сферы общественного труда. Наши общины являются в данном отношении целесообразным основанием; если они окажутся слишком большими, затрудняющими общий обзор, то их разделят на округа. Как это было когда-то в первобытном обществе, все совершеннолетние члены общины *без различия пола* участвуют в выборах и назначении доверенных лиц, которые должны осуществлять управление. Во главе всех местных управлений находится управление центральное, являющееся, кстати сказать, не правительством с подавляющей властью, а лишь исполнительной управленческой коллегией. Будет ли центральное управление назначаться непосредственно всем обществом или общинными учреждениями,— безразлично. Эти вопросы не могут иметь в будущем того значения, какое они имеют в настоящее время, ибо дело будет состоять не в замещении должностей, доставляющих большую власть, влияние и более высокий доход, а в доверии, которым будут наделяться наиболее способные, все равно — мужчина или женщина, отзываемые или вновь избираемые, в зависимости от потребностей и от желания избирателей. Все должности будут замещаться лишь временно. Таким образом, лица, занимающие эти должности, не будут иметь особого «чиновничьего качества», не будет особенностей, связанных с продолжительным выполнением определенной функции, и иерархического порядка продвижения по службе. В силу изложенных соображений не имеет значения также вопрос о том, должны ли быть между

центральными и местными управлениями промежуточные ступени, напр., провинциальные управления и т. п. Если сочтут их необходимыми,— их создадут; если они не нужны,— их не будет. Во всем этом решающее значение имеет потребность, вытекающая из практики. Если старые учреждения с развитием общества окажутся ненужными, их ликвидируют без шума и споров,— ибо никто лично не будет заинтересован в их сохранении,— и создадут новые. *Итак, это управление, покоящееся на самом широком демократическом основании, коренным образом отличается от нынешнего.* Какая борьба в газетах, какие словесные перебранки в наших парламентах, сколько исписанной официальной бумаги в наших канцеляриях необходимы для самого незначительного изменения в управлении или в правительстве!

Основной задачей сначала будет определение количества и рода имеющихся в распоряжении сил, количества и характера орудий и средств труда, фабрик, мастерских, средств сообщения, земли и т. д., а также прежней производительности труда. Затем необходимо будет определить имеющиеся в наличности запасы и размер существующих потребностей в различных предметах, необходимых для существования общества в течение определенного периода времени. Подобно тому, как ныне государство и другие общественные союзы определяют ежегодно свои бюджеты, то же самое будет происходить впоследствии и по отношению ко всему общественному потреблению, причем изменения, требующие увеличенных или новых потребностей, смогут быть полностью учтены. Статистика будет играть при этом главную роль; она сделается важнейшей вспомогательной наукой в новом обществе и даст мерило для всей общественной деятельности.

Уже и теперь статистика имеет широкое применение для подобных же целей. Государственные и коммунальные бюджеты основываются на целом ряде статистических исследований, проводимых ежегодно в отдельных отраслях управления. Продолжительный опыт и известное постоянство в текущих потребностях облегчают эту работу. Точно так же каждый предприниматель маломальски крупной фабрики, каждый купец в состоянии при *нормальных* условиях с точностью определить, что именно ему необходимо на предстоящую четверть года и как ему следует устроиться со своим производством и

со своими закупками. Ко всему этому он может легко и без особого труда приспособиться, исключая случаи, когда возникают какие-либо важные и значительные изменения.

Тот факт, что кризисы порождаются слепым, анархическим производством, т. е. что последнее совершается без знания запасов, сбыта и спроса на различные предметы, имеющиеся на мировом рынке, побудил в последние годы крупных промышленников самых различных промышленных отраслей объединиться в тресты, картели, синдикаты, с одной стороны, для установления цен, с другой — для регулирования производства, согласно накопленному опыту и поступающим заказам. Соответственно производительной силе каждого отдельного предприятия и вероятному сбыту устанавливается, сколько именно каждый участник объединения вправе произвести в ближайшие месяцы. Нарушение договора карается высоким обусловленным заранее штрафом и опалой. Предприниматели заключают эти договоры не в интересах общества, а во вред ему и для собственной пользы. Их цель — воспользоваться могуществом коалиции для обеспечения себе возможно бо̀льших выгод. Такое регулирование производства имеет в виду лишь возможность запрашивать у публики те цены, каких никогда невозможно достигнуть при взаимной конкуренции отдельных предпринимателей. В результате получается, таким образом, обогащение немногих за счет потребителей, вынужденных платить любую запрашиваемую цену за продукт, в котором они нуждаются. И не только потребитель вообще, но и рабочий терпит ущерб от существования картелей, трестов и т. д. Регулирование производства предпринимателями высвобождает известную часть чиновников и рабочих, которые вынуждены ради заработка сбивать заработную плату своих работающих товарищей. Кроме того, социальная сила картеля так велика, что и рабочие организации редко могут выступать против него. Предприниматели получают, таким образом, двойную выгоду,— они устанавливают более высокие цены и выплачивают более низкую заработную плату. Это регулирование производства предпринимательскими союзами *является прямою противоположностью тому, которое будет иметь место в социалистическом обществе.* Если теперь решающую роль играют интересы предпринимателей,

то в будущем их место займут интересы общественности. Однако даже наилучше организованные картели в буржуазном обществе не в состоянии предусмотреть и учесть все факторы; конкуренция и спекуляция на мировом рынке продолжают свирепствовать, несмотря на картели, в силу чего внезапно обнаруживается, что в расчете имеются промахи, и искусственно возведенное здание рушится.

Подобно промышленности располагает обширной статистикой и торговля. Еженедельно доставляются более крупными торговыми рынками и гаванями сведения относительно запасов керосина, кофе, хлопка, сахара, зерна и т. п. Эти статистические данные, однако, зачастую оказываются неточными, так как собственники товаров нередко лично заинтересованы в том, чтобы не предавать гласности истинное положение дел. Но в общем эти данные являются довольно надежными и дают возможность заинтересованному лицу познакомиться с вероятным состоянием рынка в ближайший период времени. Но и здесь имеет место спекуляция, срывающая все расчеты и зачастую делающая невозможным всякое настоящее дело. Подобно тому, однако, как всеобщее регулирование производства в буржуазном обществе, с его многими тысячами частных производителей с их противоречивыми интересами, является невозможным, так же является невозможным и регулирование распределения продуктов вследствие спекулятивного характера торговли, большого числа лиц, занимающихся торговлею, и противоречий их интересов. И все-таки то, что делается в этой области, показывает лишь, что может быть сделано, раз только исчезнут частные интересы и воцарится интерес общий. Доказательством тому может служить, например, статистика урожая, предпринимаемая ежегодно в различных культурных странах и доставляющая общие заключения относительно высоты хлебного сбора, покрытия собственного потребления и вероятных цен.

В социалистическом же обществе все эти отношения будут вполне упорядочены, все общество будет связано узами солидарности. Все будет совершаться по известному плану и порядку, благодаря чему окажется весьма легким определение размера разнообразных потребностей. С приобретением же со временем некоторого

опыта, все дело не будет представлять никакого затруднения. Раз будет, например, статистически установлено, какой приблизительно спрос существует на хлеб, мясо, сапожные товары, белье и т. д., и будет, с другой стороны, точно известна производительная способность соответствующих промышленных предприятий, *то окажется возможным определение средней продолжительности ежедневного общественно-необходимого труда. Можно будет также определить, где промышленные предприятия, производящие определенные продукты, оказываются и впредь необходимыми и где они становятся излишними или где они могут быть использованы в других целях.*

Всякий решает, к какому роду деятельности приложить свои силы. Большое число самых различных областей труда делает возможным удовлетворение самых различных желаний. Если окажется в одном месте избыток сил, в другом недостаток, то на обязанности администрации будет лежать — принять надлежащие меры и восстановить равновесие. Организовать производство и дать различным силам возможность соответственного приложения,— вот что будет составлять главную задачу избранных должностных лиц. По мере того, как все силы, взаимно приспособляясь, втягиваются в работу, механизм производства работает все легче. Отдельные отрасли труда и их подразделения избирают своих распорядителей, берущих на себя руководство делом. Это не начальники, какими является большинство современных надсмотрщиков и мастеров, а товарищи, которые выполняют возложенную на них административную функцию, как другие выполняют функцию производительную. Не исключено, что с усовершенствованием организации и при более высокой подготовке всех членов эти функции будут выполняться поочередно всеми участниками *без различия пола.*

2. ГАРМОНИЯ ИНТЕРЕСОВ

Труд, организованный на началах полной свободы и демократического равенства, когда один стоит за всех и все за одного и все проникнуто чувством полной солидарности, такой труд породит радость созидания и взаимное соревнование, чего нигде нельзя найти в современной экономической системе. Этот дух радостного

творчества воздействует, в свою очередь, на производительность труда.

Кроме того, все одинаково заинтересованы в том,— *ибо все работают взаимно друг для друга,*— чтобы все предметы были самого лучшего качества и изготовлялись возможно более скоро, для того, чтобы сберечь рабочее время или чтобы выиграть во времени для производства новых продуктов для удовлетворения высших запросов. *Этот же общий интерес побудит всех стремиться к улучшению, упрощению и ускорению самого процесса труда. Честолюбивое стремление к изобретениям и открытиям достигнет своей высшей степени, каждый будет стараться перещеголять других своими проектами и идеями* *. Наступит, таким образом, как раз противоположное тому, что утверждают противники социализма. Какое множество изобретателей и людей, совершивших новые открытия, погибает в буржуазном мире! Сколько из них было им использовано и затем брошено на произвол судьбы! Если бы талант и умственное дарование, а не капитал, находились во главе буржуазного общества, то *бо̀льшая часть предпринимателей должна была бы уступить место своим рабочим, техникам, инженерам, химикам и т. д.* Все это те именно люди, которые в 99 случаях из ста совершали открытия, изобретения, вносили улучшения, пользовался же ими обладатель толстой мошны. Сколько тысяч таких изобретателей погибло потому, что не нашлось человека, который бы предоставил средства для осуществления их открытий и изобретений; сколько

---

* «Могущество соревнования, побуждающее к чрезвычайным усилиям в видах достижения похвалы и удивления со стороны других, оказывается, как учит опыт, полезным повсюду, где люди соревнуются друг с другом публично; даже там, где дело идет о легкомысленных целях или таких, от которых публике нет никакой пользы. Соревнование же в том, чтобы принести возможно большую пользу общему делу, является одним из видов конкуренции, которого социалисты не отвергают» (Джон Стюарт Милль, «Политическая экономия»). Каждый союз, каждый кружок лиц, преследующих те же цели и задачи, также доставляет многочисленные примеры высших стремлений, имеющих в виду не материальный, а идеальный успех. Соревнующиеся побуждаются, конечно, желанием отличиться, жаждой быть полезным общему делу. Этот род честолюбия есть, однако, добродетель, он упражняется в видах общей пользы, в которой и каждая отдельная личность находит также свое удовлетворение. Честолюбие лишь тогда является вредным и предосудительным, когда оно действует в ущерб целому или за счет других лиц.

заслуженных изобретателей подавляется тяжестью будничной борьбы за существование,— все это не поддается учету. Не люди со светлой головой и проницательным умом, а те, у кого много денег, являются господами положения, что не исключает, конечно, отдельных случаев, когда светлый ум и полный кошелек оказываются принадлежностью одной и той же личности.

Каждый знает из действительности, как недоверчиво относится теперь рабочий ко всякому вновь вводимому улучшению, ко всякому новому изобретению. И понятно. Как правило, польза от этого выпадает на долю не его, а хозяина. Он должен опасаться, как бы эта новая машина, это вводимое сегодня улучшение не выбросили его завтра на мостовую, как излишнего. Вместо того, чтобы радостно приветствовать изобретение, которое делает честь человеческому гению и которое должно принести пользу, рабочий произносит лишь слова угрозы и проклятия. И способы усовершенствования производственного процесса, открытые рабочим, не находят себе применения: рабочий утаивает их, ибо боится получить вместо пользы вред. Таковы естественные последствия противоположности интересов.

Эта противоположность интересов устраняется в социалистическом обществе. Каждый развивает свои способности, чтобы быть себе полезным, и, поступая так, он приносит пользу в то же время и обществу. Ныне удовлетворение личного эгоизма и общее благо в большинстве случаев — противоположности, исключающие друг друга; в новом обществе этой противоположности нет более места. *Удовлетворение личного эгоизма и содействие общему благу гармонично сольются друг с другом* *.

Нетрудно представить себе великие последствия подобного морального состояния. Производительность труда возрастет в огромной степени. Особенно сильно возрастет производительность труда по той причине, что

---

* Взвешивая плюсы и минусы коммунизма, Дж. Ст. Милль говорит в своей «Политической экономии»: «Не может быть более благоприятной почвы для развития подобного воззрения (что общественные интересы являются в то же время и личными), чем коммунистическая ассоциация. Всякое честолюбие, как всякая духовная и телесная деятельность, которая расходуется теперь для личных и корыстных интересов, найдут другой круг действия в стремлении ко всеобщему благополучию».

прекратится нездоровое *раздробление рабочих сил* на сотни тысяч и миллионы карликовых предприятий, работающих посредством самых несовершенных орудий и средств труда. Известно, на какое несметное количество карликовых, средних и крупных предприятий раздроблена германская экономика *. Благодаря концентрации мелких и средних предприятий в крупные, снабженные всеми преимуществами самой передовой техники, была бы устранена та колоссальная трата силы, времени, материала (освещения, отопления и т. п.), места, которая совершается теперь, и производительность труда повысилась бы во много раз.

Как велика разница в производительности между мелкими, средними и крупными хозяйствами, могут иллюстрировать данные переписи 1890 г. в штате Массачузетс. Все предприятия десяти отраслей промышленности были там подразделены на три категории. Те, кто производят продуктов менее, чем на 40 000 долларов, относятся к низшему классу, производящие на 40 000—150 000 долларов — к среднему, производящие товаров более, чем на 150 000 долларов — к высшему.

Результаты таковы:

	Число предприятий	Процент всех предприятий	Стоимость всей продукции в долл.	Процент всей продукции
Низший класс	2 042	55,2	51 660 617	9,4
Средний »	968	26,2	106 868 635	19,5
Высший »	686	18,6	390 817 300	71,1
	3 696	100	549 346 552	100

* Согласно данным промышленной переписи, в Германии в 1882 г. существовало 3 005 457 самостоятельных индустриальных производств, в которых было занято, за исключением торговли, путей сообщения, ресторанов и трактиров, 6 396 465 человек. На это общее число 3 005 457 самостоятельных производств приходилось 61,1 процента тех, в которых число занятых лиц было менее пяти, и 16,8 процента с 6 — 50 рабочими. Первые представляли собою самые мелкие предприятия, вторые были средними.

Такое большое число мелких предприятий, более чем в два раза превышающее число средних или крупных предприятий, производило, таким образом, только 9,4% общего количества продуктов, а равняющееся только 23% количество крупных предприятий производило почти в $2^1/_2$ раза больше, чем все остальные. Но и крупные хозяйства могли бы быть организованы рациональнее, чтобы при технически высшей форме производства они могли выполнить *бо́льшее количество* работы.

Сколько можно выиграть во времени при рациональной системе производства, показывают интересные вычисления, сделанные Герцкой в его книге «Законы социального развития». Он задался целью установить, сколько рабочих и времени необходимо, чтобы удовлетворить потребности 22-миллионного населения Австрии при системе крупного производства. С этой целью Герцка навел справки относительно производительности больших предприятий в различных отраслях промышленности и соответственно этому сделал свои вычисления. При этом он принял во внимание обработку 10 миллионов гектаров пахотной земли и 3 миллионов гектаров лугов, которые способны были бы покрыть потребность этого населения в сельскохозяйственных и мясных продуктах. Далее Герцка включил в свои выкладки жилищное строительство при том предположении, что каждая семья получает отдельный домик в пять комнат, занимающий пространство в 150 квадр. метров и рассчитанный на 50 лет. В результате такого вычисления оказалось, что для сельского хозяйства, строительного дела, мучного и сахарного производства, добывания угля, для железоделательной и машиностроительной промышленности, наконец, для производства платья и обуви и для химической индустрии понадобилось бы всего 615 000 рабочих, занятых круглый год при современном среднем рабочем дне. Но эти 615 000 рабочих составляют *лишь 12,3 процента всего работоспособного населения Австрии, даже если оставить в стороне всех женщин и мужское население в возрасте ниже 16 и выше 50 лет.* Если же приставить к делу все 5 миллионов лиц мужского пола, вместо 615 000, то каждый из них принужден был бы работать только 36,9 дня в году,— скажем, *для ровного счета — 6 недель,* ради удов-

летворения жизненных потребностей 22 миллионов населения. Но если мы возьмем вместо 37 рабочих дней в году — 300, то для удовлетворения необходимых *жизненных потребностей при новой организации труда понадобилось бы работать ежедневно* только в течение $1^3/_8$ часа, если считать среднюю величину рабочего дня в наше время в 11 часов.

Далее Герцка вычисляет, что для доставления всех предметов роскоши, которыми теперь пользуются только зажиточные, в распоряжение 22 миллионов людей понадобилось бы еще 315 000 рабочих. Итак, приняв еще во внимание некоторые слабо распространенные в Австрии индустрии, понадобился бы круглым счетом один миллион рабочих, т. е. 20 процентов работоспособного мужского населения, за исключением мужчин ниже 16 и выше 50 лет, *чтобы удовлетворить все потребности населения* в 60 дней. Если же мы и тут примем в расчет все работоспособное мужское население, то пришлось бы работать *в среднем только $2^1/_2$ часа в день.*

Это вычисление не может изумить никого, желающего вникнуть в существо дела. Предположим, что при таком коротком рабочем времени смогут принять участие в труде, исключая больных и инвалидов, и все мужчины в возрасте старше 50 лет, а также, что молодежь, не достигшая еще 16 лет, будет выполнять какую-нибудь нетрудную работу, равно как и значительная часть женщин, не занятая воспитанием детей, приготовлением пищи и т. п., то тогда стало бы возможным еще более сократить рабочий день или значительно повысить уровень потребностей. Но никто не станет утверждать, что в будущем в производительном процессе не возникнут еще более значительные усовершенствования, которые создадут еще бо́льшие удобства. С другой стороны, дело идет о том, чтобы сделать доступным для всех удовлетворение тех потребностей, какие ныне может удовлетворять лишь меньшинство, и при более высоком развитии культуры возникают беспрестанно новые потребности, которые также должны быть удовлетворены. *Нужно постоянно повторять, что новое общество не станет влачить пролетарское существование, что оно будет жить так, как того требует народ с высокоразвитой культурой, и при этом во всех своих слоях, от первого своего члена до последнего.* Но оно должно не только удов-

летворять все свои материальные потребности; оно также должно предоставлять всем в изобилии свободное время как для художественного и научного образования, так и для отдыха.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

И в других весьма существенных пунктах социалистическое общественное хозяйство будет отличаться от буржуазного частного хозяйства. Правило, гласящее «дешево да гнило», которое применяется и не может не применяться в громадной части капиталистического производства, ибо большинство покупателей в состоянии купить лишь дешевые товары, портящиеся весьма быстро,— это правило потеряет силу. Производиться будут товары самого лучшего достоинства, не подвергающиеся быстрой порче. Глупости и безумства в сфере моды, поощряющие лишь расточительство, а также зачастую безвкусицу, исчезнут. Несомненно, люди станут одеваться значительно более практично и более красиво, чем теперь,— заметим мимоходом, что моды последнего столетия, в особенности мужские, отличаются крайней безвкусицей,— но они не станут более вводить каждую четверть года новый покрой платья,— бессмыслица, самым тесным образом связанная с конкуренцией женщин между собою, с одной стороны, хвастливостью и тщеславием общества и потребностью выставлять на показ свое богатство,— с другой. В наше время целый ряд предприятий и людей существует благодаря этим глупым увлечениям модой. Вместе с безумствами в сфере моды платьев исчезнут подобные же глупости и по отношению к стилю домовых построек. Эксцентричность процветает здесь самым злейшим образом. Стили, требовавшие для своего развития целых столетий и возникшие в самых различных странах,— теперь не довольствуются более стилем европейским, его заимствуют у японцев, индусов, китайцев,— эти стили приедаются теперь в 2—3 десятилетия и отбрасываются в сторону. Наши представители художественных ремесел не знают более, что предпринять с моделями и образцами. Едва они успели приспособиться к одному какому-нибудь стилю и надеются покрыть спокойным образом все затраченные издержки, как завтра оказывается уже новый

«стиль» и предъявляются требования на новую трату времени, денег, физических и духовных сил. Нервность века отражается как нельзя лучше в этом перескакивании от одной моды к другой, от одного стиля к другому. Никто не захочет утверждать, что в этой лихорадочной поспешности кроется смысл и разум и что она есть признак здорового состояния общества.

Лишь социализм *снова внесет большую устойчивость в жизненные привычки общества;* он сделает возможным спокойное наслаждение и освободит людей от царящих в наше время торопливости и возбуждения. Нервность, этот бич нашего времени, тогда исчезнет.

Но и самый труд должен получить приятный характер. Для этого нужны практически и со вкусом устроенные мастерские, возможно большее предохранение от всякой опасности, устранение неприятных запахов, испарений, дыма и т. д.,— словом, всех вредных для здоровья и тягостных условий. Вначале новое общество производит при посредстве заимствованных у старого орудий и вспомогательных средств труда. Но они совершенно недостаточны. Бесчисленные, разбросанные и во всех отношениях негодные помещения труда, неудовлетворительные орудия и машины, пригодность которых крайне различна, не соответствуют более ни числу рабочих, ни их запросам относительно удобства и приятности. Возведение множества больших, светлых и богатых воздухом рабочих помещений, снабженных и украшенных самым превосходным образом, является самой насущной необходимостью. Искусство, техника, умственная и физическая ловкость найдут тотчас же для себя самое обширное поле деятельности. Все области машиностроения, производства орудий, строительного дела, отрасли труда, занятые внутренним устройством помещений, получат возможность самой широкой деятельности. Все, что изобретательный ум человека только способен выдумать по части более удобных и приятных помещений, более целесообразной вентиляции, освещения и отопления, машинной и технической организации и всего, что касается чистоты,— все это найдет себе применение.

Сбережение на двигательных силах, на отоплении, освещении, времени, равно как соображения удобств, необходимых для труда и жизни, делают необходимой наиболее целесообразную *концентрацию* мастерских в

определенных пунктах. Жилища будут отделены от рабочих помещений и освобождены от неприятностей, связанных с промышленной работой. В свою очередь, эти неприятности будут сведены до самого незначительного минимума посредством целесообразных мер, а, в конце концов, будут устранены совсем. Уже при современном состоянии техники имеются достаточные средства для того, чтобы самые опасные области производства, как, например, горное дело, химические предприятия и т. д., освободить *совершенно* от присущих им опасностей. Но эти средства не находят себе применения в буржуазном обществе, ибо они связаны с значительными расходами и не существует никакого обязательства делать для охраны рабочих что-либо сверх самого необходимого. Неудобства, присущие труду в горном деле, могут быть устранены, напр., применением другого способа горной разработки, широкой системы вентиляции, электрическим освещением, значительным сокращением рабочего времени и частой сменой рабочих. Да и нет никакой надобности в особенном остроумии, чтобы найти предохранительные средства, которые сделали бы несчастные случаи, напр. при постройках, почти невозможными и придали бы труду на них весьма приятный характер. Необходимые предохранительные меры против солнечной жары и дождя могут быть осуществлены при более значительных работах в совершенно достаточной степени.

Кроме того, в таком обществе, как социалистическое, располагающем значительным количеством рабочей силы, можно было бы легко сделать более частой смену рабочих и приурочение известных работ к определенным временам года и дня.

Вопрос об устранении пыли, дыма, копоти, вони может быть точно так же уже совершенно решен химией и техникой; если же это не делается теперь или делается недостаточно, то только потому, что частные предприниматели не хотят пожертвовать для этого необходимых сумм. Мастерские будущего, где бы они ни находились, на земле или под землею, будут, таким образом, отличаться от современных в самую лучшую сторону. Улучшение условий труда является для частного хозяйства прежде всего денежным вопросом, т. е. здесь спрашивается: может ли предприятие их вынести, выгодны ли они? Если нет, то рабочий может гибнуть. Капитал

не берется за то, что не дает дохода. Интересы человечности не имеют на бирже никакого курса*.

Вопрос о прибыли не играет никакой роли в социалистическом обществе, где будет царить лишь одно соображение — *благо его членов.* Все, что им полезно и что их охраняет, должно быть введено; что им вредит, не может иметь места. Никто не принуждается участвовать в каком-либо опасном предприятии. Если предпринимается какое-либо дело, связанное с опасностями, то является достаточно добровольцев, тем более, что никогда такое предприятие не будет иметь в виду целей вредных для культуры, а всегда только — содействующие ей.

4. РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Самое широкое применение двигательных сил и совершеннейших машин и орудий, самое детальное разделение труда и умелое распределение рабочих сил подымут производство на такую высоту развития, при которой, для удовлетворения необходимого количества жизненных потребностей, *рабочее время может быть весьма значительно сокращено.* Повышенное производство пойдет на пользу всем; *доля каждого в продукте возрастет вместе с ростом производительности труда, и растущая производительность, с своей стороны, сделает возможным сокращение продолжительности общественно необходимого труда.*

Среди двигательных сил, применяемых в производстве, электричество займет, по всей вероятности, в будущем важнейшее место. Уже буржуазное общество старается подчинить себе повсюду эту силу. Чем более

* «Капитал,— говорит «Quarterly Reviewer»,— избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (*T. J. Dunning:* «Trades' Unions and Strikes». London 1860, стр. 35, 36).— *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1955, стр. 764.

широко и чем в более совершенной форме это происходит, тем лучше для общего прогресса, *тем скорее* преобразующее действие этой могущественнейшей из всех природных сил подорвет устои буржуазного мира и откроет двери социализму. Но наибольшего использования и самого широкого применения достигнет электричество впервые только при социалистическом строе общества. В виде ли двигательной силы, или как источник света и тепла, оно в неизмеримой степени будет содействовать улучшению жизненных условий общества. Электричество отличается от всякой другой двигательной силы прежде всего тем, что оно имеется в природе в изобилии. Наши водопады, морские приливы и отливы, ветер, солнечный свет доставляют бесчисленное множество лошадиных сил,— надо лишь уметь ими пользоваться.

«Громадное обилие энергии, превышающее все потребности, доставляют те части земной поверхности, к которым солнечная теплота (большей частью не только не использованная, но даже обременительная) притекает столь равномерно, что из нее можно сделать регулярное техническое применение. Быть может, не была бы преувеличенной предусмотрительность, если бы какая-нибудь нация уже теперь обеспечила себе пользование такой местностью. Очень большой площади для этого вовсе не нужно. *Нескольких квадратных миль в Сев. Африке было бы достаточно для удовлетворения потребности такой страны, как Германская империя.* Концентрация солнечной теплоты дает высокую температуру, а значит и всю остальную двигательную механическую работу, заряжение аккумуляторов, свет и теплоту или, при помощи электролиза, непосредственный горючий материал» *.

Человек, указывающий эти перспективы, не мечтатель, но почтенный профессор Берлинского университета и президент физико-технического государственного института в отставке, человек, занимающий в науке место первого ранга. А на 79-м конгрессе британской ассоциации в Виннипеге (авг. 1909 г.) знаменитый английский физик сэр С. Томсон говорил в своей торжественной речи: «Не далек тот день, когда использование солнеч-

* «Die Energie der Arbeit etc.» von. Fr. Kohlrausch. Leipzig 1909, Dunker er Humblatt.

ных лучей революционизирует нашу жизнь. Человек освободится от своей зависимости от каменного угля и силы воды, и все большие города будут окружены могучими аппаратами — подлинными ловушками солнечных лучей, в которых уловлена солнечная теплота, а полученная энергия собрана в мощные резервуары... Эта сила солнца, сконцентрированная в угле, водопадах, пище, выполняет всю мировую работу. Как мощна эта сила, изливаемая на нас солнцем, будет ясно, когда мы вспомним, что теплота, получаемая в полдень при чистом небе, по исследованиям Ланглея, дает энергию в 7000 лошад. сил на один акр. Если наши инженеры пока не нашли еще пути использовать этот исполинский источник силы, я все же не сомневаюсь, что в конце концов это им удастся. Когда однажды истощатся все земные запасы каменного угля, когда сила воды не будет удовлетворять наших потребностей, тогда мы из названного источника будем черпать всю энергию, необходимую для выполнения мировой работы. Тогда промышленные центры будут расположены в раскаленных пустынях Сахары, а ценность местности будет измеряться тем, насколько она пригодна для установки «коллектора падающих солнечных лучей» *. Таким образом будет устранено опасение, что когда-нибудь у нас может появиться недостаток в топливе, а изобретение аккумуляторов сделало возможным связывание большого количества энергии и сбережение их на любом месте и на любое время, так что рядом с энергией, даваемой нам солнцем, приливом и отливом, можно будет удержать и использовать силу ветра и горных ручьев, которую можно получить только периодически. Таким образом, в конце концов нет такой человеческой деятельности, для которой не было бы налицо двигательной силы.

Только при помощи электричества стало возможным использование в большом масштабе силы воды. По Т. Кэну, в 8 европейских государствах имеется *годных для использования запасов гидроэнергии:*

---

* Уже в 1864 г. Августин Муто пытался применить солнечную теплоту непосредственно к промышленным целям и сконструировал для этого солнечную машину, усовершенствованную Пифре. Большая солнечная машина (гелиометр) стоит в Калифорнии и применяется как насос: вода из источника накачивается со скоростью 11 000 литров в минуту.

	Лошад. сил	На 1000 жителей
Великобритания	963 000	23,1
Германия	1 425 900	24,5
Швейцария .	1 500 000	138,0
Италия	5 500 000	150,0
Франция	5 857 000	169,0
Австро-Венгрия . .	6 460 000	454,5
Швеция	6 750 000	1 290,0
Норвегия	7 500 000	3 409,0

В германском союзном государстве Баден и Бавария располагают наибольшими запасами гидроэнергии. Баден может один в Обергейме получить круглым счетом 200 000 лош. сил. Бавария имеет больше 300 000 неиспользованных и около 100 000 использованных лош. сил. Проф. Ребок в Карлсруэ оценивает энергию всех текучих вод земной поверхности в 8 000 000 000 лош. сил. Если отсюда будет использована только $^1/_{16}$ часть, то получится 500 000 000 беспрерывно действующих лошадиных сил, т. е. такое количество энергии, которое по приблизительному вычислению более чем в 10 раз превосходит потребленное в 1907 г. количество каменного угля (т. е. 1 000 000 000 тонн). Пусть эти вычисления будут только теоретическими, они все же показывают, какие достижения можем мы предвидеть для себя в будущем от «белого угля». Одно падение Ниагары, вытекающей из озерной области с поверхностью 231 880 *кв. км,* т. е. приблизительно 43 % всей площади Германии, имеющей 540 000 *кв. км,*— одно это падение дает больше гидроэнергии, чем имеется в Англии, Германии и Швейцарии вместе взятых. По другому вычислению, цитированному в одном официальном отчете, в Соединенных Штатах Сев. Америки имеется пригодных для использования запасов гидроэнергии не менее чем 20 000 000 лошад. сил, что представляет эквивалент 300 000 000 тонн угля ежегодно. Фабрики, которые будут работать на этом «белом» или «зеленом угле», на силе бурлящих потоков и водопадов, не будут иметь ни труб, ни огня.

Электричество сделает возможным повысить более чем вдвое скорость наших поездов.

Если в начале 90-х годов прошлого столетия г-н Мимс в Балтиморе проектировал устройство электрического

вагона, способного пробежать расстояние в 300 километров в течение одного только часа и соперничать, таким образом, с самим ветром, а профессор Елиу Томсон из Лина (Массачузетс) верил, что возможно изготовить такие электрические двигатели, при помощи которых может быть пройдено в час 160, а при соответствующем укреплении железнодорожного полотна и улучшении системы сигнализации — 260 километров, то эти ожидания почти сбылись. Пробные поездки, предпринятые в 1901 и 1902 гг. поездами на линии Берлин — Цосен, подтвердили возможность достижения уже скорости до 150 километров в час. При проведенном в 1903 г. испытании вагон Сименса достиг скорости в 201, а вагон Всеобщего Электрического Общества — 208 *км*. В следующие годы при испытании скорых поездов с паровыми локомотивами была достигнута скорость в 150 и более километров в час.

Теперь лозунгом является 200 километров в час. И на сцене появляется Август Шерль с его новым проектом скорого поезда, передающим существующие теперь железнодорожные линии товарному движению и связывающим наиболее крупные города однорельсовыми поездами со скоростью 200 километров в час *.

Вопрос об электрификации железнодорожного дела стоит на очереди в Англии, Австрии, Италии и Америке. Между Филадельфией и Нью-Йорком проектируется электрический скорый поезд со скоростью 200 километров в час.

Таким же образом растет и скорость пароходов. Выдающуюся роль играет при этом паровая турбина **. «Она теперь стоит на переднем плане технических достижений. Она, кажется, призвана вытеснить на обширной почве поршневую паровую машину. Между

* По постановлению 4 ноября 1904 г. о постройке новых железных дорог для пассажирских поездов со сквозными тормозами устанавливается скорость в 100 километров в час. В 1908 г. прусское министерство общественных работ решило заменить на железнодорожных линиях Лейпциг — Битерфельд — Магдебург и Лейпциг — Галле паровую тягу электрической.

** В то время, как старая паровая машина приводит во вращательное движение ведущие и маховые колеса кружным путем (с помощью движущегося туда и назад поршня), паровая турбина сообщает вращательное движение непосредственно — как ветер приводит в движение ветряные колеса.

тем как большинство инженеров рассматривало паровую турбину как задачу будущего, она сделалась вопросом современности, привлекшим к себе внимание всего технического мира своими результатами... Впервые только электротехника со своими скорыми машинами предоставила огромное поприще для этой новой машины. Наибольшее количество динамо-машин движется в настоящее время паровыми турбинами» *. Особенно проявила паровая турбина свои преимущества над старыми поршневыми при океанских поездках. Так, английский океанский пароход «Лузитания», снабженный паровыми машинами, в августе 1909 г. рейс из Ирландии до Нью-Йорка сделал в 4 дня 11 час. 42 мин. со средней скоростью 25,85 узла в час (около 48 *км*). Построенный в 1863 г. самый быстроходный в то время корабль «Америка» делал 12½ узла (23,16 *км*) **.
И не далек тот день, когда электрический пропеллер найдет применение на больших пароходах. На маленьких кораблях он уже применяется. Простой уход, верность движения, хорошее саморегулирование, ровный ход — все это делает паровую турбину идеальной двигательной силой для добывания электрической энергии на судне. И рука об руку с электрификацией железнодорожного дела пойдет и электрификация судостроения.

При помощи электричества революционизируется также и грузоподъемная техника. «Если сила пара в общем открыла возможность построения подъемных машин, использующих силу природы, то электрическая передача силы произвела полный переворот в строительстве подъемных машин, как только она смогла обеспечить этим машинам легкую подвижность и способность к беспрерывному движению». Электрическая передача произвела еще более глубокий переворот в строительстве подъемных кранов. «С его массивным клювом из вальцового железа, покоящимся на тяжелом фундаменте из квадратных плит, с его медленными дви-

* *E. Matchos*, «Die Entwicklung der Dampfmaschine», т. 2, стр. 606—607, Берлин 1908.

** «В среднем еще в 50-х годах рейс до Нью-Йорка для парусного судна исчислялся в 6 недель, для парохода — в две недели. В 90-х годах такое же расстояние проделывалось в неделю, теперь в 5½ дней. Две части света, благодаря этим успехам, придвинулись друг к другу ближе, чем Берлин и Вена сотни лет тому назад». E. Reyer, «Kraft», стр. 173. Лейпциг 1908.

жениями, с его рычащим шумом выбивающегося пара, подъемный кран производит впечатление чудовища первобытных времен. Будучи установлен, он развивает огромную подъемную силу, но ему нужны люди — сподручные, которые при помощи цепей укрепляют грузы на его крюке. Трудность его установки, медлительность и тяжесть делают его пригодным только для подъема тяжелых грузов, но не для быстрого массового передвижения. Совершенно другую картину представляет уже с внешней стороны современный, движимый электричеством, стальной кран: мы видим изящную стальную решетчатую балку, покоящуюся на площадке и выдвигающую вперед клещеобразную руку; все управляется одним человеком, который при помощи легкого нажима на рулевой рычаг направляет электрический ток, действием которого он сообщает быстрое движение стройным стальным членам крана так, что он без помощи подносчика схватывает стальные раскаленные болванки и перебрасывает их по воздуху. При этом нет никакого другого шума, кроме жужжания электромотора *. Без помощи этих машин не удалось бы справиться с постоянно растущими массовыми перевозками. Об увеличении грузоподъемности за период с середины до конца XIX в. дает представление сравнение этих величин между подъемными кранами и Рова и Киле. Грузоподъемность первого равняется 60 *т*, второго — 200 *т*. Работа завода бессемеровой стали вообще возможна только тогда, когда пользуются быстро действующими подъемными машинами, потому что в противном случае огромные массы расплавленной стали, добываемой в короткое время, не могли бы быть транспортированы в формы. На заводе Круппа в Эссене работают 608 подъемных кранов общей грузоподъемностью в 6513 тонн, т. е. равной товарному поезду, насчитывающему 650 вагонов. Незначительная стоимость морского фрахта, представляющая жизненное условие современного мирового сообщения, была бы невозможна, если бы капитал, вложенный в судоходство, не использовался интенсивно благодаря быстрой нагрузке судов. Снабжение судов электрическими подъемными площадками привело к уменьшению годовых расхо-

* *Kammerer*, «Die Technik der Lastenforderung einst und jetzt», стр. 260, Берлин 1907.

дов с 23 000 до 13 000 марок, т. е. почти наполовину. Этот пример охватывает успехи только одного десятилетия.

Во всех отраслях техники сообщения каждый день приносит успехи, пролагающие новые пути. Проблема полета, которая еще два десятилетия тому назад казалась неразрешимой, теперь уже разрешена. И если управляемые воздушные корабли и различные летательные аппараты пока еще служат не для более легких и дешевых массовых перевозок, а для спорта и милитаризма, то в будущем они будут служить увеличению производительных сил общества. Огромные успехи сделала беспроволочная система телеграфирования и телефонирования; ее промышленное значение растет с каждым днем. Через немного лет, таким образом, транспортное дело будет поставлено на совершенно новые основания.

И в горном деле мы видим переворот, которого еще десять лет тому назад нельзя было и представить. Переворот этот состоит в введении электрической передачи для откачивания воды, вентиляции, откатки руд по штрекам и для доставки руды на поверхность. Электродвигательная сила революционизировала рабочие машины, насосы, блоки, подъемные машины.

Сказочны также те перспективы, которые нарисовал весной 1894 г. бывший французский министр народного просвещения, парижский профессор Бертело (ум. 18 марта 1907 г.) в своей речи на банкете химических фабрикантов о роли химии в будущем. Бертело начертал картину состояния химии приблизительно в 2000-м году, и хотя этот очерк содержит в себе некоторые юмористические преувеличения, все же многое в нем мы находим верным и ввиду этого приводим его в извлечении. Бертело показал все те успехи, какие уже сделала химия в течение немногих десятилетий, и заметил следующее:

«Производство серной кислоты, соды, беление и крашение, свекловичный сахар, терапевтические алкалоиды, газ, позолота, серебрение и т. д.; затем возникла электрохимия, преобразовавшая коренным образом металлургию, термохимия и химия взрывчатых веществ, доставляющая горной индустрии, равно как и военному делу, новые источники энергии; чудеса органической

химии в создании красок, благовонных веществ, терапевтических и антисептических средств и т. д. Но все это лишь *начало,* скоро будут решены гораздо более важные проблемы. В 2000-м году не будет более ни сельского хозяйства, ни крестьян, ибо химия сделает излишним современное земледелие. Не будет никаких угольных копей и, следовательно, также никаких стачек углекопов. *Горючие материалы* будут заменены химическими и физическими процессами. Таможенные пошлины и войны будут отменены; воздухоплавание, пользующееся двигательной силой химических веществ, произнесло смертный приговор над этими устаревшими порядками. Проблема всей индустрии состоит в том, чтобы найти источники сил, которые были бы неистощимы и возобновлялись бы с возможно меньшей затратой труда. До сих пор мы создавали пар посредством химической энергии сжигаемого каменного угля; но каменный уголь добывается нелегко, и запас его убывает с каждым днем. Надо подумать о том, чтобы воспользоваться *солнечной теплотой* и *жаром, заключающимся во внутренности земли.* Существует обоснованная надежда на возможность безграничной эксплуатации этих источников. Просверлить шахту глубиною в 3—4 тысячи метров представляется возможным не только для будущих, но и для современных инженеров. Таким путем был бы открыт источник какой угодно теплоты и какой угодно промышленной работы; если присоединить сюда еще энергию *воды,* то можно заставить на земле двигаться всевозможные машины, и этот источник силы, спустя сотни лет, вряд ли обнаружил бы заметное уменьшение.

Благодаря земной теплоте были бы разрешены многочисленные химические задачи, между прочим, величайшая химическая проблема — изготовление *питательных веществ* химическим путем. В принципе этот вопрос уже решен; синтез жиров и масел уже давно известен, сахар и углеводы тоже уже синтезируются, и скоро найдут также способ соединения азотистых веществ. Вопрос о средствах существования — чисто химический; в тот день, когда найдут соответственный, дешевый источник силы, станут приготовлять пищу всех родов, добывая углерод из углекислоты, водород и кислород из воды и азот из воздушной атмосферы. То, что производили до сих пор *растения,* будет совершать *индустрия,*

и притом *еще лучше,* чем природа. Наступит время, когда каждый будет иметь при себе в кармане коробочку с химическими веществами, из которой он будет удовлетворять свой голод, покрывая потребность организма в белке, жире и углеводах, без всякой зависимости от времени дня и года, дождя и засухи, морозов, града и опустошительных насекомых. И тогда наступит переворот, о котором теперь нельзя еще составить себе понятие. Пахотные поля, виноградники и луга исчезнут; человек выиграет в отношении мягкости характера и морали, ибо он не будет более жить убийством и истреблением живых существ. Тогда же исчезнет также различие между плодородными и неплодородными местностями, и, быть может, *пустыни* станут тогда *любимым местопребыванием* человека, так как там здоровее жить, чем на зараженной наносной почве и в болотных подгнивших равнинах, где теперь занимаются хлебопашеством. В то же время своего полного развития достигнет *искусство* вместе со всеми прочими красотами человеческого существования. Земля не будет более исковеркана, так сказать, геометрическими фигурами, проводимыми земледельческим хозяйством, а обратится в сплошной *сад,* в котором можно будет предоставить свободно произрастать травам и цветам, кустарникам и лесам и в котором человеческий род будет жить в изобилии, в царстве золотого века. Человек не впадет от этого в леность и разврат. Счастье невозможно без труда, и человек будет работать столько же, как и прежде, ибо он будет трудиться *для себя,* для умственного, нравственного и эстетического усовершенствования».

Каждый читатель может считать в этой речи Бартело верным то, что ему угодно, но несомненно то, что в будущем, благодаря разностороннему прогрессу, доброкачественность, количество и разнообразие предметов увеличатся в неизмеримой степени и что жизненные удобства будущих поколений улучшатся так, как мы это едва ли можем себе представить.

Проф. Елиу Томсон согласен с Вернером Сименсом, который уже на берлинском конгрессе естествоиспытателей в 1887 г. высказал мнение,— что посредством электричества возможно превращать *основные элементы материи непосредственно в продукты питания.* В то

время, как Вернер Сименс в 1887 году полагал, что возможно будет, хотя и в далеком будущем, искусственно создавать углеводы, как, напр., виноградный сахар и родственный ему крахмал, следствием чего явится возможность «из камней делать хлеб»,— химик д-р Мейер утверждает, что возможно будет древесину превратить в источник человеческого питания. Тем временем (1890 г.) Эмиль Фишер уже на деле приготовил искусственным путем виноградный и фруктовый сахар и сделал, таким образом, открытие, которое Вернер Сименс в 1887 г. считал возможным лишь «в далеком будущем».

С тех пор химия сделала дальнейшие успехи. Индиго, ванилин, камфора изготовляются искусственно. В 1906 г. В. Лебу удалось произвести вне растения ассимиляцию угольной кислоты вплоть до сахара под действием электрического тока высокого напряжения. В 1907 г. Эмиль Фишер получил сложное синтетическое тело, очень близкое к протеину (белку). В 1908 г. Вильштетер и Пенс получили в чистом виде хлорофилл (зеленое красящее вещество растений) и доказали, что это — магнезиальное соединение. Кроме того был искусственно получен ряд важнейших веществ, играющих роль при размножении и наследовании. Таким образом, разрешение главной проблемы органической химии — получение белка — относится к области не очень отдаленного будущего.

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ТРУДОМ УМСТВЕННЫМ И ФИЗИЧЕСКИМ

Одна из потребностей, глубоко коренящаяся в человеческой природе, состоит в стремлении к свободе выбора занятий и их разнообразию. Подобно тому, как самое вкусное блюдо при постоянном повторении его без перемены становится, в конце концов, отвратительным, точно то же мы видим и по отношению к ежедневно и однообразно повторяющейся работе: она отупляет и ослабляет. Человек исполняет лишь механически то, что он обязан делать, но без всякого увлечения и наслаждения. *В каждом* человеке заключается целый ряд способностей и наклонностей, которые стоит лишь пробудить и развить, чтобы они, при применении

к делу, произвели самые превосходные результаты. Лишь тогда человек становится настоящим человеком. Социалистическое общество предоставит полнейшую возможность удовлетворять потребность в свободе выбора занятий. Могущественный рост производительных сил, в соединении со все усиливающимся упрощением трудового процесса, сделает возможным не только значительное сокращение рабочего времени, *но и облегчит также приобретение навыка в самых различных отраслях труда.*

Старая система обучения уже ныне изжила себя, она существует еще и возможна только в *отсталых, устаревших* формах производства, как, например, в мелком ремесле. Но ввиду того, что это последнее в новом обществе исчезнет, исчезнут также и все ему свойственные порядки и формы. Их место занимают новые. Уже теперь каждая фабрика нам показывает, как мало в ней рабочих, работающих всю свою жизнь при одном какомлибо специально изученном деле. Рабочие принадлежат к самым разнообразным и разнородным ремеслам; короткого периода времени достаточно, чтобы их приучить к какой-либо частичной работе, в которую они тогда, соответственно господствующей системе эксплуатации, при продолжительном рабочем времени, без перемен и невзирая на их наклонности, впрягаются и превращаются при машине сами в машину*. Подобное положение вещей невозможно при измененной организации общества. Для приобретения навыка и упражнения в ремесле имеется достаточное количество времени. Большие, со всем комфортом и техническим совершенством устроенные учебные мастерские облегчают молодым и пожилым обучение любой специальности. Химические и физические лаборатории, удовлетворяющие всем требованиям данного состояния науки, имеются в наличности, равным образом — необходимое количество преподавательского персонала. Лишь тогда станет вполне ясно, какое множество склонностей и способностей по-

---

* «Широкая масса рабочих так мало располагает в Англии, как и в большинстве других стран, свободным выбором своего занятия или своего местопребывания, она на деле так зависит от строгих правил и чужой воли, как это только возможно при какой-либо системе, исключая действительное рабство». *Джон Стюарт Милль,* «Политическая экономия».

гибало под давлением капиталистической системы производства или же получало ложное развитие *.

Но в будущем не только станет возможным считаться с потребностью в разнообразии труда, но даже *цель общества* будет состоять в том, чтобы осуществить удовлетворение этой потребности, ибо от этого существенно *зависит гармоничное развитие человека.* Профессиональные физиономии, встречаемые в современном обществе,— состоит ли данная профессия в определенной однообразной работе какого-либо рода, или в кутежах и тунеядстве, или в вынужденном безделии,— постепенно исчезнут. В настоящее время существует крайне незначительное число людей, имеющих возможность разнообразить свою деятельность. Изредка встречаются счастливцы, покровительствуемые особыми условиями и ускользающие от однообразия ежедневной кабалы тем, что после исполнения своей физической работы они отдыхают на духовной. И, наоборот, мы встречаем порой лиц, занятых умственным трудом, которые в то же время имеют какое-либо физическое занятие, какое-либо ремесло, садоводство и т. п. Каждый гигиенист подтвердит благотворное влияние деятельности, покоящейся на смене умственного и физического труда; *лишь такая деятельность естественна.* Требуется лишь, чтобы она *совершалась в меру* и соответствовала личным силам.

В своей статье о «Значении науки и искусства» граф Л. Толстой обрушивается на тот гипертрофический и неестественный характер, который, в связи с ненормальностью нашего общества, приняли наука и искусство. Он осуждает самым суровым образом презрение к физической работе, столь распространенное в современном

* Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху,— поверьте! — я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» *(A. Corbon:* «De l'Enseignement professionnel», 2-е изд., стр. 50).— *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1955, стр. 493.

обществе, и советует возвратиться к естественному порядку жизни. Каждому человеку, желающему жить естественной и полной жизнью, следует распределить свой день между: 1) физической работой в земледелии, 2) ремесленным трудом, 3) умственными работами и 4) разумным препровождением времени в обществе других людей. Физический труд должен продолжаться не более 8 часов. Толстой, ведущий на деле такой образ жизни, и с тех пор, как он его ведет, чувствующий себя,— как он говорит,— впервые человеком, упускает лишь из виду, что то, что возможно для него, богатого и независимого человека, невозможно при современных условиях для большинства людей. Человек, принужденный физически напряженно работать по 10—12 и более часов в день, чтобы обеспечить себе кое-какое жалкое существование, и выросший в невежестве, не в состоянии предоставить себе толстовский образ жизни. Не могут сделать этого и те, кто поглощен борьбою за существование и принужден подчиняться ее требованиям, а равно и то меньшинство, которое могло бы, подобно Толстому, это сделать, но которое в своем большинстве не чувствует в этом никакой потребности. Это — одна из тех иллюзий, которыми увлекается Толстой, когда он думает, что путем проповеди и личного примера можно преобразовать общество. Те опыты, однако, которые были сделаны Толстым с его образом жизни, доказывают его разумность; но для того, чтобы была возможность ввести такой образ жизни в общественные нравы, необходимы другие общественные отношения, другое общество.

*Будущее общество и будет иметь эти отношения, оно будет располагать учеными и художниками всякого рода в неисчислимом множестве, но каждый из них будет известную часть дня физически работать, а в остальное время предаваться своим занятиям и искусствам, а также общаться с людьми**.

* Что может выйти из людей при благоприятных условиях развития видим мы на примере Леонардо да Винчи, который был превосходным живописцем, знаменитым скульптором, выдающимся архитектором и инженером, отличным военным специалистом, музыкантом и импровизатором. Бенвенуто Челлини был знаменитым ювелиром, превосходным модельщиком, хорошим скульптором, признанным военным инженером, отличным воином и музыкантом. Авраам Линкольн был дровосеком, земледельцем, матросом, при-

Существующая теперь противоположность между умственной и физической работой, еще более обостряемая по возможности господствующими классами, желающими обеспечить за собою также и духовные орудия господства, *должна быть ликвидирована.*

6. ПОВЫШЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ

Из всего сказанного до сих пор следует далее, что периоды кризиса и безработицы невозможны в новом обществе. Кризисы вытекают из того обстоятельства, что капиталистическое производство, подстрекаемое барышом и без всякого надежного мерила по отношению к действительному спросу, создает переполнение рынка товарами, т. е. перепроизводство. Характер продуктов при капиталистическом хозяйстве, как товаров, обменять которые стремятся их владельцы, ставит в зависимость сбыт этих товаров от *покупательной способности* потребителей. Эта же покупательная способность ограничена у громадного большинства населения, получающего за свой труд недостаточную плату или не находящего для него приложения всякий раз, как нанимающий его не в состоянии выжать из него прибавочную стоимость. *Покупательная и потребительная способности являются в буржуазном мире двумя совершенно различными вещами.* Многие миллионы нуждаются в новой одежде, в сапогах, мебели, белье, в съестных припасах и напитках, но у них нет денег, и их потребности, т. е. их *потребительная способность* остается неудовлетворенной. Товарный рынок переполнен, а масса голодает; она хочет работать, но нет никого, желающего купить ее труд, так как капиталист видит, что ничего нельзя при этом заработать. Умри, бедняк, пропадай, сделайся бродягой, преступником,— я, капиталист, не в состоянии ничего сделать, ибо не могу же я производить товары, которых я не в состоя-

---

казчиком и адвокатом, прежде чем он занял президентское место в Соединенных Штатах. Можно сказать без преувеличения, что большинство людей заняты трудом, не соответствующим их способностям, так как не свободная воля, а давление обстоятельств указало им дорогу. Иной плохой профессор был бы превосходным сапожником, а иной дельный сапожник мог бы быть также и дельным профессором.

нии продать с соответственной прибылью. И этот человек по-своему совершенно прав.

В новом обществе это противоречие будет устранено. Новое общество производит уже «не товары», чтобы «покупать» или «продавать», *а предметы для удовлетворения жизненных потребностей, которые должны быть использованы, потреблены, так как это их единственное назначение.* Потребительная способность имеет здесь свой предел не в покупательной способности отдельных лиц, как в буржуазном обществе, *а в производительной способности всего общества.* Раз имеются в наличности орудия труда и рабочая сила, то *нет потребности,* которая не могла бы быть удовлетворена; потребительная способность общества находит свою границу только *в полной удовлетворенности потребителей.*

Но раз в новом обществе нет «товаров», то не может быть и денег. Деньги кажутся противоположностью товара, но в действительности они сами — товар! Хотя деньги представляют собою товар, но они являются в то же время общественной формой эквивалента, мерилом ценности всех остальных товаров. Новое же общество производит уже не товары, а только предметы для удовлетворения потребностей, потребительные ценности, для создания которых требуется известное количество общественно-необходимого труда. Рабочее время, необходимое средним счетом для изготовления какого-либо предмета, является единственным мерилом, которым измеряется его ценность для общественного потребления. Десять минут общественно-необходимого рабочего времени, заключающиеся в одном предмете, равняются десяти минутам того же времени в каком-либо другом предмете, не более и не менее. Общество не хочет «заработать», ему нужно лишь осуществить в среде своих членов обмен предметов одинакового качества и одинаковой потребительной ценности; да собственно ему нет даже необходимости устанавливать потребительную ценность,— оно просто производит то, в чем нуждается. Найдет, напр., общество, что для изготовления всех необходимых продуктов нужен трехчасовой рабочий день, оно его введет *. Улучшатся методы производства так,

* Необходимо постоянно иметь в виду, что все производство организовано согласно последним техническим усовершенствованиям и что *все* принимают участие в труде, так что при благоприятных

что спрос можно будет покрыть уже двумя часами, тогда общество установит двухчасовой рабочий день. В случае же, если высшие потребности возрастут в такой степени, что, несмотря на увеличение рабочих сил и повышенную производительность труда, в два-три часа они не смогут быть удовлетворены, то оно установит бòльшую продолжительность рабочего дня. Его воля — его царство небесное.

Сколько именно каждый отдельный продукт потребует общественного времени для своего изготовления — рассчитать легко *. Соответственно измеряется отношение данной части трудового времени ко всей его сумме. Какое-либо удостоверение, печатный листок бумаги, кусок золота или жести свидетельствует об исполненной работе и дает владельцу его возможность обменять эти знаки на самые различные предметы потребления. Если он найдет, что его потребности менее велики, чем его заработок, тогда он работает соответственно меньшее количество времени. Захочется ему подарить оставшееся непотребленным,— никто ему в этом не мешает; вздумается ему *добровольно* работать за другого, чтобы дать тому возможность предаться беззаботному препровождению времени, и захочет он делить с ним свою долю общественных продуктов, никто не воспретит ему этого. Но никто не может принудить его работать на другого, никто не может удержать какую-либо часть заработанной им доли общественных продуктов. Каждый может удовлетворять все свои исполнимые желания и

обстоятельствах трехчасовой рабочий день окажется даже чересчур длинным. Оуэн, который был крупным фабрикантом и которого поэтому можно считать экспертом, считал в свое время — в первую четверть XIX столетия — двухчасовой рабочий день достаточным.

* «И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае непосредственно и абсолютно известны, то обществу не может прийти в голову выражать их еще сверх того посредством относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства,— т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адэкватной, абсолютной мере, какой является *время*... Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Полезные действия различных предметов потребления, сопоставленные друг с другом и с необходимыми для их изготовления количествами труда, определяют окончательно этот план. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости»».— *Фридрих Энгельс*, «Анти-Дюринг», 1957, стр. 293—294.

потребности, но не за счет других. Он получает соответственно тому, что он доставляет обществу, не более и не менее, и живет свободным от всякой эксплуатации со стороны другого.

7. РАВНАЯ ДЛЯ ВСЕХ ОБЯЗАННОСТЬ ТРУДИТЬСЯ

«Но как быть с разницей между ленивыми и прилежными, между умными и глупцами?» — таков один из первых вопросов со стороны наших противников, и данный нами ответ приводит их в наибольшее замешательство. О том, напр., что в нашей чиновничьей иерархии нет такого подразделения на «ленивых» и «прилежных», «умных» и «глупцов», но решающую роль в размере жалованья, а большей частью и в чинопроизводстве играет *срок службы,* — об этом не думает никто из этих хитроумных мудрецов. Учитель и профессор, — из среды последних раздаются наиболее наивные вопросы, — занимают должности и получают содержание не соответственно своим способностям. Как много случаев, когда повышения по службе в нашей военной, чиновничьей и ученой иерархии выпадают на долю не наиболее способных, а имеющих счастливую привилегию происхождения, родственных и дружественных связей, женской благосклонности, — знают все и каждый. Равным образом то, что богатство соизмеряется также несоответственно прилежанию и уму, — доказывают как нельзя более убедительно избирающие в первом классе прусской трехклассной избирательной системы берлинские трактирщики, булочники, мясники, которые зачастую не в состоянии отличить дательный падеж от винительного, тогда как берлинская интеллигенция, люди науки, высшие чиновники государства избирают во втором или третьем классе. Различия между «ленивыми» и «прилежными», дураками и умными в новом обществе не может больше существовать, так как не будет существовать и того, что мы подразумеваем под этими понятиями. «Бездельником» слывет теперь в обществе лишь тот, который, оставшись без работы, принужден бродяжничать и, в конце концов, становится действительным бродягой, или тот, который, получив дурное воспитание, сбился с пути. Но если кто назовет богатого бездельника, убивающего свое время в кутежах, «тунеяд-

цем»,— тот наносит оскорбление «достопочтенному» и «честному» человеку.

Каковы же все эти условия в свободном обществе? Все развиваются там при одинаковых жизненных условиях, и каждый берется лишь за *то* дело, которое соответствует его склонностям и умению, в силу чего различия в исполненном труде каждого будут лишь незначительные *. Умственная и нравственная атмосфера общества, побуждающая каждого превзойти другого, способствует также сглаживанию различий. Найдет кто-либо, что он не в состоянии в данной области делать того, что делают другие, тогда он берется за другую, соответствующую его силам и способностям. Тот, кто работает на каком-либо предприятии вместе со многими другими, знает, что люди, оказавшиеся в каком-либо одном отношении неспособными и непригодными, будучи переведены в другое место, становятся превосходными работниками. Нет ни одного нормально развитого человека, который в той или иной деятельности не мог бы удовлетворить даже самым строгим требованиям, лишь только он будет поставлен на надлежащее место. По какому праву один требует предпочтения перед другим? Если природа обидела кого-либо в такой степени, что он при всем старании не в состоянии произвести столько же, что и другие,— *то общество не может карать его за погрешности природы*. Если, наоборот, кто-либо получил от природы способности, возвышающие его над другими, *то общество не обязано вознаграждать за то, что не является личной его заслугой*. Для социалистического общества важно, кроме того, чтобы все имели одинаковые условия воспитания и жизни, чтобы каждому была предоставлена возможность развить свои знания и силы соответственно своим склонностям и способностям, и это явится гарантией того, что уровень образования и способностей в социалистическом обществе не только будет значительно выше, чем в обществе

---

* «Все нормально организованные личности рождаются обыкновенно *с одинаковым рассудком, но воспитание, законы и обстоятельства создают между ними различия*. Правильно понятый личный интерес совпадает с общим или общественным интересом».— *Гельвеций*, «О человеке и его воспитании». По отношению к весьма значительному большинству людей Гельвеций прав, что не исключает, однако, существования различных дарований у отдельных лиц в той или иной сфере деятельности.

буржуазном, но также будет более *равномерным* и в то же время более *многообразным.*

Когда Гёте во время одной рейнской поездки изучал Кёльнский собор, он сделал открытие в строительных актах, что старые строительные мастера оплачивали своих рабочих по времени работы; они это делали потому, что хотели получать хорошую и добросовестно выполненную работу. Это казалось буржуазному обществу аномалией. Оно ввело сдельную плату, которой рабочие принуждаются к чрезмерной работе; при этом предпринимателю тем легче провести понижение заработной платы. Дело с умственным трудом обстоит так же, как и с физическим.

Человек есть продукт времени и обстоятельств, в которых он живет. Если бы Гёте родился среди тех же благоприятных условий не в семнадцатом, а в четвертом веке, то он стал бы, вероятно, не знаменитым поэтом и естествоиспытателем, а *выдающимся отцом церкви,* который затмил бы, может быть, даже святого Августина. Если бы, наоборот, Гёте, вместо того, чтобы родиться сыном богатого франкфуртского патриция, родился сыном бедного франкфуртского сапожника, то он вряд ли стал бы великогерцогским веймарским министром и, вероятнее всего, он остался бы сапожником и умер бы почтенным сапожным мастером. Гёте сам признал все значение в его развитии того момента, что он родился в благоприятной материальной и общественной обстановке (как, напр., в своем «Вильгельме Мейстере»). Родись Наполеон десятью годами позже, он никогда не сделался бы императором Франции. Без войны 1870—1871 гг. из Гамбетты не вышло бы того, чем он стал. Поселите хорошо одаренное дитя образованных родителей среди дикарей, и из него выйдет дикарь. *Таким образом, тем, чем становится отдельный человек, он обязан обществу.* Идеи являются не продуктом, образующимся в голове каждого из ничего или посредством особого наития свыше, а продуктом, создаваемым общественным процессом, «духом времени». Аристотель не мог иметь идей Дарвина, а Дарвин должен был иначе думать, чем Аристотель. Каждый думает так, как его принуждает думать дух времени, т. е. окружающая его среда и ее явления. Отсюда же тот факт, что часто различные люди одновременно думают одно и то же, что

одни и те же изобретения и открытия одновременно совершаются в далеко отстоящих друг от друга местах. Отсюда далее тот факт, что какая-либо идея, высказанная 50 лет ранее, встретила полное равнодушие, а повторенная 50 лет позже — взволновала весь мир. Император Сигизмунд мог осмелиться в 1415 г. нарушить слово, данное Гусу, и допустить его сожжение в Констанце. Карл V, бывший гораздо более ярым фанатиком, должен был в 1521 г. позволить Лютеру свободно вернуться с Вормского сейма. Идеи, таким образом, суть продукт общественного взаимодействия, общественной жизни. И то, что справедливо по отношению к обществу вообще, справедливо, в частности, и по отношению к различным классам, из которых состоит общество в определенный исторический период. Так как каждый класс имеет свои особые интересы, то у него имеются также свои особые идеи и воззрения, ведущие к той классовой борьбе, которая наполняет собою известные периоды человеческой истории и которая своего крайнего развития достигла в классовых противоположностях и классовых столкновениях современности. Итак, дело не только в том, чтобы знать, в какой *исторический период* кто-либо живет,— а также к какой *социальной группе* известного периода он принадлежит или принадлежал, в зависимости от чего определялся и определяется весь характер его восприятия, мышления и поступков.

Без современного общества нет и современных идей. Это представляется нам ясным и очевидным. По отношению к новому обществу надо еще заметить, что те средства, которыми пользуется всякий для своего усовершенствования, являются *собственностью общества.* Поэтому общество не может считать себя обязанным вознаграждать особо *за то,* что им же непосредственно обусловлено и что является *его собственным продуктом.*

Этим мы ограничимся в своей квалификации духовной и физической работы. Отсюда следует далее, что не может существовать никакой разницы между «высшей» и «низшей» работой, вроде того, как ныне, напр., механик зачастую мнит себя выше поденного рабочего, кладущего мостовые или исполняющего тому подобные работы. Общество дает возможность совершать лишь социально-полезные работы, а потому каждый труд яв-

ляется для общества одинаково ценным. Если нельзя будет неприятные, отталкивающие работы исполнять механическим или химическим путем и превратить их каким-либо образом в приятные,— в чем *нельзя сомневаться,* если принять во внимание те успехи, каких мы достигли в области техники и химии,— и если не найдется добровольно необходимый для них контингент сил, тогда выпадает на долю каждого обязанность, как только наступает его очередь, выполнить приходящуюся на его долю часть работы. Здесь нет места ложному стыду и бессмысленному презрению к полезному труду. Все это существует лишь в нашем государстве трутней, в котором безделье считается завидной долей, а рабочий подвергается тем большему презрению, чем тяжелее, мучительнее и неприятнее работа, которую он выполняет, и чем она необходимее для общества. В наше время труд оплачивается тем хуже, чем он неприятнее. Причина та, что в силу беспрестанного революционизирования процесса производства выбрасывается на мостовую масса излишних рабочих сил в качестве резервной армии, которая, чтобы жить, нанимается на самые тяжкие работы на условиях, при которых даже введение машин для таких работ оказывается «невыгодным». Так, напр., работа каменоломов вошла в поговорку, как одна из наиболее неприятных и наихуже оплачиваемых работ. Нет ничего легче, как заменить эту работу, как в Соединенных Штатах, машинами, но у нас имеется такое обилие дешевой рабочей силы, что машина не «окупается» *. Подметание улиц, чистка клоак, вывоз

* «Если бы необходимо было выбирать между коммунизмом со всем его риском и современным положением общества со всеми его страданиями и несправедливостями; если бы институт частной собственности имел своим необходимым следствием, что продукт труда распределяется так, как это мы видим теперь, т. е. в почти обратном отношении к труду,— *что наибольшие доли выпадают тем, которые вообще никогда не работали, а следующие за ними по величине тем, труд которых почти только номинален, и так далее по нисходящей прогрессии, так что вознаграждение все более понижается по мере того, как работа становится тяжелее и неприятнее, а самый утомительный и изнуряющий труд не всегда может с уверенностью рассчитывать даже на самый скудный заработок; если бы,— говорим мы,— предстояло выбрать одно из двух — это положение или коммунизм,— то все сомнительные стороны коммунизма, существенные и второстепенные, были бы легким перышком на чашке весов».— Джон Стюарт Милль,* «Политическая экономия». Милль

мусора, подземные и тому подобные работы можно было бы выполнять с помощью машин и технических сооружений даже при современном уровне нашего развития таким образом, чтобы не осталось и следа тех неприятностей, какие теперь сплошь и рядом связаны с ними для рабочих. Но, собственно-то говоря, рабочий, выкачивающий клоаки, чтобы охранять людей от вредных для здоровья миазмов, является весьма полезным членом общества, тогда как профессор, читающий фальсифицированную историю в интересах господствующих классов, или теолог, стремящийся затуманить умы сверхъестественными, трансцендентальными учениями, являются крайне вредными индивидуумами.

Наше ученое сословие, осыпаемое ныне почестями и чинами, представляет в значительной своей части особый цех, предназначенный и оплачиваемый для того, чтобы, прикрываясь научным авторитетом, защищать и оправдывать господство правящих классов, изображать его правомерным и необходимым и чтобы защищать существующие предрассудки. В действительности, этот цех распространяет в значительной части лжеученость, развращает умы, совершает антикультурную работу, духовный наемный труд в интересах буржуазии и ее приспешников *. Общественный строй, делающий в будущем существование таких элементов невозможным, содействует тем самым освобождению человечества.

С другой стороны, истинная наука связана часто с весьма неприятной, отталкивающей работой, так, напр., если врач вскрывает разложившийся труп или совершает операцию на гнойных частях тела, или если химик

приложил немало искренних усилий, чтобы «реформировать» буржуазный мир, его «урезонить». Разумеется, напрасно. Тогда он, как и всякий вдумчивый человек, познакомившийся с положением вещей, сделался, в конце концов, социалистом. Он, однако, не осмелился сознаться в этом еще при жизни, а распорядился, чтобы после его смерти была опубликована его автобиография, заключающая его социалистическое исповедание веры! С ним было то же, что с Дарвином, который не хотел, чтобы его при жизни считали атеистом. К такой комедии буржуазное общество принуждает тысячи людей. Буржуазия прикидывается поборницей законности, религии и авторитета, ибо на признании этих «добродетелей» со стороны массы покоится ее господство, внутренне же она смеется над ними.

* «Ученость служит часто в такой же степени невежеству, как и прогрессу».— *Бокль*, «История английской цивилизации».

исследует испражнения. Все это — занятия, которые зачастую являются более отвратительными, чем самые грязные работы, совершаемые поденщиками и чернорабочими. Но никто не думает признавать это. Разница состоит в том, что одна работа предполагает широкую образованность, а другая может быть совершена всяким без особой подготовки. Отсюда совершенно различная оценка той и другой. Но в обществе, в котором, благодаря предоставленной каждому возможности получить самое высокое образование, исчезнут существующие теперь различия между «образованными» и «необразованными», должна также исчезнуть противоположность между квалифицированным и неквалифицированным трудом, тем более, что развитие техники не знает никаких границ, которые помешали бы совершать ручной труд машиной или посредством технических процессов. Стоит лишь взглянуть на развитие наших художественных ремесел, напр., гравирования на дереве, на меди и т. п. Итак, подобно тому, как самые неприятные работы оказываются зачастую самыми полезными, так равно и наше понятие о приятной и неприятной работе, как и многие другие понятия в буржуазном обществе, являются крайне поверхностными, покоящимися лишь на внешности.

8. УПРАЗДНЕНИЕ ТОРГОВЛИ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ И ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Лишь только все производство нового общества будет основано на базисе, подобном очерченному выше, производиться станут, как сказано уже, не товары, а предметы потребления в соответствии с непосредственными запросами общества. Вместе с этим исчезнет и торговля, имеющая смысл и возможность существования лишь в обществе, покоящемся на товарном производстве. Многочисленная армия лиц, мужчин и женщин, мобилизуется благодаря этому для продуктивной деятельности. Эта большая армия людей освобождается для производства; она производит отныне предметы потребления и делает возможным увеличение их общей массы или ограничение общественно-необходимого рабочего времени. Ныне эти лица питаются более или менее как паразиты, за счет продуктов, произведенных трудом

других лиц, и часто принуждены бывают, чего нельзя оспаривать, терпеть нужду, так как не могут достичь материального благополучия. В новом обществе все они явятся излишними в роли торговцев, трактирщиков, маклеров, посредников. Вместо дюжин, сотен и тысяч магазинов и всякого рода торговых помещений, находящихся теперь в том или ином числе в каждой общине, появятся большие общинные запасные хранилища, элегантные базары, целые выставки, нуждающиеся в сравнительно небольшом управленческом персонале. Эта перемена представляет опять-таки целый переворот всех предшествовавших порядков. Весь механизм торговли примет характер централизованной, чисто управленческой деятельности, исполняющей крайне простые функции и все более упрощающейся вследствие централизации всех общественных учреждений. Подобное преобразование испытает и вся система средств и путей сообщения.

Телеграф, телефон, железные дороги, почта, речное и морское судоходство, городские трамваи, грузовые и легковые автомобили, воздушные корабли и летательные аппараты и другие средства связи различных наименований, функционирующие в обществе, сделаются тогда *общественной* собственностью. Многие из этих учреждений, как, например, почта, телеграф, телефон и большинство железнодорожных линий представляют собою в Германии уже теперь государственную собственность, их превращение в общественную собственность явится лишь формальным делом. Здесь уже не стоят более на пути частные интересы. Работает государство в этом направлении и далее,— тем лучше. Но эти государством управляемые предприятия не являются социалистическими предприятиями, как некоторые ошибочно полагают. Это — предприятия, которые эксплуатируются государством на таких же капиталистических основаниях, как и предприятия частных предпринимателей. Ни служащие, ни рабочие не имеют от этого никакой особенной выгоды. Государство обходится с ними так же, как какой-нибудь частный предприниматель; если, напр., в ведомстве морского министерства и в железнодорожном управлении издаются постановления, в силу которых рабочие старше сорокалетнего возраста не должны приниматься на работу, то это есть мера, явно указываю-

щая на классовый характер государства, как государства эксплуататоров, и возбуждающая против него рабочих. Такие и подобные им мероприятия, исходящие от государства, как нанимателя, несравненно хуже, чем если бы они исходили от частного предпринимателя. Последний в сравнении с государством всегда является мелким предпринимателем, и занятие, в котором он отказывает, доставит, быть может, другой. Государство же, наоборот, может в качестве монопольного работодателя посредством таких распоряжений одним ударом ввергнуть тысячи в нищету. Это — образ действия не социалистический, а капиталистический, и социалисты протестуют против того, чтобы современные государственные предприятия рассматривались как социалистические и считались осуществлением социалистических стремлений.

Подобно тому, как место миллионов частных предпринимателей, торговцев, посредников всякого рода займут большие централизованные учреждения, так и все перевозочное дело примет другой вид. Миллионы мелких посылок, которые отправляются ежедневно по адресу почти такого же числа собственников и означают большую затрату труда, времени и материалов всех видов, вырастут тогда в громадные транспорты, направляемые в общинное депо и в центральные места производства. Труд, таким образом, будет и здесь крайне упрощен. Подобно тому, напр., как доставка сырья для предприятия с тысячью рабочих организуется несравненно проще, чем для сотен рассеянных по разным местам мелких мастерских, так точно централизованные места производства и распределения дадут возможность целым общинам или частям их весьма значительно сэкономить на затратах всех видов. Все это идет в пользу всему обществу, а следовательно, и *каждому в отдельности,* потому что теперь интересы общества и интересы отдельной личности совпадают. Внешний вид наших центров производства, средств и путей сообщения, а в особенности наших населенных пунктов будет совершенно изменен; они приобретут гораздо более приятный облик. Расстраивающий нервы шум, беготня и давка наших больших городов с их тысячами повозок всякого рода почти исчезнут. Проложение и чистка улиц, все устройство жилищ и образ жизни, общение людей между

собою,— все это значительно изменится. Тогда можно будет легко осуществить такие гигиенические меры, о которых в настоящее время нельзя и думать, или такие, которые теперь даже при громадных затратах не вполне достигли бы цели, и такие, которые теперь слишком часто применяются лишь в аристократических кварталах.

Средства сообщения должны в подобных условиях достигнуть своего наивысшего совершенства; воздухоплавание, быть может, станет тогда преобладающим способом передвижения. Пути сообщения — это жилы, посредством которых совершается обмен продуктов — кровообращение во всем организме общества, а также личное и духовное общение между людьми; они поэтому способны в высшей степени содействовать распространению в обществе *одинакового уровня* благосостояния и образования. Распространение и разветвление самых совершенных средств сообщения до самых отдаленных провинциальных углов являются таким образом необходимостью и всеобщим общественным интересом. В этой области возникают перед будущим обществом новые задачи, значительно превосходящие те, какие в состоянии ставить перед собой современное общество. В то же время эта в высшей степени усовершенствованная и развитая система сообщения будет содействовать децентрализации скученных в больших городах и промышленных центрах человеческих масс, их расселению по всей стране, а это окажет решающее влияние как на улучшение гигиенических условий, так и на развитие духовной и материальной культуры.

II

СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Вместе со средствами производства и сообщения обществу принадлежит и вся земля, эта первичная материя всякого человеческого труда и основа всего человеческого существования. Общество на высшей ступени берет назад то, чем оно уже владело в первобытные времена. У всех достигших известного культурного уровня народов существовала *общая собственность* на землю и, поскольку они до сих пор уцелели, существует еще теперь. Общинная собственность составляла основу каждого первобытного общества,— последнее было без нее невозможно. Общинная собственность была устранена и захвачена отдельными лицами, лишь благодаря возникновению и развитию частной собственности и связанных с этим *форм господства,* и произошло это путем тяжелой борьбы. Насильственный захват земли и превращение ее в частную собственность были первой причиной кабалы, прошедшей всевозможные ступени развития, начиная с рабства и вплоть до «свободного» наемного труда XIX века,— пока порабощенные по прошествии тысячелетий не превратят, наконец, землю опять в общую собственность.

Важное значение земли для человеческого существования было причиною того, что во всех социальных боях, происходивших в мире — в Индии, Китае, Египте, Греции (Клеомен), Риме (Гракхи), христианском средневековье (религиозные секты, Мюнцер, крестьянские войны), в государствах ацтеков и инков, в социальных

движениях нового времени — главным требованием борющихся являлось владение землею. И в наше время в пользу общественной собственности на землю высказываются такие лица, как Адольф Вагнер, Адольф Замтер, д-р Шеффле, Генри Джордж и другие, которые в других областях и слышать не хотят об общественной собственности.

Благосостояние населения зависит прежде всего от обработки и использования земли. Поэтому подъем земледельческой культуры и есть всеобщий интерес в полном смысле слова. При господстве же частной собственности такое высокое развитие земледелия невозможно. Но наилучшее использование земли зависит не только от ее непосредственной обработки; существуют условия, выполнение которых не по силам ни самому крупному отдельному собственнику, ни самой могущественной ассоциации,— условия, выходящие подчас даже из национальных рамок государства и подлежащие международному регулированию.

2. МЕЛИОРАЦИЯ ПОЧВЫ

Общество должно прежде всего обратить внимание на почву, как целое, т. е. на ее *топографическое* состояние — ее горы и равнины, леса, озера, реки, пруды, пустоши, болота, топи и трясины. Эти топографические особенности оказывают, наряду с неизменным географическим положением, известное влияние на климат и на свойства почвы. Здесь открывается широкое поле деятельности для целого ряда наблюдений и опытов. Государство до сих пор сделало в этом направлении мало. Оно уделяет таким культурным задачам лишь небольшие средства, а, кроме того, если бы оно даже хотело широко поставить это дело, ему помешали бы крупные частные собственники, играющие решающую роль в законодательстве. Без нарушения частной собственности в этой области ничего нельзя достигнуть. Но существование государства покоится на сохранении частной собственности и провозглашении ее «священной», крупные частные собственники являются его наиболее важной опорой, поэтому у него нет силы предпринять что-либо в указанном направлении. Необходимо предпринять грандиозные и обширные мелиорационные работы, на-

саждение лесов и лесные вырубки, орошение и осушение, изменение состава почвы и ее уровня и т. д., чтобы достигнуть наивысшего плодородия земли.

Весьма важным вопросом в деле культуры земли и почвы представляется проведение обширной систематически проложенной сети каналов и рек, управляемой согласно научным принципам. Вопрос о более дешевом транспорте по водным путям, столь важный для современного общества, хотя и имел бы в новом обществе меньшее значение, заслуживает, однако, серьезного внимания, так как водные пути являются удобным средством сообщения, требующим наименьшей траты сил и материала. Но самая важная роль системы каналов и рек состоит в ее приложении к широкой системе орошения и осушения и использовании для доставки удобрений и материалов для мелиорации, вывоза урожая и т. п.

Опытом установлено, что бедные водою страны гораздо более страдают от зимних стуж и летних засух, чем богатые водою; поэтому, помимо некоторых исключений, приморские страны, собственно, не знают крайностей температуры. Крайности же температуры не могут быть полезными и приятными ни для растительности, ни для людей. В этом отношении широкая система каналов в связи с мерами по культивированию лесов могла бы, без сомнения, повлиять благоприятным образом на климат. Подобная система каналов в связи с устройством больших бассейнов, собирателей и хранителей воды, скопляющейся во время половодья или сильных ливней, могла бы быть весьма полезна. Подобные строительные сооружения были бы необходимы для горных рек и потоков. Наводнения с их опустошительными последствиями стали бы тогда невозможными. Более широкая поверхность воды с ее более значительными испарениями содействовала бы, вероятно, и более равномерному распределению дождей. Далее, сооружения подобного рода могли бы облегчить применение к орошению земли водокачательных и черпательных машин, раз только последние оказались бы необходимыми.

Целые области, бывшие до сих пор почти бесплодными или недостаточно плодородными, могли бы быть превращены посредством искусственных оросительных сооружений в плодородные местности. Там, где теперь

даже овцы едва находят для себя пропитание и в лучшем случае чахоточные сосны простирают к небу свои тощие ветви, могли бы процветать пышные нивы и густое население находило бы себе богатую пищу. Так, например, превращение обширных песчаных мест Марки, этой «песочницы священного немецкого государства», в рай плодородия есть лишь вопрос приложения труда. На это было даже указано в одном из докладов, прочитанных весною 1894 г. по поводу немецкой сельскохозяйственной выставки в Берлине*. Но землевладельцы не в состоянии предпринять в Марке необходимые мелиоративные работы, сооружения каналов, оросительные приспособления и т. д., и в результате непосредственно у ворот имперской столицы широкие пространства земли пребывают в таком запущенном состоянии, которое позднейшим поколениям будет казаться непонятным. С другой стороны, посредством строительства каналов будут осушены и приобщены к культуре обширные болотные пространства, топи и трясины на севере и юге Германии. Водные потоки могли бы быть использованы также для разведения рыбы и служили бы обильным источником пищи; кроме того, они давали бы возможность общинам, не имеющим рек, устраивать превосходные купальни**.

Какое большое значение имеет орошение, показывают следующие примеры. Вблизи Вейсенфельса $7^1/_2$ гектаров хорошо орошенных лугов дают 480 центнеров отавы, а подле лежащие 5 гектаров однородных по характеру почвы лугов, но неорошенных, дают только 32 центнера. Таким образом, урожай первых превышает урожай последних более, чем в десять раз. Подле Ризы,

---

* «Применение воды в культуре овощей и плодов должно получать все большее распространение, и водные товарищества (Wassergenossenschaften), организованные с этой целью, могли бы и у нас из пустынь сделать земной рай». Из официального доклада о всемирной выставке в Чикаго 1893 г., составленного государственным комиссаром. Берлин 1894.

** Например, в высоко культурной области австрийской монархии — Богемии 686 000 гектаров пахотной земли, т. е. $^1/_4$ общей пахотной площади, нуждается в орошении, а из общей поверхности лугов 174 000 гектаров треть — или слишком сухая или слишком сырая. Еще хуже дело обстоит в хозяйственно отсталых местностях, например, в Галиции. Д-р Ойген фон Филиппович «Volkswirtschaftspolitik», стр. 97, Тюбинген 1909.

в Саксонии, 65 акров орошенных лугов подняли чистый доход с 5850 до 11 100 марок. Как утверждает Бухенбенгер, после орошения неплодородной песчаной почвы Бокерской пустыни, расположенной на правом берегу реки Липне, что потребовало расходов примерно в 124 тысячи марок, эта ранее почти полностью бесплодная земля давала ежегодный доход в 400 тысяч марок. Меры по улучшению почвы в Нижней Австрии, потребовавшие расходов в 1 миллион крон, привели к повышению дохода на 6 миллионов крон. Расходы по дорогим сооружениям оказались выгодными. Между тем, в Германии существуют, кроме Марки, еще обширные местности, почва которых, состоящая, главным образом, из песка, дает сносный урожай лишь во время очень сырого лета. Эти местности, прорезанные каналами и орошенные, а также усовершенствованные в своих почвенных особенностях, дали в самое короткое время урожай в 5 и 10 раз больший, чем теперь. В Испании известны примеры, что урожай на хорошо орошенной земле в сравнении с урожаем на неорошенной был выше в 37 раз. Итак, больше воды — и новые массы пищи хлынут из земли.

Не проходит почти года без того, чтобы в разных провинциях, в разных частях Германии, не произошли 1—2 раза и чаще более или менее значительные наводнения от ручьев, рек и потоков. Обширные пространства самой плодородной земли уносятся напором волн, другие покрываются песком, камнями, мусором и делаются бесплодными на целые годы или навсегда. Целые плантации фруктовых деревьев, требовавшие десятилетий для своего развития, вырываются с корнем. Дома, мосты, улицы, плотины подмываются водою, разрушается железнодорожное полотно, погибает скот. Нередко падает жертвой человеческая жизнь, пропадает работа по мелиорации, уничтожаются посевы. Большие пространства земли, подверженные опасности частых наводнений, или не обрабатываются совсем, или обрабатываются неудовлетворительно во избежание двойного убытка.

Широкое истребление лесов, совершаемое особенно в горах преимущественно частными лицами, еще более увеличивает эту опасность. Безумному, рассчитанному на барыш истреблению лесов приписывается понижение

плодородия в провинциях Пруссии и Померании, Штирии, в Италии, Франции, Испании, России и т. д.

Последствием истребления лесов в горах являются наводнения. Чрезмерные разливы Рейна, Одера и Вислы ставят в связь, главным образом, с лесными порубками в Швейцарии, Галиции и Польше. Той же причине приписывают частые наводнения в Италии, в особенности наводнения реки По.

По тем же самым причинам уменьшилось плодородие на Мадейре, значительной части Испании, в плодороднейших местностях России, в обширных когда-то роскошных и плодородных странах передней Азии *.

Однако и в буржуазном обществе, наконец, поняли, что в этой области ничего не поделаешь, если оставить все на произвол судьбы, и что, применяя в широком масштабе разумные мероприятия, можно превратить разрушающие культуру силы в созидающие ее. Так пришли к устройству больших запруд, собирающих воду в мощных массах так, что силы ее могут быть применены к электрификации промышленности и сельского хозяйства. Особенно много сделала Бавария по организации плотинных работ на горных речках и потоках, чтобы применить добытые силы для электрификации железных дорог и всех возможных промышленных предприятий. Таким образом аграрная старая Бавария постепенно превращается в современную промышленную страну.

3. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ

Понятное дело, что новое общество не будет в состоянии разрешить все эти великие задачи в одно мгновение ока; но оно возьмется за них со всей возможной быстротой и с напряжением всех сил, так как *единственная* его цель состоит в выполнении *культурных задач, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.* Так, с течением времени оно будет совершать дела и выполнять задачи, о которых современное общество не может

* Огромную пользу приносит, по Шванаху, лес, предохраняя в горах почву от наводнения, а в равнинах — укрепляя сыпучие пески. Обезлесение является в России одной из главных причин засыпания песками пахотных земель.

и думать, потому что у него при одной мысли об этом кружится голова.

Вся вообще обработка земли будет поставлена благодаря отмеченным и другим подобным мерам в гораздо более благоприятные условия. Укажем еще на другие моменты, открывающие возможность лучшего использования земли. В настоящее время много квадратных миль земли идет под картофель, перегоняемый в водку, которая потребляется почти исключительно нашим бедным, живущим в лишениях и нищете, населением. Водка есть единственное возбуждающее, «разгоняющее тоску» средство, какое оно может себе предоставить. Культурные люди нового общества не нуждаются более в водке; производство картофеля и зерна для этой цели больше не будет иметь места, а следовательно, почва и рабочие силы, тратившиеся на приготовление водки, послужат для расширения производства здоровых средств питания. Далее, мы говорили уже о возделывании сахарной свеклы и производстве сахара в целях вывоза. Около 400 000 гектаров превосходной почвы, пригодной для возделывания пшеницы, засевается у нас ежегодно сахарной свеклой для того, чтобы снабжать сахаром Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты и т. д. Этой конкуренции не выдерживают страны, возделывающие, благодаря благоприятным климатическим условиям, сахарный тростник. Наша регулярная армия, раздробленное производство, раздробленный обмен, раздробленное земледелие и т. д. требуют миллионы лошадей и соответственной земельной площади для лошадиного корма, для выращивания молодых лошадей. Коренное преобразование социальных и политических отношений делает свободной бо̀льшую часть служащей для этой цели земельной площади. Это освобождает большие земельные площади и много рабочей силы для других культурных потребностей. С недавнего времени у сельского хозяйства отнимаются обширные пространства земли, занимающие много квадратных километров, так как при новом дальнобойном огнестрельном оружии и при новой тактике боя необходимы для стрельбы и строевого учения такие обширные площади, на которых могли бы совершать маневры целые армейские корпуса. В будущем устранится надобность и в этой трате земли.

Большая область земледелия, лесоводства и использования водных пространств уже давно является предметом весьма обширной научной литературы. Нет такой специальной отрасли, которая не подверглась бы исследованию: орошение и осушение, лесное хозяйство, культура колосовых, стручковых и клубневых растений, разведение овощей, садоводство, культура ягод, цветов и декоративных растений, возделывание питательных растений для скотоводства, луговодство, рациональное скотоводство, рыболовство, птицеводство, пчеловодство, удобрительные материалы, использование разного рода отбросов в хозяйстве и индустрии. Химическое исследование почвы и ее применение и приспособление к той или иной культуре, свойства семян, плодосменность, машины и орудия, целесообразное размещение разных хозяйственных строений, метеорологические условия и т. д.,— все это входит в круг научных исследований. Не проходит почти дня без новых открытий, новых наблюдений, ведущих к улучшениям и усовершенствованиям в той или иной отрасли. Обработка почвы стала со времени Таера и Либиха наукой, и притом одной из первых и наиболее важных наук, и эта наука достигла такого развития и такого значения, как весьма немногие области материально производительной деятельности. Если, однако, сравнить это громадное обилие теоретических завоеваний всякого рода с действительным состоянием нашего земледелия, то *приходится констатировать, что до сих пор лишь самая незначительная доля владельцев была в состоянии до известной степени использовать на деле эти теоретические успехи,* и среди них нет, разумеется, никого, кто не действовал бы исключительно из личного интереса, имея в виду одну только личную выгоду, без всякого внимания к общему благу. Значительнейшая часть наших сельских хозяев и садоводов, можно смело сказать — 99 процентов, не имеет никакой возможности воспользоваться выгодами и успехами науки и техники, ей недостает или средств, или знаний, или того и другого вместе. Тут новое общество найдет теоретически и практически хорошо подготовленное поле деятельности, и ему достаточно будет лишь организовать это дело, чтобы достигнуть грандиознейших результатов.

4. КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОКУЛЬТУРЫ

Если в социалистических кругах еще существует мнение, что мелкое хозяйство, благодаря усердию мелкого хозяина и членов его семьи, может выдержать конкуренцию с крупным,— в кругах специалистов уже давно придерживаются другого мнения. Если бы даже крестьянин мог сделать, перенапрягая себя и членов своей семьи, столько, сколько бы он хотел, то уже с точки зрения культурного человека его положение достойно сожаления. Как много он бы ни выработал вследствие перенапряжения своих сил и всяческих лишений, современная техника и земледельческие знания сделают гораздо больше. Прежде всего, только применение техники и науки в состоянии превратить и крестьянина в культурного человека, между тем как теперь он — раб своего владения, холоп своего кредитора.

Выгоды, которые представляет крупное хозяйство,— при рациональном использовании всех этих преимуществ,— огромны. Прежде всего крупное хозяйство означает значительное расширение используемой площади, потому что исчезает несметное количество проезжих дорог и тропинок для пешеходов и пограничных межей, которых требует раздробленное владение. Устранение такой раздробленности даст значительную экономию времени, растрачиваемого теперь зря. Пятьдесят человек, занятых в крупном хозяйстве, даже не учитывая роста производительности труда в результате применения более рациональных орудий труда, могут гораздо больше сделать, чем те же 50 человек в мелком хозяйстве. Комбинировать и направлять целесообразно рабочие силы может только крупное хозяйство. К этому надо прибавить огромные выгоды, которые доставляет применение и использование всякого рода машин и улучшенного оборудования, промышленное использование урожаев, более рационально поставленное скотоводство и птицеводство и т. д. Особенные выгоды дает применение в сельском хозяйстве электрической силы, которая отодвигает всякие другие способы обработки земли на задний план.

П. Мак* устанавливает, что при введении машинной работы достигается экономия больше чем в 5000 лошадиных рабочих дней, а при единовременной затрате около 40 000 марок — удешевление производится более чем на 12 000 марок или 48 марок на гектар; при этом не принимаются во внимание более обильные урожаи, возможные при более глубокой обработке, равно как и более аккуратная обработка машинами**.

Повышение урожайности хлебов при глубокой обработке выражается в 20—40%, между тем как урожайность корнеплодов повышается до 50%. Если даже принять повышение в среднем в 20%, то это даст дополнительный доход в 55,75 марок на гектар, что вместе с упомянутой экономией (в 48 марок) составит 103,45 марок на гектар. Если определить цену одного гектара земли в 800 марок, то повышение дохода выразится в 13,5%. Итак, речь идет о том, чтобы создать необходимые электрические станции, с помощью которых можно было бы вести хозяйство. В этом случае хозяйство было бы снабжено не только всеми необходимыми машинами, использующими электричество, но также отоплением и освещением. С помощью электрических установок можно бы освещать не только дома и улицы, но и хлева, сараи, погреба, амбары и фабричные здания. Если бы того потребовала необходимость, то можно собирать урожай и по ночам. Мак вычисляет, что при всеобщем применении электричества в сельском хозяйстве можно сэкономить две третьих рабочего скота, т. е. 1 741 300 голов. Это дало бы ежегодного чистого дохода 1 002 989 000 марок. Если вычесть отсюда расходы на электрическую энергию, то останется экономия круглым счетом в 741 794 000 марок в год.

Применение электрической силы в сельском хозяйстве придает ему все более характер промышленно-техниче-

* P. Mack, Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebs durch Verbilligung der Productionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten, Кёнигсберг 1900.

** Большое значение получил в последние годы кэмпбель (взрыхлитель подпочвы), пользуясь которым в засушливых местностях Сев. Америки достигли поразительных результатов. Стремление к экономии человеческой силы привело к устройству приспособлений для подъема сена и др. Нужда в людях побуждает к все расширяющемуся применению машин, сберегающих живую рабочую силу, как картофелесортировки, картофелесажалки, вальцовые сушильные машины, сеноскладочные и т. д.

ского процесса. Картину многообразного применения электричества в сельском хозяйстве дает следующее сопоставление *.

Электромотор может приводить в движение:

1. Машины, повышающие урожай:

а) для возделывания полей: зерноочистилки для семян, триера, электрические плуги (усовершенствованные);

б) машины для уборки урожая: жатвенные машины со сноповязалками, машины для уборки картофеля, оросительные аппараты.

2. Машины, уменьшающие ненужные издержки:

а) приспособления для подъема и разгрузки: элеваторы для подъема зерна и соломы в зернохранилища и на скирды и сена на сеновалы, машины для подъема мешков, насосы для жидкого удобрения;

б) перевозочные средства: транспортеры, воздуходувки для зерна, лебедки для тяжелых грузов;

с) обрабатывающие машины: соломенные прессы, мельницы, сеялки.

3. Машины сельскохозяйственной промышленности:

а) винокуренные машины и машины для добывания крахмала;

б) молочное хозяйство: холодильники, сепараторы, маслобойки, смесители, прессы и т. д.;

с) лесопильные заводы.

4. Машины для приготовления фуража (для резки соломы и репы, измельчения картофеля, овса и т. д.).

По сообщениям с мест, уже в настоящее время 15% общей сельскохозяйственной работы производится с экономией времени и средств производства при помощи электромоторов.

Потребность в ручной работе для молотьбы и приготовления к отправке 1000 *кг* зерна выражалась:

	Рабоч. часы
1. Когда все работы производились руками	104
2. Когда стали применяться маленькие молотилки и зерноочистилки со стоячим воротом	41,4

* Kurt Krohne, Die erweiterte Anwendung des elektrischen Betriebs in der Landwirtschaft. Elektrotechnische Zeitschrift 1908, Hefte 39 bis 41.

	Рабоч. часы
3. Когда стали применяться электрические молотилки с мотором в 20 лош. сил	26,4
4. При употреблении гигантских электрических молотилок с прессами для соломы и элеваторами с мотором в 60 лош. сил	10,5

Ныне ничто более не препятствует всеобщему применению электрических плугов в сельском хозяйстве. Электрические плуги, так же как и электрические железные дороги, уже достигли высокой степени совершенства. Тяжелый и дорогой паровой плуг рационально работает только на больших площадях и при глубокой пахоте. Он большей частью служит только для повышения урожайности корнеплодов. Напротив, электрический плуг годится одинаково как для глубокой, так и для мелкой пахоты, и приспособлен и для хозяйств средней величины. Он делает возможной обработку крутых откосов, представляющих трудности даже для лошадиного плуга. Он в высокой мере сберегает труд, что видно из сопоставления стоимости плуга электрического со стоимостью плуга парового и работающего с лошадьми и волами:

	Издержки на морген при пахоте средней глубины в дюймах				
	4	6	8	11	14
Лошади	2,50	3,0	4,20	7,70	13,30
Волы	3,65	4,65	5,80	7,90	10,20
Паровой плуг, взятый на прокат от	6,00	6,70	7,60	9,15	10,70
Паровой плуг, взятый на прокат до	7,50	8,40	9,35	11,00	12,55
Паровой плуг собственный от	4,50	5,00	5,85	7,30	8,85
Паровой плуг собственный до	6,00	6,70	7,60	9,15	10,70
Электрический плуг в 40 лош. сил	2,70	3,55	4,60	6,25	7,95
Электрический плуг в 60 лош. сил	2,65	3,40	4,30	5,70	7,10
Электрический плуг в 80 лош. сил	2,50	3,15	3,90	5,20	6,50

Легкая подача и делимость электрической энергии, крайняя простота в обслуживании и содержании электрических машин представляют разительные преимущества для сельского хозяйства с его обширными площадями, для снабжения которых энергией достаточно тонких проволок. Так как для установки электрических машин необходима сеть пересекающих страну станций, планомерная электрическая сеть, то очень легко работу электрических машин связать с *электрокультурой* — с прямым влиянием электричества на рост растений.

В последние годы физиологи растений и вместе с ними практические агрономы усерднейшим образом трудились над изучением способа действия электричества на рост и оплодотворение важнейших культурных растений, в особенности наших хлебов. Эта задача была разрешена умершим в 1906 г. проф. К. С. Лемштремом. Он покрыл большие площади земли проволочной сетью, которой во многих случаях при помощи индуктивных машин сообщал положительный заряд; отрицательный же полюс он положил на землю и заставил слабый разряд действовать на такое опытное поле в течение всего периода роста или части его, тогда как одинаково расположенное контрольное поле оставалось без влияния электричества. Опыты были поставлены в разных широтах и при правильном их выполнении одинаково все показали, во-первых, повышение сбора, колеблющееся между 30 и 100%, во-вторых, сокращение периода созревания и, наконец, существенное улучшение качества продуктов. При этом способе, однако, оказался целый ряд практических недочетов, которые сумел устранить английский фермер Ньюмон. Ему удалось заинтересовать опытом Лемштрема знаменитого английского физика Оливера Лоджа. По последнему сообщению Лоджа, заменившего употреблявшуюся до него индукционную машину ртутным индуктором, эти опыты производились от 1906 до 1908 г. на площади протяжением в 10 гектаров. При этом получены были важные данные: проволочная сеть должна быть расположена над поверхностью земли на высоте 5 метров, чтобы благотворное влияние электричества на урожай оставалось беспрерывным. Это — та высота, при которой свободно могут проезжать под сетью возы, нагруженные хлебом, и при которой беспрепятственно могут производиться все сельскохозяйственные работы, например,

обработка корнеплодов. Лемштрем располагал проволоку не выше 40 сантиметров над подвергаемыми влиянию электричества растениями *. Разные мельники ставили сравнительные опыты с печением хлеба и нашли, что электризированная пшеница давала для печения лучшую муку, чем неэлектризированная. Таким образом назрел метод, который может с успехом применяться в практике сельского хозяйства и садоводства.

Паровой плуг Фаулера с двумя компаундными локомотивами требует для целесообразного использования площади в 500 гектаров; это — такая площадь, которая превышает своими размерами пашню многих крестьянских общин. Высчитано, что если бы, например, всю культивируемую в 1895 году землю обрабатывали машинами и с учетом всех других достижений, то была бы достигнута экономия в 1600 млн. марок. По Руланду **, было бы достаточно теперь одного только устранения болезней злаковых растений, чтобы сделать ввоз хлеба в Германию излишним. В брошюре д-ра медицины Зонненберга «Unsere Wiesen und Feldkrauter» сообщается, что, по официальной анкете в Баварии, баварское сельское хозяйство теряет 30% в год вследствие зарастания полей сорными травами. На двух полях в 4 квадратных метра каждое, причем одно из них покрыто сорными травами, а другое — нет, Новацкий установил следующие результаты:

	Стебли	Зерно	Солома
На засоренном поле	216	180	239 *гр*
» незасоренном »	423	528	1077 »

Д-р Ф. Рюмкер, профессор сельскохозяйственного института Бреславльского университета, говорит, что по всем сельскохозяйственным статистическим данным, тщательного рационального удобрения почвы нет почти во всей Германии. Посев и обработка почвы бывают часто так недостаточны и необдуманны и делаются они столь несовершенными и несоответствующими механизмами,

---

* M. Breslauer, Beeinflussung des Pflanzenwachstums durch Elektrizität. Elektrotechnische Zeitschrift 1908, Heft 38, S. 1915. Под руководством Бреслауэра под Берлином создается небольшая экспериментальная станция.

** Dr. G. Ruhland, Die Grundprinzipien aktueller Agrarpolitik, Тюбинген 1893.

что прибыль на тяжелый труд остается ничтожной. *Немецким сельским хозяином не производится даже легкой работы по рациональной сортировке зерна.* Проф. Ф. Рюмкер показывает нижеследующей таблицей, насколько сортировка семян повышает урожай на гектар:

Пшеница давала	Не сортирован. на гектар в *кг*	Сортирован. на гектар в *кг*	Повышение урожая от сортирован. на гектар в *кг*
Весь сбор . . .	8 000	10 800	+ 2 800
Зерно	1 668	2 885	+ 1 217
Солома и шелуха	6 332	7 915	+ 1 583
Вес всего урожая в гектолитрах . . .	77,2	78,7	+ 1,5

Таким образом, повышение урожая благодаря сортировке равняется, согласно таблице, 1200 *кг* зерна на гектар. Считая стоимость двойного центнера в 15 марок, это даст денежную стоимость в 180 марок на гектар. Если оценить издержки по сортировке на гектар самое большее в 4,40 марок, то *чистый доход одного только зерна, не принимая во внимание повышения сбора соломы и мякины, равняется 175,60 марок.* На основании результатов целого ряда своих опытов Рюмкер установил, что, выбирая для каждой почвы соответствующие наиболее урожайные сорта, в среднем собирали больше:

Ржи на 300—700 *кг* или от 42 до 98 мар. на гектар

Пшеницы на 300—800 *кг* или от 45 до 120 мар. на гектар

Ячменя на 200—700 *кг* или от 34 до 119 мар. на гектар

Овса на 200—1200 *кг* или от 26 до 156 мар. на гектар

Если взять для одной только пшеницы всю совокупность повышения урожая, благодаря сортировке посевного зерна и надлежащему выбору сорта, то *на гектар урожай даст повышение дохода от 1500 до 2000 кг зерна или от 220 до 295 марок.*

В произведении «Die Zukunft der deutschen Landwirtschaft» * выяснено, какое громадное повышение сбора всех продуктов достигается применением обильного и соответственного удобрения,— минерального: суперфосфаты, томасова мука, каинит. Тогда в Германии почва, засеваемая пшеницей, легко давала бы урожай в 36 двойных центнеров, а почва, засеваемая рожью,— 24 двойных центнера. Далее, значительная часть земли, занятой теперь рожью, благодаря лучшей обработке и удобрению могла бы быть пущена под пшеницу, так что средний доход с хлебного поля — две пятых пшеницы, три пятых ржи — исчислялся бы в 28,8 двойных центнеров на гектар. Отняв отсюда посевные семена и малоценные хлеба, получим для народного питания 26 двойных центнеров. 7,9 миллиона гектаров, занятых в настоящее время под хлеба, можно увеличить 1,5 миллионами гектаров пара, пастбищ, пустошей, степей и болот **. Тогда при среднем доходе в 26 двойных центнеров с гектара и при обработанной площади в 9,4 миллиона продуктивность ее равнялась бы 251,92 миллионам двойных центнеров зерна. А *при годовом потреблении в 175 кг на душу можно бы получить достаточное количество хлеба для 144 миллионов человек*. При народной переписи 1900 г. Германия имела круглым счетом 56 345 000 жителей, значит, уже при тогдашнем состоянии техники и науки германская почва могла бы снабдить хлебом населения в два с половиной раза больше, чем в настоящее время. При современном же способе ведения сельского хозяйства при мелко раздробленной частной собственности на землю Германия принуждена ввозить из-за границы в среднем одну десятую нужного ей хлеба. Только при коммунистическом производстве могут быть достигнуты подобные результаты, о чем вышеназванные авторы, конечно, не думают. По сделанным одним из них вычислениям, при введении в германском сельском хозяйстве интенсивной культуры будет получено *более:*

---

* Von Kommerzienrat Heinrich Albert-Bieberich unter Mitwirkung von Landwirtschaftslehrer Homuth. Friedenau-Berlin 1901.

** Из имеющихся налицо 5 миллионов гектаров пустошей, пара, пастбищ и т. д. подсчитаны $4^1/_2$ миллиона гектаров. Часть этого количества, находящаяся под лесом, может, с другой стороны, быть превращена в нивы и луга.

Хлебов на 145,1 миллиона двойных *ц*
Картофеля на 444,0 » » »
Овса, ячменя, гороха и бобов на 78,7 миллиона двойных *ц*
Лугового сена на 146,2 миллиона двойных *ц*
Полевого сена и кормовых трав на 110,0 миллиона двойных *ц*
Кормовой репы на 226,0 миллиона двойных *ц*

Если же мы примем во внимание, что, по вышеприведенным соображениям Мака, с введением электрического производства будет сделано огромное сбережение на рабочем скоте, то количество убойного скота может быть соответственно очень увеличено, а с другой стороны, количество земли, необходимое для производства корма рабочему скоту, будет превращено в пахотную землю для производства продуктов питания человека.

Другой областью сельскохозяйственной деятельности, которая может быть разработана совсем в другом масштабе, является улучшение пород птиц и получение яиц. Стоимость ежегодно ввозимых в Германию яиц доходит до 149,7 миллиона марок (1907 г.), а стоимость живой птицы — 40 миллионов марок. В этих областях улучшение породы и культура находятся в весьма отсталом состоянии. В будущем связанная с крупным производством концентрация хлебов, амбаров всех сортов, погребов, приспособлений для корма и кормления, складов для навоза не только снова вызовет экономию времени, сил и материалов, она даст и те преимущества использования, которых совершенно не дает мелкое и среднее частное хозяйство и лишь редко дает крупное. Как необходимы, напр., гигиенические приспособления в большом числе хлевов, как недостаточны приспособления для корма и ухода за скотом и птицей!

Для крестьянина двадцатого века еще мало известным фактом является то, что для животных чистота, свет и воздух столь же необходимы, как и для человека, и действуют на них благоприятно. Само собой разумеется, что при этом получение молока, масла, сыра, яиц, мяса и меда будет идти в более рациональных, здоровых и выгодных условиях. Устройство больших закрытых помещений, сушилен и т. д. сделает возможной жатву во всякую погоду, а быстрая уборка урожая поможет

избежать тех огромных потерь, которые теперь так часто имеются налицо. По Гольтцу, потери урожая, собираемого в неблагоприятную погоду, в Мекленбурге составляют в денежном выражении от 8 до 9 миллионов марок, в округе Кёнигсберга — 12—15 миллионов марок.

5. ВИНОДЕЛИЕ БУДУЩЕГО

Культура фруктов и ягод, а также огородничество достигнут в будущем развития, возможность которого до сих пор едва можно допустить. В каком непростительном запущении находится у нас культура фруктов, можно убедиться, взглянув на наши плодовые сады, отличающиеся в большинстве случаев полным отсутствием необходимого ухода. То же самое мы находим даже в тех местностях, которые славятся культурой фруктов, как, напр., в Вюртемберге.

Благодаря умелому применению искусственной теплоты и влажности в больших, защищенных от неблагоприятной погоды галереях, возможно будет культивировать овощи, фрукты и ягоды в громадных размерах во всякое время года. Цветочные магазины наших городов открывают взору даже среди самой суровой зимы царство цветов, ни в чем не уступающее тому, которое красуется в них летом. Одним из наиболее замечательных усовершенствований в области искусственной культуры фруктов является, например, искусственный «виноградник» директора садоводства Гаупта в Бриге, в Силезии, нашедшего уже целый ряд подражателей и имевшего уже давно предшественников в других странах, напр., в Англии. Устройство и результаты этого виноградника были так заманчиво изображены в газете «Vossische Zeitung» от 27 сентября 1890 г., что мы помещаем здесь это описание в извлечении. Газета писала:

«На квадратном пространстве земли приблизительно в 500 кв. метров, т. е. $^{1}/_{5}$ моргена, возведен стеклянный дом высотой от 4,5 до 5 метров, стены которого точно соответствуют северу, югу, востоку и западу. В направлении от юга к северу поставлены там 12 рядов двойных шпалер, отдаленных друг от друга приблизительно на 1,8 метра и служащих в то же время опорою слабо наклоненной крыше. Земляная гряда глубиною в 1,25 метра

помещена над слоем насыпной земли толщиною в 25 *см*, заключающим в себе сеть дренажных труб и вертикальные трубы для вентилирования почвы. В эту гряду очень жирной почвы, которая благодаря примеси известковой пыли, щебня, песку, залежного навоза, костной муки и калиевой соли, сделана рыхлой, пористой и плодородной, г. Гаупт посадил вдоль двойных шпалер 360 виноградных лоз, принадлежащих к тем сортам, которые на Рейне дают виноградный сок самого лучшего достоинства: белый и красный рислинг, белый и голубой мускат и бургундское.

«Вентиляция здания совершается, помимо известного числа отверстий в боковых стенах, посредством больших опускных окон длиною в 20 метров, которые открываются и закрываются с помощью железного рычага, снабженного подъемным воротом и рукояткой, и которые можно укрепить в любом положении наперекор всякой буре. Для поливки лоз служат 26 душевых леек, прикрепленных к резиновым в 1,25 метра длиною шлангам, ниспускающимся с верхнего водопровода. Но г. Гаупт ввел еще другое, поистине остроумное средство для быстрого и основательного орошения виноградника», а именно: *искусственный производитель дождя*. Высоко под крышей находятся 4 длинных медных трубы, тонко продырявленных через каждые полметра. Исходящие из этих отверстий кверху и подымающиеся тонкие водяные струи встречают на своем пути небольшие круглые сита из проволочной кисеи и, при прохождении их, рассыпаются самой нежной фонтанной пылью. Для основательной поливки резиновыми шлангами необходимо всегда несколько часов; но стоит лишь открыть один кран, и во всем обширном здании равномерно струится с высоты тихий, освежающий дождь на виноградные лозы, почву и гранитные дорожки. Температуру можно повысить без всякого искусственного отопления,— единственно благодаря естественным свойствам стеклянной галереи, на 8—10 градусов по Реомюру по сравнению с внешней температурой. Чтобы защитить лозы от самого пагубного и опасного врага — филлоксеры, в случае если бы она когда-нибудь появилась, достаточно лишь закрыть дренажные трубы и открыть все водопроводные краны. Погружению виноградных лоз в воду филлоксера, как известно, противостоять не может. От бури, холода, морозов, излишних дождей искусственный виноградник защищают

стеклянная крыша и стены; от возможного градобития — густые проволочные сети со всех сторон; от засухи — искусственный дождь. Винодел, заведующий подобным «виноградником», делает сам погоду и может смеяться над опасностями, вытекающими из всех непредвиденных капризов и козней «равнодушной» или безжалостной природы, которые угрожают плодам всех его стараний и трудов.

«Как рассчитывал г. Гаупт, так и случилось. Виноградные лозы превосходно росли в равномерно-теплом климате. Гроздья винограда зрели до полного созревания и давали уже осенью 1885 г. сок, который по обильному содержанию сахара и незначительному — кислоты не уступал рейнским сортам винограда. Также прекрасно росли эти лозы и в следующем весьма неблагоприятном, 1887 году. В этом винограднике лозы, если они достигают полной высоты 5 метров и покрываются доверху гроздьями, дают ежегодно около 40 гектолитров вина, и себестоимость бутылки благородного вина не превышает 40 пфеннигов.

«Нет никакого основания полагать, что нельзя было бы организовать это новое виноделие, обещающее самый богатый и равномерный сбор, в крупных размерах, совершенно так же, как всякое другое фабричное производство. Стеклянные галереи подобного же рода можно, без сомнения, устроить с такими же вентиляционными, оросительными, дренажными и дождевыми приспособлениями на участках, занимающих не $^1/_5$ моргена, а много моргенов. В таких больших галереях произрастание также будет начинаться на несколько недель раньше, чем на свободе, гроздья будут также защищены во время цветения от майских изморозей, дождей, холода; во время роста ягод — от засухи; в период созревания — от лакомящихся птиц, а также от сырости; в продолжение целого года — от филлоксеры, и виноград мог бы висеть на лозе до ноября — декабря. В своем докладе, который был прочитан в 1888 г. перед посетившими его членами «Объединения для содействия садоводству» и из которого я в настоящем своем описании гауптовского «виноградника» позаимствовал кое-какие технические данные, изобретатель и основатель последнего в заключение открыл еще следующую заманчивую перспективу будущего. Ввиду того, что такой способ виноделия воз-

можен во всей Германии, в особенности же на ныне бесплодной, песчаной и каменистой почве (как, напр., на наихудшей почве Марки), которую можно возделать и оросить,— то становится ясным, какой огромный интерес для сельского хозяйства представляет собою «виноделие под стеклом». Я назвал бы его *виноделием будущего*»...

Автор говорит далее, как полученное из гроздей вино заслужило высшее одобрение знатоков и добавляет при этом, что «виноградник представляет еще достаточно пространства и для одновременного выращивания других культур. Так г. Гаупт выращивает еще между каждыми двумя виноградными лозами один розовый куст, дающий в апреле и мае массу богатейших цветов, а по западным и восточным стенам — шпалеры персиковых деревьев, роскошные цветы которых в апреле придают внутреннему виду этого стеклянного виноградного дворца сказочную прелесть». В новейшее время особенно Бельгия уделяет большое внимание этому виду производства фруктов. Но и в Германии этот способ широко применяется, напр., для выращивания ананаса. Ничто, однако, не мешает устройству подобных сооружений в гораздо более крупном масштабе и для различных других культур, так что в отношении многих продуктов почвы мы могли бы доставить себе роскошь двойной жатвы. В наше время все подобные предприятия являются прежде всего вопросом доходности, а их продукты доступны лишь привилегированным, имеющим возможность за них заплатить. Социалистическое общество не считается ни с чем другим, как только с наличностью достаточного количества рабочих сил, и раз есть рабочие силы, то дело приводится в исполнение на пользу всем.

6. МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ ПОЧВЫ

Таким образом мы видим, как уже при теперешних условиях подготовляется настоящий переворот в деле человеческого питания. *Но использование всех открытий на практике совершается крайне медленно, ибо могущественные классы — землевладельцы и их социальные и политические приспешники — настоятельнейшим образом заинтересованы в том, чтобы не дать им ходу.* Для наших аграриев хороший урожай — несчастье, хотя о ниспослании его молятся во всех церквах, так как урожай пони-

жает цены, и по той же причине им нежелательно, напр., удвоение и утроение питательной способности хлебных зерен, так как от этого также пали бы цены. Наше общество повсюду попадает в противоречие со своим собственным развитием.

Сохранение плодородия почвы и его повышение зависят прежде всего от наличности достаточного количества удобрительных материалов. Добывание их является поэтому и для нового общества одной из важнейших задач *. Удобрение составляет для почвы то же, что пища для человека, и подобно тому, как не всякая пища одинаково питательна, так и *не всякое удобрение* одинаково ценно. Почве должны быть возвращены точно те же химические составные части, которые она потеряла вследствие снятия жатвы, при чем те химические элементы, в которых по преимуществу нуждается данный вид растения, должны быть доставлены ей в усиленном количестве. Ввиду этого изучение химии и ее практическое применение достигнут немыслимых ныне размеров.

Все животные и человеческие отбросы содержат в себе преимущественно именно те химические элементы, которые наиболее пригодны к воспроизведению человече-

* Имеется рецепт плодородия полей и вечного продления этого плодородия. Если это средство получит надлежащее применение, то оно окажется выгоднее всех когда-либо изобретенных в сельском хозяйстве. Оно состоит в следующем. Каждый сельский хозяин, везущий в город мешок зерна или центнер рапса, репы, картофеля и т. д., должен, как китайский кули, привезти с собой из города столько же (возможно и более) составных частей почвы для своих полевых продуктов и отдать их снова полю, у которого эти продукты взяты. Он не должен пренебрегать ни картофельной шелухой, ни соломенным стеблем, но должен думать, что одной из его картофелин не хватает шелухи, а одному из колосьев — стебля. Издержки на этот ввоз ничтожны, а помещение капитала, вложенного в это дело, так верно, что никакая сберегательная касса не может быть вернее и никакой капитал не даст более высокой ренты. Его поле *через 10 лет даст ему двойной доход:* он будет добывать больше зерна, больше мяса, больше сыру, не прилагая ни больше труда, ни больше времени, и он не будет беспокоиться насчет неведомых средств — иных каких-нибудь способов увеличения плодородия его поля. Старые кости, сажа, зола, выщелоченные и невыщелоченные, кровь животных и отбросы всех сортов должны собираться в определенных местах и подготовляться для рассыпки. Правительства и полицейские учреждения в городах должны заботиться о том, чтобы при помощи целесообразных приборов препятствовать выгребным ямам и клоакам терять вышеназванные вещества». *Liebig,* Chemische Briefe, Лейпциг-Гейдельберг 1865.

ской пищи. Ввиду этого необходимо стремиться к открытию наиболее совершенных средств их добывания и к их наиболее целесообразному распределению. В этом отношении ныне грешат очень много. Особенно отличаются города и промышленные центры, которые получают извне массу пищевых продуктов, но возвращают почве лишь самую незначительную часть драгоценных отбросов. Последствием этого является то, что хозяйства, более отдаленные от городов и промышленных центров и отдающие им ежегодно большую часть своих продуктов, чувствительно страдают от недостатка удобрения. Удобрительных веществ, которые получаются от живущих при этих хозяйствах людей и животных, зачастую оказывается недостаточно, потому что на месте потребляется лишь часть всего урожая. Таким образом получается нередко в результате хищническая система обработки, истощающая почву и понижающая урожай. Все страны, по преимуществу вывозящие почвенные продукты, но не получающие в обмен никаких удобрительных веществ, фатально идут навстречу полному оскудению почвы, как, напр., Венгрия, Россия, Придунайские княжества.

Либих в середине прошлого столетия развил учение о заменителе для пахотной почвы; отсюда вытекло применение концентрированных средств удобрения. Шульц-Лупиц доказал, что, несмотря на то, что известные растения совершенно не получают азотистых удобрений, они сами обогащают почву азотом — феномен, объяснение и разрешение которого даны Гельригелем. Этот последний показал, что существуют миллиарды бацилл, добывающих в симбиозе с некоторыми бобовыми, непосредственно из воздуха азот, необходимый для роста растения *. Если сельскохозяйственная химия составляет со времен Либиха одну сторону научного земледелия, то сельскохозяйственная бактериология — другую. Германия — в своих залежах калия и каинита, в томасовой муке, в суперфосфате и фосфорной кислоте — обладает целым рядом неистощимых минеральных источников удобрения, правильное применение которых вместе с целесообразным удобрением почвы дало бы возможность производить несметное количество питательных веществ.

* Die deutsche Landwirtschaft an der Jahrhundertwende. Festrede, gehalten an der Königlichen Landwirtschaftlichen Akademie am 12. Januar 1900 von Dr. Max Delbruck.

О значении этих разнообразных ценных средств удобрения дает представление то, что Германия в 1906 г. истратила на них около 300 миллионов марок, в том числе на сернокислый аммиак 58,3 миллиона, на чилийскую селитру — 120 млн., остальное падает на томасову муку, суперфосфаты, гуано и проч.

Из этих удобрительных средств важнейшим является азотистое удобрение. Как необычайно велико его значение, показывают следующие данные. По исследованиям Вагнера, урожай овса на гессенской почве при недостатке фосфорной кислоты понизился на 17%, при недостатке калия — на 19%, при недостатке же азота — на 89%. При помощи всех опытов было вычислено, что в год с гектара получается дохода: если дано полное удобрение,— 96 марок, если не хватало калия,— 62 марки, если не хватало фосфорной кислоты,— 48 марок, если не хватало азота,— 5 марок. Вычислено, что если бы Германия удвоила применение азотистых удобрений, то она не только удовлетворила бы свои потребности в хлебе и картофеле, но могла бы значительное количество их использовать и для экспорта. А главные источники этих ценных удобрительных средств, именно залежи чилийской селитры и гуано, быстро истощаются, тогда как потребность в них в Германии, Франции, Англии, а в последние 10 лет и в Соединенных Штатах Северной Америки, все увеличивается. Английский химик Вильям Крукс уже в 1899 г. поставил этот вопрос и признал его делом большего значения, чем возможность близкого истощения британских каменноугольных копей. Поэтому разрешение проблемы производства азотистого удобрения из необъятного резервуара азота в воздухе он считал главнейшей задачей химии.

Подумать только, что над каждым квадратным сантиметром почвы находится количество воздуха весом в 1 *кг* и что $^4/_5$ этого воздуха составляет азот! Отсюда можно вычислить, что азот земной атмосферы весит 4000 миллионов тонн. Этому противостоит современное ежегодное потребление селитры, соответствующее в среднем 300 000 тонн азота. Если таким образом не будет найдено никакого суррогата азота, то достаточно было бы добыть его соединение из воздуха, чтобы покрыть современную мировую потребность в селитре в течение 14 миллиардов лет.

И эта задача в настоящее время разрешена. Еще в 1899 г. А. Франк и Н. Каро действием атмосферного азота на карбид кальция (известь и уголь) при высокой температуре получили цианамид кальция, содержащий в сыром виде до 14—22 процентов азота. Это новое средство удобрения поступило в продажу под именем известкового азота. Но этот способ не является единственным. Норвежцам Н. Биркеланду и С. Ейде удалось в 1903 г. перевести азот сжиганием его в электрической печи прямо в азотную кислоту.

Второй способ дает продукт, в некоторых отношениях равноценный селитре, а на некоторых видах почв даже и более пригодный, чем она. С некоторых пор он введен на германские рынки под именем норговской селитры. А в 1905 г. Отто Шенгерту удалось провести опыт в техническом отношении еще более полезный, чем опыт Биркеланд — Ейде. Для него, кроме электрической энергии, требуются лишь самые дешевые материалы — вода и негашеная известь. Напротив, для получения известкового азота нужен еще уголь, а необходимый для опыта азот не может применяться в виде воздуха, а должен быть предварительно выделен из последнего. Таким образом в сельское хозяйство введен еще один сорт удобрения, полученный путем чисто промышленно-технического процесса и имеющийся в неизмеримом количестве *.

По А. Мюллеру, здоровый взрослый человек выделяет ежегодно в среднем 48,5 килограмма твердых и 438 жидких экскрементов. Эти вещества при условии, что при применении они не терпят уменьшения своей ценности — через испарение и т. д.,— составляют, согласно современному состоянию цен на удобрение,— денежную

* По профессору Беритсену — «Über Luftsalpetersäure». Речь, произнесенная на седьмом международном конгрессе в Лондоне. «Zeitschrift für angewandte Chemie», 1909. Выпуск 24. Так как новая промышленность для производства электрической энергии нуждается в дешевой силе воды, то баденская анилино-содовая фабрика и другие германские химические фабрики в связи с основанным Биркеланд — Ейде Норвежско-французским обществом обеспечили за собой пригодные для этого водные силы Норвегии. Было образовано два акционерных общества, каждое с капиталом в 16 000 000 крон, для эксплуатации норвежских гидроресурсов и добывания селитры. Кроме того баденская анилино-содовая фабрика получила у баварского правительства концессию на получение из Альца около 50 000 лошадиных сил и на устройство фабрики близ Бургаузена в юго-восточной Баварии.

ценность в 5,15 марок. Главная трудность при полном использовании этого вещества заключается, главным образом, в устройстве целесообразных вместилищ и в дороговизне транспорта. Значительная часть экскрементов из городов выбрасывается в наши реки, загрязняя их. Точно так же, в большинстве случаев легкомысленно выбрасываются кухонные отбросы, отходы ремесленных и промышленных предприятий, пригодные для изготовления удобрений.

Новое общество найдет пути и средства для устранения такой расточительности. Ему будет легче разрешить этот вопрос хотя бы уж потому, что *большие города постепенно исчезнут и население равномерно расселится по всей стране.*

7. УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Никто не станет считать современный рост больших городов здоровым явлением. Современная промышленная и хозяйственная система беспрестанно притягивает к большим городам значительные массы населения *. Там находится главный центр промышленности и торговли, там скрещиваются пути сообщения, там живут владельцы крупных капиталов, там находятся центральные правительственные учреждения, военное начальство, высшие судебные учреждения. Там же — высшие образовательные учреждения, академии художеств, места развлече-

* По профессиональной переписи 12 июня 1907 г. в Германии было 42 больших города с количеством населения больше 100 000 человек. В 1816 г. таких городов было в Германии всего два. В 1871 г.—8. В Берлине в 1871 г. числилось круглым счетом 826 000 жителей, в 1900 г.—1 888 000, в 1905 г.—2 040 148, таким образом население возросло более, чем в два раза (147%). Берлин с предместьями имел в 1871 г. 875 328, в 1900 г.— 2 469 009 жителей. В 1907 г. в 42 городах было 11 790 000 жителей, т. е. круглым счетом 19% общего количества населения. Некоторые из этих больших городов были вынуждены включить в свой состав лежащие перед их воротами промышленные предместья, сами по себе сделавшиеся по количеству населения городами; благодаря этому население таких городов возрастало одним скачком. В промежуток времени с 1885 до 1905 г. население Лейпцига выросло с 170 000 до 503 672 жителей, население Кёльна с 161 000 до 428 722, Магдебурга — с 114 000 до 240 633, Мюнхена — с 270 000 до 538 983, Бреславля — с 299 000 до 470 904, Франкфурта-на-Майне — с 154 000 до 334 978, Ганновера с 140 000 до 250 024, Дюссельдорфа — с 115 000 до 253 274, Нюрнберга — с 115 000 до 294 426, Хемница — с 111 000 до 294 927, Эссена — с 65 074 до 239 692 жителей.

ний, выставки, музеи, театры, концертные залы и т. д. Тысячи людей тянет туда их профессия, тысячи других стекаются в города ради удовольствия, а еще большее количество привлекается надеждой на более легкий заработок и приятную жизненную обстановку.

Но этот рост больших городов можно сравнить с человеком, у которого объем живота беспрерывно увеличивается, тогда как ноги делаются все тоньше и, в конце концов, не в состоянии более выносить тяжесть тела. В непосредственной близости этих городов все окружающие их деревни принимают также городской характер, и пролетариат скопляется в них большими массами. Эти в большинстве случаев бедные общины принуждены напрягать свои податные силы до крайней степени и все-таки не могут удовлетворить предъявляемых к ним запросов. В конце концов, город и деревня вплотную примыкают друг к другу и тогда она поглощается им, как планета, чересчур близко подошедшая к солнцу. Но обоюдные условия жизни от этого не улучшаются: напротив, они все ухудшаются вследствие переполнения квартир жильцами. Эти скопления человеческих масс, неизбежные при современном развитии и образующие до известной степени революционные центры, кончают свою миссию с появлением нового общества. Они постепенно должны рассеяться, *так как население тогда переселится, наоборот, из больших городов в деревню, образуя там новые общины, соответствующие изменившимся условиям, и соединяя свою промышленную деятельность с сельским хозяйством.*

Это переселение начнется, лишь только городское население получит возможность, благодаря изменению и усовершенствованию средств сообщения, условий производства и т. п., перенести с собою в деревню все, что ему нужно для удовлетворения его привычных культурных потребностей: музеи, театры, концертные залы, читальни, библиотеки, места собраний, образовательные учреждения и т. д. Останутся все удобства прежней городской жизни *без ее теневых сторон.* Жилища будут гораздо более здоровые и приятные. Сельское население будет заниматься промышленным трудом и, наоборот, промышленное население — земледелием и садоводством,— разнообразие в занятиях, которым ныне пользуются лишь немногие, да и то весьма часто лишь ценою чрезмерного труда и усилий.

Как в других областях, так и в этой, буржуазный мир работает на руку такому развитию, перенося из года в год все большее число промышленных предприятий в сельские местности. К этому принуждают многих предпринимателей неблагоприятные условия жизни в большом городе, высокие квартирные цены, более дорогие рабочие руки. С другой стороны, крупные землевладельцы все более становятся промышленниками (сахарными фабрикантами, винокурами, пивоварами, цементными, глиняно-посудными, кирпичными, бумажными и другими заводчиками).

Уже и в настоящее время в предместьях больших городов живут десятки тысяч людей, которым их средства позволяют такой образ жизни.

Таким образом, благодаря децентрализации населения исчезнет также существующая в настоящее время противоположность между сельским и городским населением.

Крестьянин, этот современный илот, дотоле отрезанный от всех благ высшей культуры, станет свободным человеком, сделавшись культурным человеком в полном смысле слова *. Высказанное однажды князем Бисмарком пожелание, чтобы большие города были уничтожены, исполнится, но в совершенно ином смысле, чем он ожидал **.

---

* Профессор Адольф Вагнер пишет в сочинении «Учебник политической экономии Рау»: «Частная мелкая земельная собственность образует ничем незаменимую основу крайне важной части населения — независимого самостоятельного крестьянского сословия с его своеобразной социально-политической ролью и функцией». Если бы наш автор, в угоду своим консервативным друзьям, не идеализировал во что бы то ни стало мелкого крестьянина, то он не мог бы не признать в нем самого жалкого из людей. Мелкий крестьянин при *данных* условиях почти недоступен высшей культуре. С утра до вечера изнывает он под тяжкой работой и живет зачастую хуже собаки. Он не употребляет мяса, масла, яиц, молока, которые он производит в собственном хозяйстве,— он производит для других. Он не может при существующих условиях подняться на сколько-нибудь высокую ступень существования и представляет собою в силу этого элемент, *тормозящий культурное развитие*. Пусть сторонники попятного движения,— те, которым оно выгодно, считают светлым явлением сохранение этого общественного слоя,— человеческий прогресс все же ведет к его исчезновению.

** Князь Бисмарк произнес в Эрфуртском «Союзном парламенте» в 1850 г. громовую речь против больших городов, «этих очагов революции», заявляя, что их следовало бы сравнять с землею. Он был совершенно прав: буржуазное общество создает в лице современного пролетариата своего собственного «могильщика».

III
УПРАЗДНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Подводя итоги изложенному выше, мы видим, что с отменою частной собственности на средства труда и с переходом их в общественную собственность постепенно исчезает масса бедствий, которые в буржуазном обществе встречаются на каждом шагу, все возрастая и делаясь все более невыносимыми. Господство одного класса прекращается, общество действует планомерно, само руководит собою и само контролирует себя. Подобно тому, как с уничтожением наемного труда прекращается возможность эксплуатации человека человеком, точно так же с исчезновением частного предпринимательства теряет почву мошенничество и обман, фальсифицирование съестных припасов, биржевые спекуляции и т. д. Храмы Маммона опустеют, так как государственные кредитные билеты, акции, векселя, закладные листы, ипотечные свидетельства и т. п. сделаются ненужными клочками бумаги. Слова Шиллера: «Прочь долговые книги, и да воцарится мир на земле», найдут тогда свое осуществление, а библейское изречение: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой» справедливо теперь и по отношению к героям биржи и трутням капитализма. Но работа, которую они обязаны будут исполнять в качестве равноправных членов общества, не будет подавлять их и значительно улучшит их физическое состояние. От забот об имуществе, которые, если верить патетическим заявлениям наших предпринимателей и капиталистов, зачастую еще тяжелее,

чем необеспеченное и скудное существование рабочего,— от этих забот их избавят раз навсегда. Избавятся они от треволнений и от спекуляции, так часто причиняющей биржевым игрокам болезни сердца, апоплексический удар и нервное расстройство. Уделом для них и их потомков станет *жизнь без забот* и они, в конце концов, будут чувствовать себя превосходно.

С уничтожением частной собственности и классовых противоречий постепенно падет и государство.

«Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более обращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота... Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление ве-

щами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает»* *.

Вместе с государством исчезнут и его представители: министры, парламенты, регулярная армия, полиция и жандармы, суды, адвокаты и прокуроры, тюремные чиновники, таможенное и податное ведомства,— словом, весь политический механизм.

Казармы и прочие военные здания, судебные и административные здания, тюрьмы и т. д. будут предназначены для лучших целей. Десятки тысяч законов, указов и предписаний сделаются ненужной бумагой,— они будут иметь лишь историческое значение. Великие и при всем том столь мелочные парламентские сражения, в которых ораторы воображают, что их речи управляют и руководят миром, исчезнут, уступив свое место административным коллегиям и делегациям, на обязанности которых будет лежать возможно лучшее устройство производства, распределение и установление размера необходимых запасов, введение и применение целесообразных новшеств в искусстве, образовательном деле, путях сообщения, производственном процессе в промышленности и сельском хозяйстве и т. д. Все это практические, понятные и осязательные вещи, к которым каждый относится беспристрастно, ибо у него нет такого личного интереса, который был бы враждебен обществу. Нет никого, чей бы интерес не совпадал с общественным, состоящим в том, чтобы все устроить и сделать наилучшим, наиболее целесообразным и наиболее выгодным для всех способом.

Сотни тысяч прежних представителей государства возьмутся за различные профессии и будут содействовать по мере своих способностей и сил умножению богатства и удобств общества. В будущем строе не известны ни политические, ни уголовные преступления и проступки. Воры исчезнут, так как не станет больше частной собственности, и каждый в состоянии будет в новом обществе с легкостью и удобством удовлетворять свои потребности трудом. Точно так же не будет более «босяков» и «бродяг»; они — продукт общества, основанного на частной собственности, и исчезнут вместе с этой последней. Убийства? Из-за чего? Никто не может

---

* *Фридрих Энгельс,* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 264—265.

обогатиться за счет другого, даже убийство из ненависти или мести находится в прямой или косвенной связи с современным социальным положением общества. Клятвопреступление, подделка документов, обман, присвоение чужого наследства, злостное банкротство? Но ведь нет частной собственности, по отношению к которой и против которой можно было бы совершать эти преступления. Поджог? Но кто станет искать в нем радости или удовлетворения, раз общество лишает его всякого повода к ненависти? Фабрикация фальшивых денег? «Ах, что теперь деньги, как не пустой металл», и весь труд был бы напрасен. Святотатство? Чепуха,— самому богу, «всемогущему и всеблагому», при условии, что еще будут спорить о существовании бога, предоставляется право наказать того, кто его оскорбляет.

Так все основы существующего «порядка» станут мифом. Родители будут рассказывать о них детям, как о старых сказочных временах. И рассказы о преследованиях и гонениях, которым ныне подвергаются представители новых идей, будут звучать в их ушах так же дико, как теперь для нас рассказы о сожжении еретиков и ведьм. Все имена тех «великих» людей, которые теперь отличаются преследованием новых идей и вызывают похвалу со стороны своих ограниченных современников, бесследно забудутся и разве лишь остановят на себе внимание историка, перелистывающего старые фолианты. Мы, к сожалению, не живем еще в те счастливые времена, когда человечество может *свободно* дышать.

IV

БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ

То же, что с государством, произойдет и с религией: она не будет «отменена», «бог не будет свергнут», и у людей «не будут вырывать из сердца религию» и т. д., как на разные лады обвиняют теперь атеистически настроенных социал-демократов. Подобные нелепости можно предоставить буржуазным идеологам, которые во время французской революции пытались прибегнуть к подобным средствам и естественно потерпели жалкое фиаско.

Без насильственных нападений и без подавления мнений, какого бы они ни были рода, религиозные организации, а вместе с ними и церковь постепенно исчезнут.

Религия есть трансцендентальное отражение данного общественного строя. По мере того, как прогрессирует человеческое развитие и преобразуется общество, преобразуется и религия. Она есть, по выражению Маркса, то стремление народа к призрачному счастью, которое вытекает из общественного строя, *нуждающегося в иллюзии* *, но она исчезнет, как только массы познают действительное счастье и возможность его осуществления. Господствующие классы стремятся ради собственного интереса затруднить познание, и поэтому они пытаются сохранить религию, как средство господства, как это выражено особенно ясно в пресловутом изречении: «нужно сохранить религию *для народа*».

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 415.

Забота об этом в обществе, покоящемся на классовом господстве, является важной правительственной функцией. Образуется особая каста, берущая на себя эту функцию и изощряющая свой ум на том, чтобы поддержать и расширить здание религии, так как вместе с этим растет ее собственное могущество и ее авторитет.

Являясь вначале, на самой низшей ступени культуры, среди примитивных общественных условий, фетишизмом, религия становится на более высокой ступени развития политеизмом и, наконец, с дальнейшим развитием культуры, монотеизмом. Не боги создали людей, а, наоборот, люди создают себе богов. «По своему образу и подобию он (человек) создал его (бога)», а не наоборот. Но и монотеизм уже растворился во всеобъемлющем, все проникающем пантеизме и все более улетучивается.

Естественные науки превратили в миф учение о сотворении мира в 6 дней. Астрономия, математика и физика делают небо производным воздуха. Звезды небесного свода, на которых восседают ангелы, превращаются в планеты и неподвижные звезды, природа которых исключает всякую ангельскую жизнь.

Господствующий класс, сознавая угрожающую его существованию опасность, хватается за религию, как за опору всякого авторитета. Так поступал до сих пор всякий господствующий класс *. Буржуазия сама не

* Как об этом думали уже древние, показывают следующие слова Аристотеля: «Тиран (так назывался самодержец в древней Греции) должен *притворяться*, будто он чрезвычайно дорожит религией. Подданные меньше опасаются беззакония со стороны властелина, если они его считают богобоязненным и благочестивым; а, с другой стороны, они не так легко решаются восстать против него, если они полагают, что ему обеспечена помощь богов».— *Аристотель*, «Политика».

«Государь должен обладать добрыми человеческими качествами, лучше сказать, он должен *притворяться, что обладает ими; в особенности он должен притворяться крайне набожным, крайне религиозным*. Не беда, если другие поймут, что он притворяется,— им ведь придется молчать, так как его защищает закон об оскорблении величества. Благодаря же этой защите, он может обнаруживать также противоположные качества, *когда это требует его выгода*; так как он показал свою богобоязненность во многих случаях, *когда это ему ничего не стоило*, то широкая масса подданных неизменно будет его считать почтенным человеком, даже и тогда, когда он будет поступать против совести и против религии. *Главное государь*

верует ни во что, она всем своим развитием, всей вышедшей из ее среды современной наукой разрушила веру в религию и всякий авторитет. Она притворяется верующей, и церковь принимает поддержку этой фальшивой подруги, так как она сама нуждается в поддержке». «Религия нужна народу».

Новое общество не знает никаких посторонних соображений. Его девиз — человеческий прогресс и подлинная наука. Если тогда кто-либо и почувствует потребность в религии, то пусть он ее удовлетворяет вместе с себе подобными; обществу до этого нет никакого дела. Для того чтобы жить, священник должен работать, и так как он при этом также многому научится, то для него наступит время, когда он поймет, что *высшая задача жизни — быть человеком.*

Нравственность и мораль может обойтись без религии; противоположное утверждают только простаки или лицемеры. Нравственностью называются понятия, которыми регулируются взаимные отношения между людьми и их поступки, тогда как религия обнимает собою отношение людей к сверхчувственному существу. Но понятие о нравственности, как и религия, обусловливается данным общественным состоянием людей *. Каннибал считает людоедство делом весьма нравственным; нравственным же представлялось грекам и римлянам рабство, а феодальным владельцам средних веков — крепостничество; высоконравственными кажутся современному «капиталисту система наемного труда, изнурение женщины ночной работой, деморализация детей на фабриках» **. Четыре ступени общественного развития и четыре разных понятия о нравственности, но ни на одной из них не царит высшее нравственное понятие. Наиболее высоким в нравственном отношении состоянием является, без сомнения, то, в котором люди в своих взаимных отношениях

должен быть богомольным и усердно выполнять церковные обряды». Макиавелли в своем знаменитом сочинении «Государь», 18 глава. Макиавелли родился в 1469 г. во Флоренции.

* См. Каутский, Ethik und materialistische Geschichtsauffassung, Stuttgart 1905.

** Когда современному буржуа трудно подыскать доводы в оправдание какого-нибудь дурного поступка, то он в 999 случаях из тысячи ссылается на «нравственность».

свободны, равны, в котором правило: «не делай другому того, чего не желаешь себе», ненарушимо проникает все человеческие отношения. В средние века человек оценивался в зависимости от своей родословной, в наше время решающее значение имеет его богатство, в будущем человек имеет цену уже потому, что он человек. И это будущее принадлежит социализму.

V

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

В семидесятых годах покойный депутат д-р Ласкер читал в Берлине реферат, в котором он пришел к следующему заключению: одинаковый уровень образования возможен для всех членов общества. Д-р Ласкер был, однако, противником социализма, упорным приверженцем частной собственности и капитализма; между тем вопрос образования является по преимуществу *вопросом денежным.* При таких условиях одинаковый уровень образования для всех *невозможен.* Отдельные личности, находящиеся в сравнительно благоприятном положении, могут достигнуть высшего образования, да и то лишь после преодоления многих трудностей и ценою большой энергии, встречающейся не у каждого. Масса же никогда не в состоянии достигнуть этого до тех пор, пока она живет в социальном подчинении и зависимости *.

* «Известная степень культуры и благосостояния есть необходимое условие для развития философского духа. При этом мы находим, что философия развивается только у тех наций, которые достигли известной степени культуры и благосостояния» (Tennemann примеч. у Бокля).

«Материальные и духовные интересы идут рука об руку, одни не могут существовать без других; между теми и другими существует связь, как между телом и духом, разделить их, значит убить их» v. Thünen, Der isolierte Staat.

«Лучшая жизнь как для отдельного индивидуума, так и для государства, есть та, при которой добродетель настолько наделена *внешними* благами, что благодаря этому возможно деятельное участие в прекрасных и благих поступках».— *Аристотель,* «Политика».

В новом обществе условия существования будут одинаковы для всех. Потребности же и наклонности различны и останутся различными, ибо они коренятся в природе человека; но каждый может развиваться сообразно с одинаковыми для всех условиями существования. Приписываемое социализму равнение всех под мерку есть, как и многое другое, ложь и бессмыслица. Желать этого было бы с его стороны безрассудно, ему пришлось бы стать в противоречие с самой природой человека и оставить надежду на развитие общества сообразно его принципам *. Более того, если бы даже социализму удалось перехитрить общество и втиснуть его в противоестественные отношения, то лишь на короткое время: новые отношения были бы разорваны, как несносные оковы, и социализм подписал бы свой смертный приговор. Общество развивается само из себя, сообразно присущим ему законам, которые и руководят его деятельностью.

Одной из главных задач нового общества должно быть надлежащее воспитание подрастающих поколений. Каждое дитя, родившееся на свет, является желанным для общества приращением; оно видит в нем залог своего дальнейшего существования, дальнейшего развития и чувствует поэтому и обязанность посильно покровительствовать новой жизни. Первым предметом его забот является, стало быть, роженица, мать. Удобное жилище, приятная внешняя обстановка, всякого рода приспособления, в которых нуждается эта стадия материнства, внимательный уход за роженицей и ребенком — таково первое условие. Само собой разумеется, что необходимо обеспечить ребенку материнскую грудь до тех пор, пока это кажется возможным и необходимым. Молешотт, Зондереггер, все гигиенисты и врачи единодушно утверждают, что ничего не может вполне заменить материнское молоко.

---

* Ввиду безмерного слабоумия наших противников приходится, в сущности, удивляться тому, что никто из них еще не утверждал, что, мол, в социалистическом обществе каждый будет получать одинаковую порцию пищи, белья и платья, сшитых на одинаковый рост,— ради «увенчания» здания единообразного равенства. Это утверждение достаточно глупое, для того чтобы его сделали наши противники.

Противники социализма, вроде Евгения Рихтера, возмущаются тем, что в будущем обществе роженица пойдет в родильный дом, где она будет пользоваться всеми удобствами, ныне доступными лишь наиболее богатым. Впрочем, никакое богатство не может доставить роженице всего того, чего можно достигнуть в специально устроенных заведениях. Этим противникам мы напомним, что в настоящее время, *по крайней мере, четыре пятых* всего человечества рождается в *самой примитивной* обстановке, при условиях, являющихся злой насмешкой над нашей культурой и цивилизацией. Что же касается остальной пятой части наших матерей, то опять-таки лишь меньшинство их имеют возможность пользоваться некоторым уходом и удобствами, необходимыми для роженицы. *В действительности уже и теперь в городах с превосходными родильными приютами не мало женщин при приближении родов отправляются в эти приюты и ожидают там разрешения от бремени. Но цены в подобных приютах так высоки, что лишь немногие женщины могут ими пользоваться, других же, бесспорно, отталкивает от них предрассудок.* Мы имеем, таким образом, тут новый пример того, как *буржуазный мир повсюду заключает в своих недрах зародыши будущих порядков.*

Материнство богатых женщин получает, впрочем, особый привкус ввиду того обстоятельства, что они как можно скорее сваливают свои материнские обязанности на... *пролетарскую кормилицу.* Как известно, Вендский Ляузиц (Шпревальд), напр., доставляет кормилиц для новорожденных из среды берлинской буржуазии, матери которых не желают или не могут кормить сами. Разведение кормилиц стало настоящим *промыслом.* Оно состоит в том, что деревенские девушки нарочно беременеют для того, чтобы после родов наняться в кормилицы к зажиточному берлинскому семейству. Девушки, рожающие вне брака трех и четырех детей для того, чтобы наняться в кормилицы, вовсе не редкость, и затем, если только они на этом достаточно заработали, они являются вожделенными невестами в глазах шпревальдских парней. С точки зрения буржуазной морали, такой образ действия крайне предосудителен, но с точки зрения семейных интересов буржуазии он представляется похвальным и желательным.

Лишь только дитя подрастет, оно начнет участвовать со сверстниками в общих играх под общим присмотром. Все, что только возможно сделать для его духовного и физического развития, по мере разумения и надобности, будет сделано. Всякий, наблюдавший детей, знает, что *они легче всего воспитываются в детском обществе;* общительность и подражательный инстинкт у них сильно развиты. Особенно охотно младшие дети подражают старшим, примеру которых они следуют охотнее, чем указаниям родителей. Эту особенность можно с успехом использовать в целях воспитания *. Залы для игр и детские сады сменяются занимательным преподаванием начатков знания и различных ремесел. Затем последует соразмерная с детскими силами умственная и физическая работа в связи с гимнастическими упражнениями и свободным движением на местах, служащих для игры и гимнастики, на ледяном катке, в купальнях; маршировка, состязания и физические упражнения для обоих полов сменят и дополнят друг друга. Целью явится воспитание здоровых, закаленных в физическом и духовном отношении, нормально развитых людей. Шаг за шагом будет следовать ознакомление с разными отраслями практической деятельности, с фабричным делом, огородничеством и садоводством, земледелием, техникой производственного процесса. Не забудется при этом и умственная работа в различных отраслях науки.

В педагогической области произойдут такие же изменения и улучшения, как и в области производства: будет устранено множество устарелых, излишних, тормозящих духовное и физическое развитие методов и учебных предметов. Ознакомление юных умов с естественными явлениями гораздо сильнее возбудит жажду знания, чем современная воспитательная система, при которой один учебный предмет противоречит другому, подрывая свое собственное влияние, как, напр., когда одновременно преподаются религия и естественные науки. Высокому культурному состоянию нового общества будут соответствовать и обстановка школьных помещений, воспитательные принадлежности и образова-

* Фурье блестяще развил эту мысль, хотя он при этом и впал в утопизм. См. *А. Бебель*, «Шарль Фурье, его жизнь и учение». Штутгарт 1888.

тельные средства. Образовательные и учебные средства, одежду и пищу дает общество, ни один воспитанник не будет поставлен хуже других *. Тут мы опять наталкиваемся на негодование со стороны буржуазных «людей порядка». Школа обратится в казарму, родители будут лишены всякого влияния на своих детей, восклицают противники. В действительности же ни о чем таком не может быть и речи. Принимая во внимание, что родители в будущем обществе будут располагать несравненно бо̀льшим количеством свободного времени, чем значительное большинство их в современном обществе, напомним о 10 и более часовом рабочем дне многих рабочих, почтовых, железнодорожных, тюремных, полицейских чиновников и пр., о чрезмерном труде ремесленников, мелких крестьян, купцов, военных, многих врачей,— им возможно будет посвятить своим детям гораздо больше времени, чем теперь. *Кроме того, система воспитания будет зависеть всецело от родителей, так как они будут решать, какие меры и учреждения следует ввести. Тогда общество будет насквозь проникнуто демократическими началами. Педагогические комиссии останутся, конечно, в этом обществе, они будут составляться из родителей — мужчин и женщин — и воспитателей.* Вероятно ли, чтобы они поступили против своих чувств и интересов? Это имеет место лишь в современном обществе, в котором государство стремится, вопреки воле большинства родителей, провести в деле воспитания свои исключительные интересы.

Наши противники говорят так, как будто родители считают величайшим удовольствием весь день иметь при себе детей и заниматься их воспитанием. Действительность говорит нам другое. С какими трудностями

---

* *Кондорсе* требовал в своем воспитательном проекте: «Воспитание должно быть бесплатным, одинаковым, всеобщим, физическим, духовным, промышленным и политическим и должно иметь своею целью действительное, фактическое равенство».

Точно так же высказывается *Руссо* в своей «Политической экономии»: «В особенности воспитание должно быть общественным, равным и общим для обоих полов; оно должно формировать людей и граждан».

Аристотель требует того же: «Так как государство имеет только одну цель, то оно должно также дать всем своим членам одно и то же воспитание, и забота об этом последнем должна быть делом государственным, а не частным».

и заботами сопряжено воспитание и развитие ребенка, если в семье имеется лишь одно дитя,— способны судить лучше всего те родители, которые находятся или находились в подобном положении. Если в семье есть несколько детей, то воспитательное дело облегчается, но зато прибавляется столько труда и забот, что мать, несущая на себе главную тяжесть, рада, когда наступает учебное время и дети проводят часть дня вне дома. К тому же огромное большинство родителей в состоянии дать своим детям лишь крайне неудовлетворительное воспитание. Прежде всего у преобладающего большинства отцов и матерей нет для этого времени: первые должны заниматься своими делами, последние — домашним хозяйством, даже если они могут и не работать. Но если даже у них и есть свободное время для воспитания, то в бесчисленном количестве случаев они к этому неспособны. В самом деле, много ли родителей, способных следить за ходом образования своих детей в школе и помогать им делать заданные на дом уроки? Крайне немного. Мать, которая в большинстве случаев скорее всего могла бы это делать, потому что у нее нашлось бы время, не способна к этому, так как не получила достаточной образовательной подготовки. Да притом учебные методы и программы меняются так часто, что родителям незнакомы методы, по каким учат их детей, и предметы, которым они учатся.

Далее, домашняя обстановка значительного большинства детей такая убогая, что им недостает необходимых удобств, ни порядка, ни спокойствия, чтобы делать уроки дома или найти там нужную помощь. Часто всего этого нет и в малейшей степени. Квартира тесна, переполнена; большие и малые братья и сестры копошатся на самом тесном пространстве; убогая мебель не дает ребенку, желающему работать, никаких самомалейших удобств. Нередко недостает света, воздуха, тепла; учебники и другие принадлежности, если вообще таковые имеются, донельзя плохи; часто муки голода отнимают у детей всякую охоту к занятиям. Кроме того, сотни тысяч детей привлекаются к всевозможным домашним и промысловым работам, которые отравляют им детство и мешают им учиться. Нередко также дети наталкиваются на сопротивление невежественных родителей всякий раз, когда они желают

урвать себе часок для школьных работ или для игры. Словом, в виду всего этого множества препятствий можно лишь удивляться, что молодежь все-таки еще получает какое ни на есть образование. Это служит доказательством в пользу здоровья человеческой природы и присущего ей стремления к прогрессу и совершенствованию.

Буржуазное общество само отчасти признает наличность этих зол, стараясь облегчить воспитание юношества введением дарового обучения и кое-где также бесплатной раздачей учебных средств,— две вещи, которые еще в средине восьмидесятых годов тогдашний саксонский министр народного просвещения назвал в ответ социалистическим депутатам ландтага *«социал-демократическими требованиями»*. Во Франции, где после долгого периода запущения народное образование делает все большие успехи, пошли еще дальше, по крайней мере в Париже, *где детей кормят сообща на городской счет.* Дети бедных родителей получают пищу бесплатно, а дети более состоятельных вносят незначительную плату в городскую кассу. Тут мы, стало быть, имеем перед собою коммунистическое учреждение, давшее на опыте превосходные результаты к взаимному удовольствию родителей и детей.

О неудовлетворительности современной школьной системы,— она не в состоянии осуществить даже те скромные задачи, которые она себе поставила,— свидетельствует далее то обстоятельство, что многие тысячи детей *не в состоянии исполнять свои школьные обязанности вследствие недостаточного питания.* Не проходит ни одной зимы без того, чтобы в наших городах не было тысяч детей, которые приходят в школу, не позавтракав. Питание сотен тысяч других детей недостаточно. Для всех этих детей прокормление и снабжение одеждой на общественный счет явились бы большим благодеянием; они вряд ли считали бы «смирительным домом» такое общежитие, которое бы порядочно кормило и одевало их, впервые, таким образом научая их тому, что значит быть человеком. Буржуазное общество не может отрицать существования этой нищеты, и вот сердобольные души устраивают общества для снабжения детей завтраком и супом, чтобы *путем благотворительности* осуществить хоть часть того,

осуществление чего во всей полноте является обязанностью общества. В настоящее время некоторые общины доставляют бедным детям необходимый уход на свои средства. Все это совершенно недостаточно, и как благодеяние рассматривается то, что должно быть правом *.

В наших школах все более обнаруживается разумное стремление по возможности сократить задаваемые на дом уроки, так как признана неудовлетворительность школьных работ, которые делаются в родительском доме. Более богатый воспитанник находится в привилегированном положении по сравнению с бедным не только по внешнему своему положению, но еще и потому, что он часто пользуется помощью гувернанток и домашних учителей. С другой стороны, леность и распущенность поощряются у богатого ученика в силу того, что богатство, роскошь и всяческое изобилие у его родителей побуждают его смотреть на учение как на бесполезное дело, а часто он имеет перед глазами самые предосудительные примеры, действующие на него особенно развращающим образом. Кто ежедневно и ежечасно слышит и видит, что самое главное — это чин, положение, деньги, богатство, тот проникается своеобразными взглядами на человека и его обязанности, на государственные и общественные порядки.

В сущности, буржуазное общество не имеет никакого основания негодовать на коммунистическое воспитание детей, к которому стремятся социалисты, так как оно само отчасти ввело его для привилегированных классов, *только в весьма искаженном виде.* Мы имеем в виду *кадетские корпуса и пансионы,* далее — *семинарии, духовные академии, приюты военных сирот* и т. д. Там многие тысячи детей, частью принадлежащие к высшим слоям, получают *самое одностороннее и извращающее* воспитание в *строжайшей монастырской замкнутости* и такую же одностороннюю и извращенную подготовку к определенным профессиям. Далее, мно-

* «В настоящее время в 20-ти частях города Парижа имеются школьные столовые, в которых выдаются мясо и зелень. Это обязательно. В некоторых кварталах дают также завтрак и ужин». Helene Simon, Schule Brot, Гамбург 1907. По инициативе рабочей партии в Англии было внесено предложение об урегулировании школьного питания, по которому в 1906 г. образована комиссия.

гие члены более зажиточных классов — врачи, духовные лица, чиновники, фабриканты, землевладельцы, богатые крестьяне и т. д., которые живут в деревне или в маленьких местечках, где нет высших образовательных заведений, отдают своих детей в пансионы больших городов и видятся с ними в течение целого года разве лишь на каникулах.

Мы видим, в какое странное противоречие попадают наши противники, когда они возмущаются коммунистическим воспитанием детей и отчуждением их от родителей, между тем как *они сами ввели эту систему воспитания для собственных детей лишь в искаженной, совершенно ложной и неудовлетворительной форме.* О воспитании детей в среде зажиточных классов кормилицами, боннами, гувернантками, домашними учителями можно было бы сказать много такого, что показало бы в странном свете домашнюю и семейную жизнь этих классов. Оказалось бы, что и *здесь зачастую господствует лицемерие,* а *положение как учащих, так и учащихся* отнюдь не идеальное.

Новая, совершенно преобразованная система воспитания, имеющая в виду как физическое, так и духовное развитие и усовершенствование молодежи, требует увеличения числа преподавательского персонала. Воспитание подрастающих поколений в новом обществе должно быть предметом по меньшей мере таких же забот, какие ныне в военном деле посвящаются обучению солдат, при котором один унтер-офицер приходится на каждые 8—10 рядовых. Если в будущем на такое же число учеников будет приходиться по одному учителю, то будет достигнуто то, что должно быть достигнуто. Значительное место в воспитании молодежи займет обучение механическим ремеслам в особых, превосходно устроенных учебных мастерских, а также всем садовым и полевым работам. Все это будет организовано таким образом, чтобы избегнуть переутомления и обеспечить надлежащее разнообразие занятий в видах воспитания наиболее совершенно развитых личностей.

Далее, воспитание должно быть *одинаковым и общим для обоих полов.* Разделение полов оправдывается только в тех случаях, когда различие пола этого требует с безусловной необходимостью.

В будущем обществе воспитание, надлежащим образом урегулированное и поставленное под разумный контроль, продолжится до того возраста, когда общество признает молодежь совершеннолетней. С этого момента оба пола будут находиться вполне на высоте всех гражданских прав и обязанностей, которые общество возложит на своих взрослых членов. Общество будет уверено, что оно воспитало дельных, всесторонне развитых членов, воспитало людей, которым ничто человеческое и естественное не чуждо и которые так же хорошо знакомы со своей собственной природой и со своим собственным существом, как и с существом и состоянием общества, в которое они вступают полноправными членами.

Усиливающаяся с каждым днем порочность нашей современной молодежи — естественное следствие общественного строя, находящегося в состоянии гниения и разложения,— тогда исчезнет. Исчезнут непослушность, недисциплинированность, безнравственность и жажда грубых удовольствий, присущие в особенности молодежи наших средних и высших учебных заведений, гимназий, политехнических школ, университетов и т. д., пороки, которые вызываются и усиливаются бестолочью и беспокойством семейной и развращающим влиянием общественной жизни. Равным образом прекратятся и вредные влияния фабричной системы, квартирных неустройств, заброшенности и самостоятельности молодежи в том возрасте, когда человек наиболее нуждается в узде, в приучении к самообузданию и к самообладанию. Всех этих зол будущее общество избегнет, не имея при этом никакой необходимости прибегать к насилию. Характер общественных учреждений и обусловленная ими, проникающая все общество духовная атмосфера сделают все это невозможным, ибо в обществе, как и в природе, болезни и разрушение организмов происходят лишь там, где совершается процесс разложения.

Никто не станет оспаривать, что наша современная система образования и воспитания страдает крупными и опасными недостатками, причем больше их замечается в высших заведениях и школах, чем в низших. Деревенская школа является сравнительно с гимназией образцом нравственного здоровья, женская рукодель-

ная школа для бедных детей — образцом нравственности по сравнению со многими пансионами для благородных девиц. Причину не приходится долго искать. В высших классах общества подавлено всякое стремление к высшим человеческим целям, *у них нет идеалов. Вследствие отсутствия идеалов и деятельности, направленной к высшей цели, распространяется безграничная жажда наслаждений и склонность к распутству со всеми их физическими и нравственными наростами.* Как может стать иною молодежь, вырастающая в такой атмосфере? Грубо материальное наслаждение жизнью без меры и без границ — такова единственная цель, которую она видит и знает. Зачем вообще к чему-то стремиться, когда благодаря богатству родителей всякое стремление их кажется излишним? Высший образовательный уровень преобладающего большинства сыновей нашей буржуазии выражается в познаниях, нужных для экзамена на вольноопределяющегося первого разряда. Раз этот экзамен сдан, то им кажется, что они поднялись на вершину современных знаний, они чувствуют себя по меньшей мере полубогами. Если же они получили диплом офицера в запасе, то их гордости и высокомерию часто нет более границ. Влияние, каким пользуется это поколение—именно целое поколение, в своем большинстве слабое характером и знаниями, но сильное благонадежностью своего образа мыслей и раболепием,— так велико, что наше время можно назвать веком запасных офицеров. Его отличительная особенность — бесхарактерность и полузнание, но непочатый угол благонадежности, раболепие по отношению к высшим, высокомерие и грубость по отношению к низшим.

Дочерей нашей буржуазии воспитывают так, что из них выходят куклы, модницы и салонные дамы, гоняющиеся за наслаждениями, а, в конце концов, пресыщенные, они изнывают от скуки и от всевозможных воображаемых и действительных болезней. В старости они делаются набожными ханжами и спиритками, оплакивают испорченность мира и проповедуют аскетизм.

Что касается низших классов, то уровень их образования пытаются понизить. Пролетарий, чего доброго, станет чересчур умным, ему надоест его рабское положение, и он возмутится против земных богов. Чем

бестолковее масса, тем лучше управлять ею. Самый глупый рабочий для нас самый лучший,— много раз повторяли крупные землевладельцы восточной Эльбы на своих собраниях. В одном этом предложении заключается целая программа.

Таким образом, в вопросах образования и воспитания современное общество столь же беспомощно, как и во всех других социальных вопросах. Что оно делает? Оно возлагает свои надежды на палку, проповедует религию, т. е. покорность и терпение, тем, которые и без того чересчур уж покорны и терпеливы; оно поучает воздержанию тех, которые принуждены воздерживаться от самого необходимого, ибо его нет. Тех, которые в своей огрубелости выступают с диким протестом, заключают в исправительные и другие заведения, находящиеся большей частью в руках ханжей. Этим почти что и исчерпывается педагогическая мудрость нашего общества.

Полную негодность методов воспитания для заброшенных пролетарских детей показывают многочисленные случаи жестокого обращения руководителей так называемых воспитательных домов, приводившего к судебным процессам против этих руководителей. Тут обнаружилось, что фанатическое религиозное ханжество можно обвинять в совершении с садистской радостью жестокостей, от которых волосы становятся дыбом. А сколько таких ужасов остается скрытыми!

VI

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Руководя воспитанием подрастающих поколений до совершеннолетнего возраста, новое общество предоставит затем каждому самому заботиться о своем дальнейшем развитии. Каждый будет работать в той области, к которой его влекут его склонности и задатки. Одни посвятят себя какой-либо отрасли все пышнее развивающихся естественных наук — антропологии, зоологии, ботанике, минералогии, геологии, физике, химии, изучению доисторических времен и т. д., другие — историческим наукам, филологии, искусству и проч. Одни станут по призванию музыкантами, другие — живописцами, скульпторами, актерами. Профессиональных художников тогда не будет, как не будет и профессиональных ученых и профессиональных ремесленников. Тысячи блестящих талантов, которые до сих пор подавлялись, достигнут тогда полного расцвета, их знание и умение обнаружатся всюду, где это будет нужно. Не будет более музыкантов, актеров, художников и ученых *по профессии,* но только — *по вдохновению, по таланту и гению.* И их произведения будут настолько же превосходить все то, что делается в этих областях в настоящее время, насколько индустрия, техника и земледелие в будущем обществе будут выше, чем в современном.

Для искусства и наук наступит новая эра, какой мир еще никогда не видел и никогда не переживал,

и на такой же небывалой высоте будут стоять творения этой эры.

Какое преобразование и возрождение испытает искусство, раз только наступят достойные человека порядки,— это предчувствовал уже такой авторитет, как покойный *Рихард Вагнер*, высказавшийся по этому поводу в 1850 году в своем сочинении «Искусство и революция». Это сочинение особенно замечательно потому, что оно появилось непосредственно вслед за только что подавленной революцией, в которой Вагнер принимал участие. В этом сочинении Вагнер предсказывает то, что принесет с собою будущее; он обращается прямо к рабочему классу, от которого он ожидает помощи художникам в деле основания истинного искусства. Он говорит, между прочим, следующее: «Раз только для наших *будущих свободных людей* добывание средств к существованию *не будет более целью жизни,* раз в силу перешедшей в дело новой веры или, *вернее,* нового *знания,* добывание средств к существованию *путем соответственной ему естественной деятельности будет обеспечено от всяких случайностей,* короче говоря, раз только индустрия сделается вместо нашей госпожи нашей служительницей,— *тогда целью жизни мы сделаем наслаждение жизнью, а целью воспитания — подготовление наших детей к действительному пользованию этим наслаждением. Воспитание, начинаясь развитием физической силы, заботой о телесной красоте, станет чисто художественным уже в силу одной беззаботной любви к ребенку и радостного стремления к развитию его красоты, и каждый человек будет поистине художником в каком-либо отношении. Различия в природных склонностях создадут невероятное множество самых разнообразных направлений»*. Эти слова проникнуты вполне социалистическим духом и совершенно совпадают с изложенными нами взглядами.

Общественная жизнь примет в будущем более публичный характер. Тенденцию развития нам показывает яснее всего совершенно изменившееся сравнительно с прежними временами положение женщины. Домашняя жизнь ограничится необходимым минимумом, наоборот, потребности в общении будет открыт самый широкий простор. Большие помещения для собраний, предназначаемые для докладов, диспутов и для обсуждения

всех общественных дел, решаемых в будущем самовластно всеми, столовые, залы для игр и читальни, библиотеки и концертные залы, театры, музеи, площадки для игр и гимнастики, парки и сады, общественные бани, образовательные и воспитательные учреждения всех родов, лаборатории и т. д.— все это, устроенное самым лучшим образом, доставит полную возможность всякого рода развлечению, искусству и науке достигнуть высшего расцвета. Точно так же заведения для ухода за больными, слабыми и дряхлыми будут отвечать самым высшим требованиям.

Каким ничтожным покажется в сравнении с этим наш хваленый век! Виляние хвостом из-за благосклонности и ласковой улыбки высших, пресмыкающийся собачий образ мыслей, завистливая борьба самыми гнусными и низменными средствами из-за теплого местечка, и наряду с этим подавление своего истинного убеждения, сокрытие хороших качеств, которые могут не понравиться, кастрирование характера, лицемерие во взглядах и чувствах — все эти качества, которым можно дать общее название *трусости и бесхарактерности*, с каждым днем выступают все в более отталкивающем виде. Все, что человека возвышает и облагораживает,— чувство собственного достоинства, независимость и неподкупность взглядов и убеждений, свободное проявление своей индивидуальности — становится при современных условиях в большинстве случаев недостатком и пороком. Часто эти качества губят человека, если он их не подавляет. Многие даже не чувствуют своего унижения, потому что они с этим свыклись. Собака находит вполне естественным иметь над собою господина, который под сердитую руку дает ей попробовать хлыста.

Одновременно со всеми упомянутыми изменениями в социальной жизни примет совершенно иной характер и вся литературная деятельность. Теологическая литература, занимающая в настоящее время в ежегодном указателе новых изданий количественно первое место, исчезнет наравне с литературой юридической: первая никого не будет интересовать, а во второй — не будет никакой надобности. Все издания, касающиеся ежедневной борьбы из-за государственных учреждений, исчезнут вместе с этими учреждениями. В этой области

останется место только для культурно-исторических исследований. Не будет больше этой массы поверхностных литературных изделий, которые свидетельствуют об испорченном вкусе и которые зачастую издаются лишь благодаря жертвам, приносимым тщеславным автором. Даже с точки зрения современных условий можно без преувеличения сказать, что если бы исчезли с рынка четыре пятых всех литературных произведений, *культурные интересы от этого нисколько бы не пострадали.* Так велика масса поверхностных или вредных и явно дрянных литературных изделий.

Как беллетристика, так и газетное дело изменятся равным образом. Что может быть печальнее, бессмысленнее и поверхностнее большей части нашей газетной литературы? Если судить о состоянии наших культурных завоеваний и наших научных теорий по содержанию этой части наших газет, то пришлось бы оценить их очень низко. Деятельность отдельных личностей, положение вещей обсуждаются там с точки зрения, соответствующей прошлым столетиям и давно признанной нашей наукой несостоятельной. Значительная часть наших журналистов — люди, которые, как однажды не без основания заметил Бисмарк, «не попали на свою настоящую дорогу», зато их взгляды и гонорарные запросы соответствуют их буржуазной заинтересованности в гешефте. Вместе с тем, эти газеты, как и большинство беллетристических органов, посвящают отдел объявлений самой грязной рекламе, а их биржевой отдел служит той же цели в финансовой области. Их содержание определяется материальным интересом их предпринимателей.

Беллетристическая литература, если рассматривать ее в целом, мало чем лучше газетной: в ней особенно культивируется интерес к половому разврату, и она служит то самой поверхностной либеральной тенденциозности, то самым нелепым предрассудкам и суеверию. Ее цель в общем показать, что буржуазный мир при всех своих второстепенных недостатках,— только такие недостатки признаются за ним,— лучший из всех миров.

В этой обширной и важной области будущее общество предпримет основательную чистку. В ней будут исключительно господствовать наука, истина, красота,

борьба мнений во имя лучшего. Каждый отдельный автор получит возможность проявить себя. Он не будет более зависеть от милости книжного издателя, от денежного интереса, от предрассудка, а только от оценки беспристрастных сведущих лиц, в выборе которых он и сам принимает участие и против приговора которых, если он его найдет несправедливым, ему всегда возможно будет апеллировать к обществу, тогда как ныне он лишен этой возможности как по отношению к газетной редакции, так и по отношению к издателю, который считается лишь со своими частными интересами. Наивный взгляд, будто в социалистическом общежитии борьба мнений будет подавлена, может отстаиваться лишь теми, которые считают буржуазный мир самой совершенной формой общества и из вражды к социализму стараются его оклеветать и умалить. Общество, покоящееся на полном демократическом равенстве, не знает и не терпит никакого угнетения. *Лишь самая полная свобода мнений делает возможным беспрерывный прогресс, являющийся жизненным принципом общества.* Представлять буржуазное общество поборником действительной свободы мнений — грубый обман. Партии, защищающие классовые интересы власть имущих, опубликовывают в печати лишь то, что не вредит их классовому интересу, и горе тому, кто погрешит против этого,— его общественное положение будет навсегда скомпрометировано, как известно всякому, знакомому с этим делом. А как расправляются издатели с неугодными им литературными произведениями,— об этом мог бы порассказать кое-что почти каждый писатель. Наконец, наши законы о печати и уголовное законодательство тоже показывают, каким духом проникнуты правящие и руководящие классы. Действительную свободу мнений считают они опаснейшим из всех зол.

VII

СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

1. БЕЗЗАБОТНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Каждый отдельный человек должен получить разностороннее развитие,— такова должна быть цель человеческого общежития. Он не должен поэтому оставаться прикованным к тому месту, куда забросила его случайность рождения. С людьми и миром следует знакомиться не только по книгам и газетам, необходимо также личное наблюдение, практическое изучение. Будущее общество должно поэтому предоставить всем эту возможность, которою и теперь уже пользуются многие, хотя в большинстве случаев лишь под давлением нужды. *В человеческой природе глубоко коренится потребность в разнообразии всех жизненных отношений.* Эта потребность вытекает из стремления к совершенствованию, присущего всякому живому существу. Растение, находящееся в темном помещении, тянется, как бы одаренное сознанием, к свету, проникающему сквозь какую-либо щель. То же и с человеком. Стремление же, прирожденное человеку, т. е. инстинкт, должно получить разумное удовлетворение. Новый строй общества не только не будет препятствовать удовлетворению потребности в разнообразии, а наоборот, лишь он впервые даст возможность всем удовлетворить эту потребность. Это будет в высокой степени облегчаться развитой системой путей и средств сообщения и необходимо будет вызываться международными сношениями. В будущем бесконечно большее число людей будет объезжать мир для самых разнообразных целей, чем до сих пор.

Общество нуждается далее в обильных запасах жизненных средств всех родов для удовлетворения всех потребностей. Соответственно этому общество регулирует

свое рабочее время по надобности: оно его то удлиняет, то укорачивает, согласно своим запросам и сообразно с временем года. В одно время года оно занимается преимущественно производством сельскохозяйственных продуктов, в другое — промышленных продуктов и изделий художественных ремесел. Соответственно потребности управляет оно рабочими силами: комбинируя разнообразные рабочие силы, оно легко создаст совершеннейшие по технике предприятия, что в настоящее время кажется совершенно невозможным.

Общество возьмет на себя заботу о молодежи и будет простирать ее и на стариков, больных и инвалидов. Кто почему-либо сделается не способным к труду, того возьмет под защиту все общество. Притом здесь дело будет идти не о благотворительности, а об исполнении *долга*, не о милостивой подачке, а о самом деликатном попечении и помощи, на которые имеет право всякий, исполнявший свои обязанности по отношению к обществу в годы своего здоровья и работоспособности. Закат жизни будет украшен всем, что общество может предоставить старику. Ведь всякий питает надежду в будущем пользоваться самому тем же вниманием, какое он оказывает старику. Тогда не будет мучить стариков мысль, что другие ожидают их смерти, чтобы «наследовать» от них, а также исчезнет страх, что на старости тебя выбросят, как выжатый лимон. Старики тогда не будут зависеть ни от милости и поддержки со стороны детей, ни от нищенских подачек общины *. Всякому прекрасно известно, в каком положении находятся большей частью родители, которые к старости зависят от поддержки со стороны детей. А каким развращающим образом влияет обыкновенно на детей и еще более на родственников надежда *на наслед-*

* «Человек, проведший всю жизнь до седых волос в честном и изнурительном труде, не должен в старческие годы зависеть ни от милосердия своих детей, ни от милосердия общества. Независимая, свободная от забот и труда старость является естественнейшим вознаграждением за беспрерывный труд в дни силы и здоровья». *Фон Тюнен*, «Изолированное государство». Но как обстоит дело в буржуазном обществе? Миллионы людей с ужасом думают о том времени, когда они, состарившись, будут брошены на мостовую. А наша промышленная система старит людей преждевременно. Пресловутое страхование в Германии на случай старости и инвалидности есть самый скудный суррогат,— это признается даже его самыми ярыми защитниками. Выдаваемое пособие еще более недостаточно, чем пенсия большинства чиновников.

ство? Какие низменные страсти просыпаются и сколько преступлений совершается как раз из-за наследства: убийство, хищение, подлог, лжеприсяга, вымогательство и т. д.

Духовное и физическое состояние общества, характер труда, жилищ, питания и одежды, общественная жизнь — все будет способствовать возможно лучшему предохранению от несчастных случаев, заболевания и хилости. Естественная смерть, постепенное истощение жизненных сил все более и более станет общим правилом. Убеждение в том, что «рай» есть на земле и что со смертью кончается все существование, будет побуждать людей к разумному пользованию жизнью. Наслаждается больше всего тот, кто наслаждается долго. Как раз духовенство, подготовляющее людей к загробному существованию, лучше всего умеет ценить долгую жизнь. Беззаботная жизнь позволяет духовенству достигать самого высокого, в среднем, возраста.

2. ПЕРЕВОРОТ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ

Чтобы жить, нужно прежде всего есть и пить. Сторонники так называемого «естественного образа жизни» нередко спрашивают, почему социал-демократия относится равнодушно к вегетарианству. Конечно, у каждого свой вкус. Вегетарианство, т. е. учение об употреблении исключительно растительной пищи, привилось с самого начала в тех кругах, которые имели возможность выбирать между растительной и животной пищей. У значительного большинства людей такой свободы выбора не существует, они принуждены жить по своим средствам, скудость которых заставляет их в весьма многих случаях ограничиваться почти исключительно растительной пищей, и притом зачастую наименее питательной. Для нашего рабочего населения в Силезии, Саксонии, Тюрингии и т. д. картофель составляет основу питания, даже хлеб занимает второе место. Мясо, даже самого дурного качества, почти вовсе не появляется на столе. Большинство нашего сельского населения, хотя и занимается скотоводством, тоже редко ест мясо; оно вынуждено продавать скот, чтобы на вырученные деньги удовлетворять другие потребности.

Для этих многочисленных невольных вегетарианцев хороший бифштекс, порядочная баранья котлета время

от времени были бы существенным улучшением их питания *. Вегетарианцы правы, поскольку они восстают против *переоценки* питательности мяса; но они неправы, поскольку они, преимущественно в силу крайне сентиментальных соображений, борются против потребления мяса вообще, приписывая ему развращающее и роковое влияние. Так, например, они ссылаются на то, будто естественное чувство запрещает нам убивать животных и питаться «трупом». Между тем, стремление к приятной и спокойной жизни принуждает нас вести войну против значительной части живых существ в лице всякого рода паразитов и уничтожать их, а для того, чтобы не быть самим съеденными, мы должны умерщвлять и искоренять хищных животных. Что же касается домашних животных, этих «добрых друзей человека», их беспрепятственное размножение увеличило бы в течение нескольких десятилетий число этих «добрых друзей» в таком огромном размере, что они «сожрали» бы нас, лишив пищи. Несправедливо также утверждение, будто растительная пища создает мягкость нравов. В кротком, питающемся растительной пищей индусе также проснулся «зверь», когда жестокость англичан привела его к возмущению.

О питательной ценности какого-нибудь пищевого вещества по отношению к белку можно судить не только по содержанию последнего. Нужно еще принимать во вни-

---

* Что дело обстоит действительно так, подтверждают опыты с питанием, о которых сообщили недавно два итальянских исследователя. Был исследован обмен веществ у той части населения, которая с древнейших времен живет исключительно растительной пищей. Такое сельское население, находящееся в плачевном экономическом положении, живет в южной Италии, в Абруццо. Их пища состоит из маисовой муки, овощей и оливкового масла. Они не потребляют ни молока, ни сыра, ни яиц. Мясо появляется на их столе 3—4 раза в год. В виде опыта к их меню было прибавлено мясо, именно: в течение 15 дней каждый получал по 100 граммов мяса, а в течение следующих 15 дней по 200 граммов. Тогда оказалось, что процесс ассимиляции, т. е. всасывание пищи в кишечнике, протекает значительно лучше. Бывшие раньше необычайно большими потери питательных веществ, остававшихся неиспользованными, уменьшились до ничтожной величины. Совершенно усваивался не только вновь введенный животный белок, но и растительная пища использовалась совершеннее, чем прежде. Это тем замечательнее, что эта пища плохо переваривалась из-за маиса, содержащего большое количество целлюлозы. Dr. med. A. Lipschütz, Eine Reform unserer Ernahrung? «Neue Zeit», 27 год, вып. 1, стр. 915.

мание, какая часть принятого в соответственном пищевом веществе белка остается непереваренной. С этой точки зрения, напр., мясо, рис или картофель относятся к белку как 2,5 и 20 и 22, т. е. из 100 *г* принятого в мясе белка 2,5 *г* снова появляются в испражнениях, из 100 же *г* принятого в рисе и картофеле 20 и 22 *г*. Знаменитый русский физиолог Павлов и его школа показали, что при переваривании хлеба появляется гораздо больше фермента, чем при переваривании мяса. Павлов далее доказал, что выделяющиеся из желудочных желез пищеварительные соки состоят в количественном отношении из двух величин; часть желудочного сока выделяется при раздражении слизистой оболочки желудка соответствующим пищевым веществом, другая часть в виде «психического» сока выделяется при раздражении органов чувств (зрения, обоняния) пищей. Количество «психического» сока зависит, во-первых, от состояния нашей психики, от голода, печали, гнева, радости и т. д., а затем от природы соответствующего пищевого вещества.

Однако значение «психического» сока для пищеварения не одинаково при различных пищевых веществах. Некоторые из них, например хлеб, сваренный яичный белок или чистый крахмал, как непосредственно доказано опытом, вообще совершенно не перевариваются, если их переваривание не сопровождается выделением «психического» сока: только при аппетите (или вместе с другими пищевыми веществами) вышеназванные вещества могут быть усвоены. Напротив, мясо, как доказал Павлов, переваривается частью и без «психического» сока, хотя с последним усвоение мяса происходит несравненно скорее (в 5 раз). *«Мы должны поэтому принимать во внимание обстоятельства, связанные с человеческой психикой. Здесь проложен мост между явлениями физиологии питания и социальными отношениями. Современные горожане, а особенно широкие рабочие массы живут в таких социальных отношениях, которые убивают всякий нормальный аппетит. Работа в душной фабрике, постоянная забота о насущном хлебе, недостаток духовного досуга и хорошего настроения, полное физическое истощение — все это является факторами, ослабляющими аппетит.* В таком душевном состоянии мы не можем выделить «психического» сока, который необходим для того, чтобы начать и провести усвоение вегетарианской пищи. В мясе,

напротив, мы имеем такое пищевое вещество, которое,— если можно так выразиться,— само заботится о своем переваривании: оно в значительной части не только переваривается и без аппетита, но при этом является могучим возбудителем нашего аппетита, как раздражающее средство. Оно облегчает усвоение принятых вместе с ним растительных пищевых веществ и этим самым обеспечивает нам наилучшее использование их. В этом, кажется нам, и лежит огромная выгода питания продуктами животного происхождения для современного человека» *.

По нашему мнению, Зондереггер лучше всего решает данный вопрос, когда он говорит: «Не существует никакой табели о рангах по отношению необходимости в разных пищевых продуктах, а есть неизменный закон, касающийся разнообразного состава их питательных элементов». Верно, что одной только мясной пищей нельзя жить, а одной растительной — можно, при условии соответственного выбора. Однако никто не станет довольствоваться определенной категорией растительной пищи, как бы питательна она ни была. Так, бобы, горох, чечевица, вообще стручковые растения — наиболее питательные вещества. Но быть принужденным питаться исключительно ими — будь это возможно — было бы пыткой. Так, Карл Маркс отмечает в первом томе своего «Капитала», что чилийские владельцы рудников принуждают своих рабочих питаться из года в год бобами, ибо последние дают значительную силу и способность носить тяжести, как никакая другая пища. Рабочим опротивело это блюдо, несмотря на всю его питательность, но им не дают ничего другого, и они вынуждены довольствоваться им. Во всяком случае, счастье и благополучие людей не зависят от какого-либо определенного рода пищи, как это утверждают фанатики вегетарианства. Решающую роль играют климат, социальные отношения, привычки, личный вкус **.

Правда, по мере развития культуры растительная пища все более вытесняет почти исключительно мясную пищу, какую мы находим у охотничьих и пастушеских

* A. Lipschütz, a. a. O., S. 914 bis 915.

** Пища крестьянина почти исключительно растительная, с ничтожной прибавкой животных веществ. Мясо в крестьянской пище появляется очень редко. В настоящее время никто не станет отрицать, что и таким способом можно прожить. Даже и исключи-

народов. Богатое разнообразие культурных растений служит признаком более высокой культуры. Далее, на одном и том же пространстве земли можно возделать гораздо более растительных пищевых веществ, чем получить мяса путем скотоводства. Все это дает растительной пище все больший перевес. Ввоз мяса в Европу, благодаря буржуазному хищническому хозяйству, из далеких стран, в особенности из Южной Америки и Австралии, через несколько десятилетий прекратится. Но, с другой стороны, скотоводством занимаются не ради одного только мяса, но и ради шерсти, волос, щетины, кожи, молока, яиц и т. д., и от этого зависят многие отрасли промышленности и многие человеческие потребности. Кроме того, многие отбросы в промышленности и домашнем хозяйстве едва ли можно где-либо использовать так хорошо, как в скотоводстве. Далее, в будущем морские глубины в гораздо большей степени, чем до сих пор, откроют человечеству свои богатства по части животной пищи. Позднее вряд ли еще будет происходить то, что мы видим теперь, когда при богатом улове большое количество рыбы идет на удобрение, потому что ее сохранение невозможно при наличных способах перевозки и консервирования, или потому, что высокие перевозные цены мешают ее сбыту. Весьма вероятно, что с упразднением противоположности между городом и деревней, когда население из городов переселится в деревню, когда труд в закрытых фабричных помещениях соединится с трудом сельскохозяйственным, мясная пища по сравнению с растительной снова отойдет на второй

тельно растительное меню совершенно совместимо с полным благополучием, если при надлежащем выборе питательных веществ они готовятся по вкусу и соответствующим образом разнообразятся. Однако во всех континентах ясно выражается другое требование — требование, чтобы простое народное питание было оставлено и чтобы оно было улучшено придающими вкус прибавлениями и пищевыми веществами. Это относится и к мясу, используемому кухней в сотнях блюд. Это стремление к изменению меню видно повсюду, и как исчезают простые нравы, привычки, народные костюмы, так отступают старые формы питания. Это изменение действует во всех странах, и в Японии, где раньше господствовал своеобразный народный стол, европейский стол вытесняет старый режим, а во флоте введен даже новый рацион, как более концентрированный и более приспособленный для работающего мужчины. Это всеобщее стремление — добиться концентрированного, богатого жирами, вкусного стола. M. Rubner, Volksernährungsfragen, стр. 31—32. Лейпциг 1903.

план. Разумеется, недостаток возбуждающих средств в растительной пище можно возместить путем соответствующего разумного приготовления и добавления пряностей. Чисто вегетарианский образ жизни, однако, не является в будущем обществе ни вероятностью, ни необходимостью.

3. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ КУХНЯ

В деле питания наиболее важно не количество, а *качество:* многое немного поможет, если это многое дурного качества. Качество же значительно улучшается при хорошем приготовлении пищи. *Приготовление пищи должно быть устроено на тех же научных основаниях, как и всякая другая деятельность человека,*— только тогда оно принесет наибольшую пользу. *Для этого необходимо знание и организация.* Излишне доказывать, что наши женщины, на обязанности которых теперь, главным образом, лежит приготовление пищи, *не обладают* в большинстве случаев таким знанием и не могут им обладать.

Техника, используемая крупными кухнями, уже в настоящее время достигла совершенства, которого не знает даже оборудованная самым лучшим образом семейная кухня. Кухня, отапливаемая и освещаемая электричеством, отвечает идеалу. Нет более дыма, жары, испарений, кухня больше похожа на салон, чем на рабочее помещение. Кухня имеет всевозможные приспособления, которые легко выполняют самые напряженные и отнимающие много времени работы. Там имеются движимые электричеством машины для чистки картофеля и фруктов, для вылущения зерна, для набивки колбасы, для прессования сала, рубки мяса, жарения его, размолки кофе и кореньев, разрезывания хлеба, рубки яиц, вытягивания и прессования пробок, и тысячи других машин и аппаратов, при которых может работать относительно небольшое число лиц с умеренным напряжением сил, чтобы приготовить пищу для сотен обедающих. То же самое можно сказать о приборах для мытья и чистки посуды.

Частная кухня является для миллионов женщин учреждением, напрягающим все их силы, отнимающим и растрачивающим их время, убивающим их здоровье и настроение и являющимся источником забот для тех,— а их большинство,— которые стеснены в средствах. Упразднение частной кухни будет освобождением для бес-

численного количества женщин. Частная кухня является таким же отсталым пережитком, как мастерская мелкого ремесленника; оба обозначают огромную бесхозяйственность, растрату времени, силы, топлива и освещения, пищевых веществ и т. д.

Питательная ценность пищи повышается с ее удобоваримостью; последняя имеет решающее значение *. Таким образом, естественный способ питания для всех возможен также только в новом обществе. Катон восхваляет старый Рим за то, что вплоть до VI столетия от основания города (200 лет до р. Хр.), хотя и были в нем знатоки врачебной науки, но им нечего было там делать. Люди вели такую трезвую и простую жизнь, что они редко болели, и смерть от дряхлости была наиболее обычной формой смерти. Все это коренным образом изменилось лишь с той поры, как стали распространяться кутежи и праздность, вообще беспутная жизнь одних, нужда, чрезмерный труд других. Кутежи и беспутная жизнь не могут иметь места в будущем, как и нужда, нищета и лишения. Для всех имеется всего в изобилии.

Говорил ведь уже Генрих Гейне в своей «Wintermärchen» («Зимняя сказка»):

Es wächst hienieden Brot genug
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,
Und Zuckererbsen nicht minder.
Ja, Zuckererbsen für jedermann,
Sobald die Schoten platzen!
Den Himmel überlassen wir
Den Engeln und den Spatzen.

Достаточно хлеба растет здесь внизу.
Всем хватит по милости бога,
И миртов, и роз, красоты и утех,
И сладких горошинок много.
Да, сладкий горошек, чуть лопнут стручки,
Для всякого в свете найдется,
А горнее царство пускай воробьям
И духам его достается.
(Перев. П. Вейнберга.)

«Кто мало ест, хорошо (т. е. долго) живет»,— сказал итальянец Корнаро в XVI столетии. В конце концов, в будущем над изготовлением новых и улучшенных пищевых

---

* Ассимиляция пищи имеет для каждого решающее значение. *Нимейер,* «Учение о здоровье».

продуктов станет работать в небывалой до сих пор мере и химия. Ныне этой наукой крайне злоупотребляют в целях подделки и надувательства; но не подлежит сомнению, что химически изготовленный пищевой продукт, имеющий все свойства естественного продукта, столь же полезен, как и этот. Способ добывания безразличен, раз только продукт во всем остальном отвечает всем требованиям.

4. ПЕРЕВОРОТ В ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

Как кухня, так и весь строй домашней жизни подвергнется коренному изменению, станут излишними бесчисленные работы, которые теперь приходится еще делать. Подобно тому, как в будущем, благодаря центральным заведениям для изготовления пищи, станет совершенно излишней домашняя кухня, так и, благодаря центральному отоплению, электрическому центральному освещению, отпадут все работы, связанные с отоплением печей, уборкой ламп и других служащих освещению аппаратов. Водопроводные трубы, дающие не только холодную, но и теплую воду, сделают общедоступными умывание и купание по желанию без всякой чужой помощи. Центральные прачечные и центральные сушильни возьмут на себя стирку и сушку белья, центральные же заведения возьмут на себя чистку платья и ковров. В Чикаго были выставлены ковроочистительные машины, исполнявшие свою работу в самое короткое время, к изумлению и удивлению посещавших выставку дам. Электрическая дверь открывается слабым давлением пальца и автоматически запирается. Особые электрические приспособления доставляют письма и газеты во все этажи домов; электрические подъемные машины избавляют от подъема по лестницам. Внутренняя обстановка домов, полы, обои, мебель будут так устроены, чтобы все можно было чистить очень легко, не накопляя пыли и бактерий. Пыль, сор и отбросы всякого рода будут удаляться из жилищ через соответствующие трубы, подобно тому, как это ныне делается с помойной водой. В Соединенных Штатах, в некоторых европейских городах, как, напр., в Цюрихе, Берлине и его предместьях, Лондоне, Вене, Мюнхене уже имеются такие со всей роскошью устроенные дома, в которых живут многочисленные зажиточные семьи, ибо для

других они слишком дороги, и пользуются значительной частью описанных удобств *.

Мы видим, таким образом, лишний раз, как буржуазное общество подготовляет почву также и для переворота домашнего строя жизни, но только для избранных. Раз домашняя жизнь будет коренным образом преобразована в начерченном направлении, то исчезнет слуга, этот «раб всех капризов своей барыни». Исчезнет также и барыня. «Без прислуги нет культуры», ужасается господин фон Трейчке с комическим пафосом. Он не в состоянии представить себе общество без прислуги, как Аристотель не мог его представить себе без *рабов.* Удивительно, что господин фон Трейчке считает прислугу «носительницей нашей культуры». Трейчке, как и Евгению Рихтеру, причиняет, далее, много забот чистка сапог и платья, которая-де никак не может быть сделана каждым для себя. Однако в девяти случаях из десяти каждый теперь исполняет эту работу сам для себя, или жена для мужа, дочь или сын для семьи, и можно было бы ответить, что то, что до сих пор делали девять десятых людей, может делать и последняя одна десятая. Но есть еще и другой выход.

---

* Из появившихся в 1908 г. в Вильмерсдорфе 2521 жилища имели:

Центральное отопление	1001 или	39,71	процента
Приспособления с горячей водой	1373 »	54,46	»
Электрический свет	1288 »	51,09	»
Ванную комнату	2063 »	81,83	»
Лифт	699 »	27,73	»
Аппарат для всасывания пыли . .	304 »	12,06	»
Газ имелся во всех квартирах .			

В Берлине и его окрестностях уже имеются многие большие кухонные дома, где приготовляется кушанье для всех обитателей главного дома. Так буржуазное общество во всех областях уже носит в себе зародыши социалистического преобразования общества. «Город — сад будущего — будет иметь рядом с общественным зданием, заключающим в себе центральные станции — электрическую, газовую и по отоплению, школы, помещение для собраний, а также центральную кухню для всей общины. Нет ничего невозможного в том, что тогда ходы, по которым проходят электрический кабель и отопительные трубы, будут расширены на подобие четырехугольных шахт, по которым пища на автоматических маленьких вагонах будет подаваться по телефонному звонку прямо на квартиру подобно подземной электрической почте между главными учреждениями в больших городах. Это менее трудно и гораздо более достижимо, чем еще недавно казавшееся утопическим разрешение проблемы летания». E. Lilienthal, Reform der Hausarbeit. Dokumente des Fortschritts, Heft 9, 1909.

Почему бы в будущем обществе не привлечь к таким и подобным необходимым работам *молодежь* без различия пола? Труд не бесчестие, даже если он состоит в чистке сапог.— Это познал некий архиблагородный офицер, который из-за долгов уехал в Соединенные Штаты и работал там домашним слугой или чистильщиком сапог. Евгений Рихтер в одной из своих брошюр даже низвергает «социалистического государственного канцлера» из-за вопроса о чистке сапог, после чего «социалистическое государство будущего» распадается само. «Социалистический канцлер», видите ли, отказывается чистить сам себе сапоги, и в этом его беда. Буржуазия была в восторге от этой выдумки Рихтера и засвидетельствовала этим лишь о скромности требований, предъявляемых ею к критике социализма. Евгению Рихтеру же пришлось дожить до огорчения, что не только один из его собственных партийных товарищей в Нюрнберге вскоре по появлении брошюры изобрел *машину для чистки сапог,* но и что в 1893 году на Чикагской всемирной выставке была выставлена *электрическая машина для чистки сапог,* которая исполняла свое дело превосходнейшим образом. Так, главное возражение, которое Рихтер и Трейчке выставили против социалистического общества, было разбито самой практикой, благодаря изобретению, сделанному даже еще в буржуазном обществе.

Революционное преобразование, коренным образом изменяющее весь строй жизненных отношений людей и в особенности положение женщины, происходит, таким образом, уже у нас на глазах, и лишь вопрос времени, когда общество возьмется за это преобразование в самых широких размерах и совершающийся революционный процесс еще более ускорит, обобщит *и тем самым привлечет всех без исключения к пользованию его бесчисленными благами.*

VIII
ЖЕНЩИНА В БУДУЩЕМ

Эта глава может быть очень короткой. Она содержит лишь выводы, которые вытекают из всего, до сих пор сказанного о положении женщины в будущем обществе, выводы, которые легко может сделать сам читатель.

Женщина в новом обществе социально и экономически совершенно независима, она не знает над собой даже тени господства и эксплуатации, она стоит по отношению к мужчине, как свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается так же как мужчина, за исключением некоторых отклонений, которые обусловливаются различием пола и ее половыми функциями. Живя при естественных жизненных условиях, она может развивать свои физические и духовные силы и способности, согласно своим потребностям; она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют ее желаниям, склонностям и задаткам, и работает при одинаковых с мужчиной условиях. Часть дня работница находится в какой-нибудь практической области, другую часть она проводит, как воспитательница, учительница, сиделка, в течение третьей части она занимается искусством или наукой и, наконец, в течение остального времени она выполняет какую-нибудь административную функцию. Она занимается науками, работает, пользуется удовольствиями и развлечениями в обществе других женщин или мужчин, как это ей нравится и когда для этого ей представляется случай.

В выборе любимого человека она, подобно мужчине, свободна и независима. Она выбирает или ее выбирают, заключает союз не из каких других соображений, кроме своей склонности. Этот союз является частным договором без вмешательства должностного лица, подобно тому как до средних веков брак был частным договором. Социализм здесь не создает ничего нового, он лишь снова подымает на высшую культурную ступень и при новых общественных формах то, *что было общепризнано, пока в обществе не наступило господство частной собственности.*

Человек при условии, что удовлетворение его потребностей не приносит никому другому никакого вреда, должен сам распоряжаться собою. *Удовлетворение половой потребности — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности.* Никто не должен отдавать в этом отчет другому, и не призванный не должен сюда вмешиваться. Как я ем, как я пью, как я сплю и как я одеваюсь — мое личное дело, точно так же, как мое общение с лицом другого пола. Разум и образование, полная независимость личности, все свойства, которые вследствие воспитания и условий будут естественны в будущем обществе, охранят каждого от поступков, приносящих ему вред. Мужчины и женщины будущего общества будут обладать в гораздо большей степени самовоспитанием и знанием собственного существа, чем мужчины и женщины общества современного. Уже один тот факт, что исчезнет глупый и смешной страх говорить о вещах, относящихся к половой жизни, как о чем-то таинственном, сделает общение полов гораздо естественнее, чем теперь. Если союз, заключенный между двумя людьми, становится невыносимым, приносит разочарование и даже отвращение друг к другу, то мораль требует прекратить подобное соединение, ставшее неестественным, а потому и безнравственным. И так как исчезнут все условия, которые до сих пор осуждали большое число женщин или к безбрачию, или к продаже своего тела, то мужчины не могут более проявлять своего преобладания. С другой стороны, совершенно изменившееся общественное состояние устранит многие препятствия и помехи, которые ныне влияют на супружескую жизнь и которые так часто делают ее или совершенно невозможной, или не дают ей развернуться.

Препятствия, противоречия и противоестественность в современном положении женщины все более сознаются широкими кругами и находят себе живое выражение как в социальной, так и в беллетристической литературе, часто в неудачной форме. Что современный брак все менее соответствует своему назначению, не отрицает более ни один мыслящий человек, и потому нечего удивляться, что даже те лица, которые не могут быть достаточно последовательными, чтобы стремиться к изменению нашего современного общественного строя, находят все же естественным свободный выбор любви и свободное расторжение возникшего союза: они полагают, что только привилегированным классам следует дать свободу в половом общении. Вот что, например, говорит *Матильда Рейхгарт-Штромберг* в своей полемике против эмансипаторских стремлений писательницы *Фанни Левальд**: «Если вы (Фанни Левальд) выставляете требование полного равноправия женщины с мужчиной в социальной и политической жизни, то и *Жорж Занд* также права в своих стремлениях к эмансипации, которая не требует больше того, чем мужчина уже давно бесспорно владеет. *И, право, нельзя найти никакого разумного основания, почему в этой равноправности может принять участие только голова, но не сердце женщины, почему и оно не должно свободно давать и брать, как сердце мужчины.* Напротив, если женщина должна по своей природе иметь право и даже быть обязанной — ибо мы не должны закапывать данный нам талант — напрягать до крайних пределов волокна мозга для соперничества с духовными титанами другого пола, то она также должна иметь право, подобно этим последним, *ускорят кровообращение сердца для сохранения равновесия способом, какой ей кажется наиболее подходящим.* Без малейшего нравственного возмущения все мы читаем, например, о *Гёте,* чтобы взять для примера величайшего,— как часто и многократно он расточал жар своего сердца и энтузиазм своей великой души то для той, то для другой женщины. Вдумчивый человек находит это только естественным ввиду его великой трудноудовлетворяемой души, и только ограниченный моралист относится к этому с осуждением.

* Frauenrecht und Frauenpflicht. Eine Antwort auf Fanny Lewalds Briefe: Für und wider die Frauen. 2. Auflage. Bonn 1871.

Почему же вы смеетесь над «великими душами» среди женщин! Предположите, что весь женский пол состоит из жорж-зандовских великих душ; каждая женщина пусть будет Лукрецией Флориани, дети которой — все дети любви, и всех этих детей она воспитывает как с истинно материнской любовью и самоотверженностью, так и с пониманием и рассудком. Что произошло бы тогда с миром? *Не подлежит никакому сомнению, что мир мог бы при этом продолжать существовать и так же прогрессировать, как ныне, и, быть может, он чувствовал бы себя при этом особенно хорошо*».

Но почему такие требования могут выставлять только «великие души» и не могут другие, не являющиеся «великими душами»? Если Гёте и Жорж Занд,— возьмем только этих двух из многих, которые поступали и поступают согласно им,— могли жить согласно склонностям своего сердца, если о любовных делах Гёте опубликовывают целые библиотеки, которые с каким-то благочестивым восторгом проглатываются его почитателями и почитательницами, почему тогда осуждать в других то, что, будучи сделано Гёте или Жорж Занд, становится предметом экстаза и восторга?

Правда, осуществить свободный выбор любви в буржуазном обществе невозможно,— к этому ведет наше доказательство,— но поставьте всех в такие социальные условия, которые ныне выпадают на долю лишь материально и духовно избранных, и все тогда получат возможность равной свободы. В «Жаке» Жорж Занд описывает мужа, который судит о нарушении супружеской верности своей жены следующим образом: «Ни одно человеческое существо не может справиться с любовью, и никто не виноват, если оно ее чувствует или ее лишается. То, что принижает женщину, это — ложь, брак нарушается не в тот час, когда она отдается своему возлюбленному, *но в ту ночь, которую она затем проводит со своим мужем*». Жак чувствует себя обязанным, ввиду такого воззрения, очистить место своему сопернику (Борелю) и философствует при этом так: «Борель на моем месте спокойно избил бы свою жену и без краски стыда принял бы ее потом в свои объятия, опозоренную его ударами и его поцелуями. Существуют мужчины, которые, не долго думая, по восточному обычаю, убивают свою неверную жену, так как они смотрят на нее, как на

свою законную собственность. Другие дерутся со своим соперником, убивают или удаляют его и затем просят у жены, которую они, по их утверждению, любят, поцелуев и ласк, между тем как она или с ужасом отшатывается, или в отчаянии сдается. Это — обычный способ действий супружеской любви, и мне представляется, что любовь свиней менее низменна и менее груба, чем любовь подобных людей» *. Брандес по поводу цитированных здесь выражений замечает следующее: «Эти истины, которые нашему современному образованному миру кажутся элементарными, 50 лет тому назад были возмутительными софизмами». Но открыто признать себя сторонником принципов Жорж Занд не осмеливается и поныне «имущий и образованный мир», хотя фактически он живет согласно с ними. Как лицемерит он в морали и религии, так лицемерит он и в браке.

То, что делали Гёте и Жорж Занд, делают ныне тысячи других, которых нельзя сравнить ни с Гёте, ни с Занд, и при этом они отнюдь не теряют своего престижа в обществе. Нужно только занимать видное место, и тогда все образуется само собой. Несмотря на это, вольности Гёте и Жорж Занд считаются с точки зрения буржуазной морали безнравственными, так как они нарушают моральные законы, издаваемые обществом, и стоят в противоречии с природою нашего социального состояния. Принудительный брак является для буржуазного общества браком нормальным, единственным «моральным» соединением полов, всякое другое половое соединение — безнравственно. Буржуазный брак, как мы бесспорно доказали, вытекает из буржуазных имущественных отношений. Находясь в теснейшей связи с частной собственностью и наследственным правом, он заключается для получения «законных детей», как наследников. И под давлением общественных условий он навязывается и тем, которым «нечего наследовать», он становится общественным правом, нарушение которого государство наказывает, сажая на некоторое время в тюрьму мужчин и женщин, которые живут, нарушая супружескую верность **.

---

* George Brandes, Die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. 5. Band. Leipzig 1883.

** Д-р *Шефле* в своем сочинении «Строение и жизнь социального тела», говорит так: «Ослабление супружеской связи облегче-

В социалистическом обществе нечего более наследовать, если не рассматривать как предмет наследования вещи личного и домашнего обихода; с этой точки зрения отпадает современная форма брака. С этим вместе покончен вопрос о праве наследования, которого, таким образом, социализму не нужно и устранять; если нет больше частной собственности, то нет и права наследования.

Женщина, таким образом, *свободна*, и ее дети не урезывают ей этой свободы, они могут ей только увеличить радость жизни. Воспитательницы, подруги, подрастающая женская молодежь помогают ей в тех случаях, когда она нуждается в помощи.

Возможно, что и в будущем найдутся мужчины, которые подобно *А. Гумбольдту* скажут: «Я не создан, чтобы быть отцом семейства, кроме того, я считаю женитьбу грехом, производство детей — преступлением». Что ж из этого? Сила естественной потребности у других позаботится о равновесии. Нас не беспокоит ни вражда к браку Гумбольдта, ни философский пессимизм Шопенгауера, Майнлендера или фон Гартмана, которые предполагали, что человечество «в идеальном государстве» придет к самоуничтожению. Мы придерживаемся того же взгляда, как и Ф. Р. Ратцель, который совершенно справедливо пишет: *«Человек не должен более смотреть на себя, как на исключение из законов природы; пусть он начнет, наконец, отыскивать закономерное в своих собственных поступках и мыслях, и пусть он стремится вести свою жизнь согласно законам природы. Он дойдет тогда до того, что совместную жизнь с себе подобными, т. е. семью и государство, станет устраивать не по положениям прежних столетий, но по разумным принципам согласно с природою познания. Политика, мораль, правовые принципы, которые все еще питаются из всевозможных источников, будут формироваться исключительно*

нием развода, конечно, нежелательно, оно идет против нравственных задач человеческого спариванья и было бы вредным как для сохранения населения, так и для воспитания детей». Из вышеизложенного следует, что мы такие взгляды считаем не только неверными, но готовы признать их даже «безнравственными». Тот же Шефле признает, что невозможно в обществе, с гораздо высшей культурой, чем современное, ввести или удержать учреждения, *противоречащие его нравственным понятиям.*

согласно законам природы. Достойное человека существование, о котором мечтали целые тысячелетия, станет, наконец, истиной» *.

Это время приближается *гигантскими шагами.* Человеческое общество в течение тысячелетий прошло все фазы развития, чтобы, в конце концов, прийти туда, откуда оно вышло, к коммунистической собственности и полному равенству и братству, но уже не только товарищей по роду, *но всех людей.* Таков совершаемый им великий прогресс. То, к чему тщетно стремилось буржуазное общество и обо что оно разбивается и должно разбиваться, установление свободы, равенства и братства всех людей,— осуществит социализм. Буржуазное общество могло выставить только теорию; практика, как во многих других вещах, и здесь противоречила его теориям. Социализм объединит теорию с практикой.

Но, возвращаясь к исходному пункту своего развития, человечество делает это на неизмеримо высшей культурной ступени, чем та, из которой оно исходило. Первоначальное общество в роде и в клане обладало общей собственностью, но только в самой грубой форме и на низшей ступени. Путь развития, который был пройден с тех пор, уничтожил общую собственность до небольших, незначительных остатков, разбил роды и, в конце концов, разделил на атомы все общество, но в своих различных фазах он мощно повысил производительные силы общества и многосторонность потребностей, из родов и племен создал нации и крупные государства, но вместе с тем породил состояние, которое пришло в самое резкое противоречие с потребностями общества. Задача будущего состоит в том, чтобы разрешить это противоречие, снова превратив на самой широкой основе собственность и средства труда в общую собственность.

Общество берет назад то, чем оно когда-то владело и что само создало, оно делает возможным для всех, соответственно новосозданным жизненным условиям, вести жизнь на *высшей* культурной ступени, *т. е. оно дает всем то, что при более примитивных условиях могло быть лишь привилегией отдельных лиц или отдельных классов.* Теперь и *женщина снова* начинает играть *активную* роль,

---

* Цитировано у Геккеля в «Естественной истории творения».

которую она когда-то играла в первобытном обществе, но уже не как госпожа, а как равноправная.

«Конец государственного развития подобен началу человеческого бытия. Первоначальное равенство снова возвращается. Бытие, основанное на материнстве, открывает и заключает круговорот человеческих вещей»,— пишет Бахофен в своем сочинении «Материнское право», а Морган выражается так: «С наступлением цивилизации рост богатства сделался столь огромным, его формы столь разнообразными, его применение столь обширным и *его управление столь искусным в интересах собственников, что по отношению к народу это богатство превратилось в силу, с которой не справиться.* Человеческий дух стоит беспомощно и испуганно перед своим собственным творением. Но придет время, когда человеческий разум укрепится для господства над богатством, когда он установит как отношения государства к защищаемой им собственности, так и границу прав собственников. *Интересы общества стоят абсолютно впереди интересов отдельных лиц, те и другие должны быть приведены в справедливое и гармоничное соотношение;* простая погоня за богатством не является конечным назначением человечества, но прогресс остается законом для будущего, как он был законом для прошлого. Время, протекшее с начала цивилизации, представляет лишь небольшую частицу протекшего времени жизни человечества и лишь небольшую частицу времени, которое предстоит прожить. *Разложение общества угрожающе стоит перед нами, как конец исторического пути, единственной целью которого было богатство; ибо подобный жизненный путь содержит элементы своего собственного разложения.*

«Демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах, всеобщее воспитание освятят ближайшую высшую ступень общества, для которой постоянно работают опыт, разум и наука.

Она будет возрождением, но в высшей форме,— свободы, равенства и братства старого рода» *.

Таким образом, люди с самыми различными взглядами на основании своих научных исследований приходят к одинаковым результатам. Полная эмансипация женщины и ее равенство с мужчиной являются одной из

---

* Morgan, a. a. O., S. 474 bis 475.

целей нашего культурного развития, осуществлению которой не может воспрепятствовать никакая сила на земле. Но она возможна лишь на основе переворота, который уничтожает господство человека над человеком, таким образом, и капиталиста над рабочим — только тогда человечество достигнет своего высшего развития. Тогда, наконец, придет «золотой век», о котором люди мечтали целые тысячелетия. *Классовое господство кончилось навсегда, а вместе с ним пришел конец и господству мужчины над женщиной.*

IX

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Достойное человека существование для всех людей не может быть уделом какого-нибудь одного привилегированного народа, так как, будучи изолирован от всех других народов, он не мог бы ни основать, ни удержать этого состояния. Все наше развитие — продукт взаимодействия национальных и международных сил и отношений. Хотя национальная идея во многих случаях еще господствует над умами и служит средством сохранения политического и социального господства, которое возможно лишь в национальных рамках, тем не менее мы уже глубоко ушли в интернационализм.

Торговые, таможенные, судоходные договоры, всемирный почтовый союз, международные выставки, конгрессы международного права и международных измерений, также и другие международные научные конгрессы и союзы, международные научные экспедиции, наша торговля и транспорт, в особенности международные конгрессы рабочих, которые являются носителями нового времени и моральным влиянием которых объясняется, что весной 1890 года по приглашению Германской империи состоялась в Берлине первая международная конференция по законодательству об охране рабочих,— все это свидетельствует о международном характере, который приняли отношения различных культурных наций, несмотря на их национальную обособленность, все более и более нарушаемую. В противоположность национальному хозяйству мы говорим о *хозяйстве миро-*

вом и придаем последнему большое значение, так как от него, главным образом, зависит благополучие и процветание отдельных наций. Значительная часть наших собственных продуктов обменивается на продукты чужих стран, без которых мы не можем более существовать. И точно так же как застой в одной отрасли промышленности вредит другой, так и национальное производство в одной стране очень значительно нарушается, если в другой наступает застой. Отношения между отдельными странами, независимо от всех преходящих помех, каковыми являются войны и национальное натравливание друг на друга, становятся все теснее, так как над ними господствуют самые сильные из всех интересов, интересы материальные. Эти отношения укрепляет всякий новый путь, всякое улучшение средств передвижения, всякое изобретение или улучшение в процессе производства, удешевляющее товары. Легкость, с которой устанавливаются личные отношения между странами и народами, находящимися далеко друг от друга, является новым существенным фактором в цепи соединений. Другим могучим рычагом служат переселения и колонизация. Один народ учится у другого, один старается перегнать другого. Наряду с обменом материальных продуктов различного рода совершается и обмен произведений человеческого духа как в оригиналах, так и в переводах. Изучение иностранных живых языков становится необходимостью для целых миллионов. И ничто наряду с материальными выгодами так сильно не способствует устранению антипатий и пробуждению симпатий, как проникновение в язык и духовные произведения чужого народа.

Влиянием этого процесса сближения, совершающегося на международной лестнице, объясняется то, что *различные страны выглядят все более похожими в их социальном состоянии.* У самых прогрессивных и *потому имеющих решающее значение* культурных стран это сходство уже так велико, что тот, кто изучил экономическую структуру одного народа, знает ее в главных чертах у всех остальных народов. Здесь приблизительно то же самое, что в природе: скелет по своей организации и строению один и тот же у животных одного и того же вида, и если имеются части скелета, то теоретически можно конструировать все животное.

Отсюда следует далее, что там, где имеются одинаковые социальные основы, и действия их должны быть одинаковыми: накопление большого богатства и его противоположность — рабство наемного труда, порабощение масс машинами, господство над массами имущего меньшинства со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Действительно, мы видим, что те же классовые противоположности и классовая борьба, которая бушует в Германии, приводят в движение всю Европу, Соединенные Штаты, Австралию и т. д. В Европе от России до Португалии, от Балкан, Венгрии и Италии до Англии и Ирландии господствует тот же дух недовольства, замечаются те же симптомы социального брожения, всеобщей неуверенности и разложения. Эти движения, с внешней стороны различные в зависимости от степени развития, характера населения и форм его политического состояния, повсюду одинаковы по существу. Причина их лежит в глубоких социальных противоречиях. С каждым годом они все более обостряются, брожение и недовольство проникает все глубже и дальше в общественный организм, пока, наконец, какой-нибудь повод, быть может самый незначительный, не вызовет взрыва, и он молниеносно не разразится над всем культурным миром и не вызовет все духовные силы на бой за или против.

Возгорелся бой нового мира против старого. На сцену выступают массы, борьба ведется с участием такой массы интеллигенции, какой мир не видел еще ни в одном бою и чего он никогда не увидит во второй раз в подобном столкновении. *Ибо это — последний социальный бой.* Стоя в начале XX столетия, мы видим, как этот бой все более приближается к своей последней фазе, когда победят новые идеи.

Новое общество будет воздвигнуто тогда на международной основе. Народы заключат между собой братский союз: они протянут друг другу руки и будут стремиться к тому, чтобы новое состояние постепенно распространилось на все народы земли *. Один народ будет

* «Национальный интерес и интерес человечества в настоящее время враждебны друг другу. На высшей ступени цивилизации оба интереса когда-нибудь совпадут и составят единое целое».— *Фон Тюнен*, «Изолированное государство».

приближаться к другому не как враг, чтобы эксплуатировать и угнетать, не как представитель чужой веры, которую он хочет ему навязать, но как друг, который желает воспитать всех людей, чтобы сделать их людьми культурными. Культурные и колонизационные работы нового общества по своей сущности и по своим средствам будут так же отличаться от современных, как совершенно различны по своей сущности оба общества. Не будут применять ни пороха, ни свинца, ни огненной воды (водки), ни библии. Культурная миссия будет предприниматься только с мирными целями, которые покажут цивилизаторов варварам и диким не как врагов, но как *благодетелей.* Разумные путешественники и исследователи давно знают, как успешен подобный путь.

Когда культурные народы соединятся в одну великую федерацию, тогда придет время «смолкнуть навсегда грозе военной непогоды». Вечный мир не будет тогда более несбыточной мечтой, как это хотят заставить думать мир господа в мундирах. Это время пришло, коль скоро народы осознали свои истинные интересы. Этим интересам служат не битвы и споры, не вооружения, разоряющие страны и народы, но мирные соглашения и совместная культурная работа. Кроме того, господствующие классы и их правительства заботятся о том, как это было указано выше, чтобы военные вооружения и войны нашли конец в своей собственной чудовищности. Таким образом, последнее оружие, подобное столь многим предыдущим, переселяется в музей древности, чтобы показать будущим поколениям, как поколения предыдущие в течение тысячелетий часто растерзывали друг друга, как дикие звери, пока, наконец, человек не победил в себе зверя.

Что войны вызываются лишь национальными особенностями и противоположностями интересов, которые повсеместно искусственно питают господствующие классы, чтобы в большой войне иметь отводной канал для опасных стремлений внутри страны, подтверждают слова покойного фельдмаршала *Мольтке.* В I томе его посмертных сочинений, который трактует о франко-прусской войне 1870—1871 гг., мы находим во введении такое замечание.

«Пока нации ведут обособленное существование, не прекратятся споры, которые можно разрешить только

оружием. В интересах человечества следует надеяться, что войны сделаются реже, как они сделались ужаснее».

Но эта национальная обособленность, т. е. враждебное отмежевание одной нации от другой, исчезает все более, несмотря на все противоположные старания удержать его; таким образом, будущие поколения без усилий осуществят задачи, о которых давно уже думали гениальные умы и делали попытки к их разрешению, не сумев достигнуть цели. Так, Кондорсе вызвал к жизни идею всеобщего мирового языка. И покойный бывший президент Соединенных Штатов Уллис Грант в одной из своих речей сказал: «Так как торговля, обучение и быстрая передача мысли и вещей посредством телеграфа и пара все изменили, то я полагаю, что бог подготовляет мир стать *одной* нацией, говорить на *одном* языке и достигнуть состояния такого совершенства, *когда не нужны более ни войска, ни военные флоты».* Естественно, что у чистокровного янки милосердный бог, который является просто продуктом исторического развития, непременно должен играть примирительную роль. Этому нечего удивляться: лицемерие и узость в религиозных вопросах нигде не проявляются так сильно, как в Соединенных Штатах. Чем меньше государственная власть при посредстве своей организации руководит массами, тем больше это должна делать религия, церковь,— поэтому кажется, буржуазия повсюду всего благочестивее там, где государственная власть всего слабее, наряду с Соединенными Штатами — в Англии, Бельгии и Швейцарии. Революционер Робеспьер, который головами аристократов и священников играл, как кегельными шарами, был, как известно, очень религиозен, почему и приказал торжественно снова ввести высшее существо, которое незадолго перед тем — что так же нелепо — Конвент объявил отмененным. И так как перед французской революцией легкомысленные и распутные аристократы Франции нередко кичились своим атеизмом, Робеспьер видел в нем нечто аристократическое и обличил его перед Конвентом в своей речи о высшем существе, сказав: *«Атеизм — аристократичен.* Идея высшего существа, которое охраняет угнетенную невинность и наказывает торжествующее преступление, вполне народна. *Если бы не было бога, следовало бы его выдумать».* Добродетельный Робеспьер предвидел, что его добродетельная буржуазная респуб-

лика не в состоянии примирить социальные противоположности, *отсюда* вера в высшее существо, которое посылает возмездие и примиряет то, что в его время не могли еще примирить люди, вот почему эта вера была для первой республики необходимостью.

Это время проходит, один культурный прогресс будет вызывать другой, человечество будет ставить себе все новые задачи и достигнет такого культурного развития, которое не знает более ни национальной ненависти, ни войн, ни религиозной вражды, ни других подобных пережитков прошлого.

X

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМ

1. СТРАХ ПЕРЕД ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕМ

Существуют люди, которые видят в *вопросе о населении* самый важный и жгучий из всех вопросов, так как грозит «перенаселение» и даже будто бы уже фактически существует. Этот вопрос нужно рассмотреть специально с международной точки зрения, так как народное питание и народное распределение становятся все более делом международным. О вопросе населения со времени Мальтуса спорили очень много. В своем знаменитом и пресловутом сочинении («Опыт о законе народонаселения»), которое Карл Маркс называет «ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат из Дефо, сэра Джемса Стюарта, Таунсенда, Франклина, Уоллеса и т. д.» и которое «не содержит ни одного самостоятельно придуманного положения», Мальтус высказывает взгляд, что человечество имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д.), между тем как средства существования могут увеличиваться лишь в арифметической (1, 2, 3, 4, 5 и т. д.). Отсюда необходимо следует, что между числом людей и запасом пищи быстро возникает несоответствие, которое должно вести к массовой нужде и в конце к массовой смерти. Необходимо поэтому в произведении детей налагать на себя «воздержание». У кого нет достаточно средств для прокормления семьи, тот не должен вступать в брак, так как для его потомства нет места за «столом природы».

Страх перенаселения существует уже давно, он был уже, как показывает и предлагаемое сочинение, у греков

и римлян и снова появился в конце средних веков. Он тяготел над Платоном и Аристотелем, над римлянами, над мелким горожанином средних веков, он тяготел и над Вольтером, который в первой четверти XVIII столетия написал по этому поводу статью. За ним последовали другие писатели, пока, наконец, Мальтус не выразил этих опасений наиболее определенно.

Страх перенаселения постоянно появляется в такие периоды, когда существующее общественное состояние начинает разлагаться. Возникающее в это время всеобщее недовольство стараются приписать прежде всего излишку в людях и недостатку средств существования, а не тому, как они добываются и распределяются.

Всякая эксплуатация человека человеком опирается на классовое господство, но самым первым и самым удобным средством классового господства является захват земли. Из общего владения она переходит постепенно во владение частное. Масса становится неимущей и принуждена добывать свою часть жизненных средств на службе у имущих. При таких обстоятельствах каждое прибавление семьи или новый конкурент чувствуется, как тяжесть. Появляется признак перенаселения, который распространяет ужас в той же мере, в какой владение землей все более монополизируется и в какой она теряет свою производительность потому ли, что недостаточно обрабатывается, потому ли, что лучшие ее части превращаются в пастбища для овец или служат как охотничьи участки для удовольствия своих господ и, таким образом, не обрабатываются более для средств человеческого питания. Рим и Италия всего более страдали от недостатка пищевых средств, когда земля находилась в руках приблизительно 3000 владельцев латифундий. Отсюда крик ужаса: латифундии губят Рим. Земля Италии была превращена в огромные охотничьи или увеселительные парки своих благородных владельцев и часто оставалась необрабатываемой, так как ее обработка рабами обходилась дороже, чем цена хлеба, привозимого из Африки и Сицилии; такое положение вещей благоприятствовало хлебному ростовщичеству, в котором прежде всего участвовало богатое дворянство Рима. Это было главным основанием прекратить обработку местных полей. Дворянство более выигрывало на хлебном ростовщичестве, чем на производстве хлеба в собственной стране.

При подобных условиях римский гражданин или обедневший дворянин предпочитали отказываться от брака и рождения детей, несмотря на все премии, которые устанавливали для вступивших в брак и производивших детей, чтобы воспрепятствовать уменьшению господствовавшего класса.

Подобное же явление наблюдается в конце средних веков после того, как в течение столетий дворянство и духовенство хитростью и силой отняли у многочисленных крестьян их собственность и присвоили себе общинную землю. Когда, вследствие всех вынесенных несправедливостей, крестьяне восстали, но были усмирены, и когда на высшей ступени хищничество дворянства развилось еще сильнее и практиковалось протестантскими государями по отношению к церковным имениям, тогда число разбойников, нищих и бродяг возросло до небывалых размеров. Их число было наибольшим после реформации. Экспроприированное сельское население устремилось в города, но здесь, по ранее указанным причинам, условия жизни становились все тяжелее и, таким образом, повсюду наступило «перенаселение».

Выступление Мальтуса совпадает с тем периодом английской промышленности, когда вследствие новых изобретений Харгрифса, Аркрайта и Уатта произошли огромные перевороты в механике и технике, которые главным образом проявились в бумагопрядильной и полотняной промышленности, причем десятки тысяч рабочих в соответствующих домашних индустриях лишились хлеба. Концентрация поземельной собственности и развитие крупной промышленности приняли в это время в Англии огромные размеры. С быстро возраставшим богатством на одной стороне росла массовая нищета на другой. В подобное время господствующие классы, которые имели все причины считать существующий мир наилучшим, должны были найти правдоподобное и оправдывающее их объяснение для обеднения масс при возрастающем богатстве и высшем расцвете промышленности. Не было ничего удобнее как возложить вину за это на слишком быстрое размножение рабочих рождением детей, а не на образование их излишка капиталистическим процессом производства и сосредоточиванием земли в руках лендлорда. При таких обстоятельствах ученически-поверхностный, поповско-декламаторский плагиат Мальтуса явился обоснова-

нием существующего зла, обоснованием, которое выражало тайные мысли и желания господствующего класса и оправдывало его перед всем светом. Этим объясняется как небывалое одобрение, так и резкое нападение, которое он встретил. *Мальтус в нужный момент сказал для английской буржуазии нужное слово, а потому он, несмотря на то, что его сочинение не содержало ни единого самостоятельно продуманного положения, сделался великим и знаменитым человеком, и его именем окрестили все учение* *.

2. ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Общественные условия, вызвавшие у Мальтуса предостерегающий крик и его суровое учение,— он обращался с ним к рабочему классу, присоединив, таким образом, ко вреду еще издевательство,— захватывали с каждым десятилетием все более широкий круг людей. И это не только в отечестве Мальтуса, Великобритании, но во всех странах мира с капиталистическим способом производства, следствием которого была хищническая система по отношению к земле и порабощение масс машинами и фабриками. Эта система состоит, как указано, в отделении рабочего от его средств труда, будь это земля или орудие, и в переходе средств труда в руки капиталиста. Эта система создает все новые отрасли промышленности, развивает и концентрирует их и в то же время выбрасывает на улицу все новые народные массы, делая их «излишними». Нередко она способствует, как в древнем Риме, образованию латифундий со всеми их последствиями. Ирландия является классической страной в Европе в смысле самого ужасного развития английской хищнической системы. Уже в 1874 г. Ирландия имела 12 378 244 акров лугов и пастбищ и только 3 373 508 акров пахотных полей, и каждый год количество населения все уменьшается; с этим рука об руку идет превращение пахотных полей в луга и пастбища для овечьих и оленьих стад и в пустоши для охоты лендлордов **

---

* Что почитателями Мальтуса сделались Дарвин и другие, показывает только, что недостаток экономических знаний ведет к самым односторонним взглядам в естественно-научной области.

** Фердинанд Фрейлиграт восклицал в своем потрясающем стихотворении «Ирландия»:

(в 1908 г. 14 805 046 акров лугов и пастбищ и 2 328 906 акров пахотной земли). Кроме того ирландская пахотная земля находится нередко, как аренда, в руках большого числа мелких и самых мелких арендаторов, которые не в состоянии использовать землю настоящим образом. Таким образом, Ирландия имеет вид страны, которая из земледельческой снова превращается в пастушескую. При этом население, которое в начале XIX столетия превышало 8 млн., упало в настоящее время до 4,3 миллиона, и все еще несколько миллионов «излишне». Восстания ирландцев против Англии объясняются, таким образом, очень просто. *Шотландия* в отношении условий землевладения и земледелия представляет картину, сходную с Ирландией *. Нечто подобное повторяется в последнее десятилетие в *Венгрии*, вступившей

So sorgt der Herr, daß Hirsch und Ochs,
Das heißt: daß ihn sein Bauer mäste,
Statt auszutrocknen seine Bogs —
Ihr kennt sie ja: Irlands Mräste!
Er läßt den Boden nutzlos ruhn,
Drauf Halm an Halm sich wiegen könnte;
Er läßt ihn schnöd dem Wasserhuhn,
Dem Kibitz und der wilden Ente.
Ja doch, bei Gottes Fluche: — Sumpf
Und Wildnis vier Millionen Acker!..

Вот так радеет господин:
Быков побольше да оленей
Лишь припасал бы селянин
Ему на корм! Сырые ж сени
Хлевов — ничто! Пусть средь трясин
Ирландских гибнут поколенья!
В забвеньи властные бразды,
Где прозябать должны бы злаки:
Гагар да чибисов орды —
И пеня кулика во мраке...
Но, боже мой, одних трясин,
Пустынь миллионы десятин!..

(Перев. И. Арденина.)

* «...Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших участков Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Глен Тилт, считалась наиболее питательным кормом в графстве Перт; охотничий парк в Бен Ольдер давал самую лучшую траву в обширном округе Баденок; часть леса Блэк Маунт представляла самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустоши ради любителей охоты, можно себе составить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Перт. Как много

в период современного развития. Эта страна так богата плодородной почвой, как немногие другие страны в Европе, но над ней тяготеют долги, ее население обеднело, оно находится в руках ростовщиков. В отчаянии оно эмигрирует массами. Земля сосредоточена в руках современных магнатов капитала, которые ведут самое худшее хищническое лесное и земледельческое хозяйство, так что Венгрия в недалеком будущем перестанет быть страной, вывозящею зерно. То же самое мы видим и в Италии. В Италии, как и в Германии, политическое объединение способствовало капиталистическому развитию, но трудолюбивые крестьяне Пьемонта и Ломбардии, Тосканы, Романик и Сицилии все более впадают в нищету и гибнут. Скоро снова начнут образовываться болота и пустыри там, где несколько десятилетий тому назад находились хорошо обработанные сады и поля мелких крестьян. Перед воротами Рима, в так называемой Кампании, лежат невозделанными сотни тысяч гектаров, и это в местности, которая некогда принадлежала к самым цветущим областям древнего Рима. Болота покрывают землю и распространяют свои ядовитые миазмы; если бы применением соответствующих средств произвести основательное осушение болот и устроить целесообразное орошение, то население Рима получило бы богатый источник питания и наслаждения. Но Италия страдает великодержавностью, она разоряет население плохой администрацией, военными и морскими вооружениями и «колонизацией», а для культурных задач, как, например, на возвращение плодородия Кампании, у нее нет средств. Подобным образом, как и в Кампании обстоит дело в Южной Италии и Сицилии; эта последняя, некогда житница Рима, нищает все более; нет населения более эксплуатируемого, более нищенски живущего, более теснимого. Невзыскательные сыны прекраснейшей страны Европы наводняют половину Европы и Америки, как понижатели заработной платы, или они

средств производства теряет страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что почва леса Бен Ольдер могла бы прокормить 15 000 овец и что площадь этого леса составляет лишь $^1/_{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля пропадает совершенно даром для производства; ...результат тот же, как если бы она погрузилась в воды Северного моря».— Лондонский «Economist» 2 июня 1866 г., цит. у *К. Маркса*, «Капитал», т. I, 1955, стр. 738.

выселяются массами навсегда, не желая умереть с голоду на родной земле, им не принадлежащей. Малярия, эта ужасная болезнь, принимает в Италии такие размеры, что испуганное правительство уже в 1882 г. принуждено было произвести исследование, которое дало печальный результат: из 69 провинций страны 32 в высшей степени поражены этой болезнью, 32 уже затронуты ею и только 5 пока еще пощажены. Болезнь, которая прежде была известна только в деревне, проникла в города, так как скопившийся там пролетариат, увеличенный обнищавшим сельским населением, представляет из себя заразные очаги болезни.

3. БЕДНОСТЬ И ПЛОДОВИТОСТЬ

С какой стороны мы ни рассматривали бы капиталистическую хозяйственную систему, мы всегда увидим, что нужда и нищета масс является не вследствие недостатка пищевых и жизненных средств, но вследствие неравномерного распределения их и безобразия нелепой хозяйственной системы, которая для одного создает излишки, а другого лишает самого необходимого. Мальтузианские утверждения имеют смысл лишь с точки зрения капиталистического производства.

С другой стороны, капиталистический способ производства побуждает к производству детей: ему нужны дешевые «руки» в виде детей для его мастерских и фабрик. У пролетария производство детей является своего рода расчетом; они должны сами зарабатывать на свое содержание. Пролетарий в домашней промышленности даже вынужден иметь много детей, так как в этом лежит залог конкурентоспособности. Это — поистине отвратительная система; она усиливает обнищание рабочего и его зависимость от предпринимателя. Пролетарий принужден работать за все более нищенскую плату, и всякий закон по охране труда, всякая новая выдача для той или другой социальной обязанности, которую предприниматель не должен выполнять по отношению к занятым домашней промышленностью, побуждает капиталистов расширять круг этих последних; одним словом, эта система дает предпринимателю такие выгоды, какие он нелегко найдет при другой форме предприятия, но. конечно, природа производительного процесса далеко

не всегда делает возможной домашнюю промышленность.

Капиталистическая система производства порождает не только перепроизводство товаров и рабочих, но также и интеллигенции; интеллигенция, в конце концов, точно так же все с бо̀льшим трудом находит себе заработок; предложение постоянно превышает спрос. Одно только не излишне в капиталистическом мире: это — капитал и его собственник — капиталист.

Буржуазные экономисты — мальтузианцы, так как этого требует от них буржуазный интерес; пусть только они не переносят свой буржуазный вздор на социалистическое общество. Джон Стюарт Милль говорит: «Коммунизм — именно такое положение вещей, при котором следует ожидать, что общественное мнение с величайшей интенсивностью выскажется против этого рода себялюбивой невоздержанности. Всякое увеличение народонаселения, которое уменьшило бы его приятное положение или увеличило его труд, должно бы для каждого отдельного индивидуума в ассоциации иметь непосредственные и несомненные неудобства, и в этих неудобствах нельзя было бы винить тогда корыстолюбие работодателя или несправедливое правление богатых. При столь изменившихся обстоятельствах общественное мнение не могло бы не высказать своего осуждения, и если бы этого было недостаточно, то та или другая общественно-вредная невоздержанность была бы устранена какими-нибудь наказаниями. Таким образом, коммунистическая теория ни в коем случае не заслуживает особенного упрека, вытекающего из опасности перенаселения. Скорее она как раз рекомендует себя тем, что в ней в высокой степени заключается тенденция противостоять этому бедствию». И профессор Вагнер на стр. 376 учебника политической экономии Рау выражается так: «Менее всего в социалистическом общежитии может быть предоставлена свобода брака или свобода зачатия детей». Названные экономисты исходят, таким образом, из взгляда, что стремление к перенаселению присуще всем общественным состояниям, и оба думают, что социализм будет в состоянии, более чем какая-либо другая общественная форма, привести в равновесие соотношение между населением и средствами существования. Второе правильно, первое нет.

Существовали, правда, социалисты, которые, будучи подкуплены мальтузианскими идеями, опасались, что «близится» опасность перенаселения. Но эти социалистические мальтузианцы исчезли. Более глубокое проникновение в теорию и сущность буржуазного общества излечило их от этого заблуждения. Точно так же поучителен для нас и плач наших аграриев о том, что мы производим с точки зрения мирового рынка слишком много пищевых средств, так что понижение цен сделало не доходным их производство.

Наши мальтузианцы воображают, и хор буржуазных говорунов бессмысленно повторяет за ними, что социалистическое общество, в котором существует свободный выбор в любви и достойное человека существование для всех, будет представлять из себя какое-то «царство кроликов»; оно подпадет самому невоздержанному половому наслаждению и массовому производству детей. Как раз обратное будет иметь место. До сих пор наибольшее число детей в среднем имеют не лучше поставленные слои населения, а, напротив, наихудше поставленные. Можно даже без преувеличения сказать: *чем беднее слой пролетариев, тем многочисленнее в среднем рождающиеся в нем дети; разумеется, встречаются исключения.* Это подтверждает и Вирхов, который в середине прошлого столетия писал: «Как английский рабочий в своей глубочайшей опущенности, в своем крайнем духовном падении знает, в конце концов, только два наслаждения: выпивку и половое общение, так и верхне-силезское население *до последних лет* все свои желания, все свои стремления сосредоточивает на этих двух вещах. Водка и удовлетворение половой потребности приобрели над ним верховную власть, и этим легко объясняется, что население точно так же быстро возрастало в числе, как теряло в физической силе и моральной выдержке».

Подобным же образом высказывается в «Капитале» и Карл Маркс. Он пишет: «В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которою располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает массовое

размножение животных видов, индивидуально слабых и подвергающихся жестоким преследованиям»*. Маркс цитирует далее Лэнга, который говорит: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы». Лэнг держится, таким образом, противоположного взгляда, чем Мальтус: «Хорошее жизненное положение способствует не увеличению, но уменьшению рождений». То же говорит и Герберт Спенсер: *«Всегда и всюду* усовершенствование и способность к произведению потомства противодействуют друг другу. Из этого следует, что дальнейшее развитие, которое предстоит человечеству, поведет, *вероятно, к уменьшению его размножения».*

Таким образом, в этом пункте сходятся люди, в других отношениях стоящие на разных точках зрения. К их воззрениям в данном случае присоединяемся и мы.

4. НЕДОСТАТОК В ЛЮДЯХ И ИЗЛИШЕК ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ

С вопросом о населении можно было бы быстро покончить, сказав, что в обозримом будущем опасения перенаселения вообще не имеют смысла, так как мы находимся среди такого избытка пищевых средств,— и этот избыток с каждым годом грозит возрасти,— что забота о том, куда мы денемся с этим богатством, гораздо уместнее, чем забота, хватит ли его. Для производителей средств существования более быстрый рост потребителей был бы даже самым желательным. Но наши мальтузианцы в выставлении своих доводов так неутомимы, что необходимо на них ответить, чтобы избежать утверждения, будто на эти доводы нельзя ответить.

Они утверждают, что опасность перенаселения в недалеком будущем вытекает из закона «убывающего плодородия почвы». Наша обрабатываемая почва будто бы устала производить, повышения урожаев нельзя более ожидать, так как пригодной к обработке почвы становится все меньше, и опасность недостатка средств существования при дальнейшем увеличении населения становится непосредственной. Правда, в отделах о сельскохозяйственном использовании почвы, как мы полагаем, неопровержимо доказано, какие огромные успехи может

* *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1955, стр. 649.

сделать еще человечество даже с точки зрения современной агрономии в смысле производства новых масс продуктов питания, но все же приведем несколько примеров. Один очень толковый, крупный помещик и признанный политэконом, т. е. человек, в обоих направлениях значительно превосходящий Мальтуса, уже в 1850 году, т. е. в то время, когда агрономическая химия была еще в зачатке, высказался так: «Производительность при производстве сырья, особенно *пищевых веществ*, в будущем не отстанет от обрабатывающей промышленности и транспорта... В наши дни агрономическая химия только начинает открывать сельскому хозяйству горизонты, которые, без сомнения, могут еще повести к ложным шагам, *но которые, в конце концов, поставят создание пищевых веществ точно так же в зависимость от сил общества, как ныне в его власти произвести любое количество сукна*, раз имеются налицо необходимые запасы шерсти» *.

Юстус фон Любих, творец агрономической химии, считает, что «если человеческий труд и средства удобрения имеются в достаточном количестве, то почва неистощима и беспрерывно дает богатейшие урожаи». Закон убывающего плодородия почвы — мальтузианская выдумка, которая в свое время при очень неразвитом сельскохозяйственном культурном состоянии могла еще быть принята, но теперь давно опровергнута наукой и опытом. Скорее законом можно признать положение: *производительность поля стоит в прямом отношении к примененному к нему человеческому труду* (включая науку и технику) *и вложенному в него удобрению*. Если мелкокрестьянской Франции удалось в течение последних 90 лет более чем учетверить производительность своей почвы, в то время как население даже не удвоилось, то каких результатов можно ожидать от общества, ведущего социалистическое хозяйство? Наши мальтузианцы не замечают, далее, что при современных условиях надо принимать во внимание не только нашу почву, но почву всего мира, т. е. в значительной степени почву стран, плодородие которых превышает плодородие нашей почвы в 20, 30 и более раз. Земля, правда, уж в достаточной мере захвачена людьми, *но за исключением небольшой части*

---

* Rodbertus, Zur Beleuchtung der sozialen Frage. 1850.

ее нигде не обрабатывают и ею нигде не пользуются так, как это было бы можно. Не только Великобритания, но и Франция, Германия и Австрия и в еще большей степени остальные страны Европы могли бы производить несравненно больше пищевых средств, чем они производят ныне. В небольшом Вюртемберге с его 879 970 *га* пахотной земли одним только применением парового плуга среднее количество урожая можно было бы повысить с 6 410 000 *ц* до 9 000 000 *ц* зерна.

Европейская Россия, если за масштаб принять население Германии, могла бы вместо 100 миллионов, которые она приблизительно насчитывает, прокормить 475 миллионов. В настоящее время европейская Россия насчитывает 19,4 жителей на квадратный километр, а Саксония свыше 300.

Возражение, что в России есть обширные пространства земли, где плодородие не может быть повышено вследствие климата, справедливо, но зато в других местах, особенно на юге, климат и плодородие почвы в России таковы, каких и отдаленно не знает Германия. Далее, с увеличением плотности населения и с возрастанием культуры почвы произойдут такие изменения в климате, которые в настоящее время невозможно измерить. Всюду, где образуется густое население, происходят и климатические изменения. Этим явлениям мы придаем слишком мало значения и не можем их измерить во всем их объеме, так как при современном порядке вещей у нас нет ни побуждения, ни возможности поставить опыты в широких масштабах. Точно так же слабо населенные Швеция и Норвегия с их обширными лесами и с их, можно сказать, неисчерпаемыми запасами металла, их массою рек, их морскими берегами могли бы служить богатым источником питания для густого населения. При нынешних условиях нет средств, чтобы дать проявиться богатству этих стран, и из этих слабо населенных стран часть населения даже эмигрирует.

То, что можно сказать о севере, приобретает несравненно большее значение для юга Европы: для Португалии, Испании, Греции, придунайских стран, Венгрии, Турции и т. д. Превосходный климат, почва тучная и плодоносная, какая едва ли где имеется в лучших местностях Соединенных Штатов, даст для бесчисленных масс населения *богатейшую* пищу. Ненормальные поли-

тические и социальные условия этих стран ведут к тому, что сотни тысяч переселяются из Европы за океан, вместо того чтобы оставаться на родине, в этих несравненно ближе и удобнее лежащих странах. Как только здесь возникнут разумные социальные и политические учреждения, так понадобятся новые миллионы людей, чтобы эти обширные плодородные страны поднять на высшую культурную ступень.

В Европе в течение продолжительного времени для того, чтобы достичь существенно высших культурных целей, мы будем чувствовать не избыток людей, а скорее *недостаток* в них, и при таких обстоятельствах было бы абсурдом предаваться страху по поводу перенаселения *. При том нужно иметь в виду, что использование существующих источников питания, благодаря применению науки и труда, *не знает никаких пределов и каждый день приносит нам новые открытия и изобретения, которые увеличивают источники получения пищи.*

Если мы из Европы перейдем в другие части света, то там мы встретим *еще в большей степени недостаток в людях и избыток в земле.* Самые тучные и плодородные страны земного шара совершенно или почти *совершенно* не использованы, так как их расчистка и эксплуатация не могут быть предприняты несколькими тысячами людей, *а требуют массовой организации многих миллионов, чтобы до некоторой степени подчинить себе эту чересчур роскошную природу.* К ним относятся, наряду с другими, Центральная и Южная Америка, пространство в сотни тысяч кв. миль. Аргентина культивировала, например, в 1892 г. только около 5 миллионов гектаров, между тем в этой стране имеется 96 млн. *га* плодородной почвы. Пригодная для выращивания пшеницы площадь в Южной Америке, лежащая еще без употребления, исчисляется по меньшей мере в 200 млн. *га*, между тем Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Великобритания и Ирландия, Германия и Франция, вместе взятые, используют под злаковые культуры только около 105 млн. *га*. Карей

* Это относится особенно к Германии. Несмотря на постоянное возрастание населения, с таким же постоянством падала эмиграция: напр., в 1891 г. она достигала 120 089 чел., в 1907 г.— только 31 696; наоборот, иммиграция возросла, так как в различных отраслях промышленности не хватает германских рабочих. Количество иммигрантов равнялось в 1900 г. 757 151, а в 1905 г.— 1 007 149 человек.

четыре десятилетия тому назад утверждал, что одна только долина Ориноко, простирающаяся на 360 миль, могла бы дать пищевых средств в таком количестве, *что ими можно было бы прокормить все человечество.* Примем только половину, и то будет слишком достаточно. Во всяком случае, одна только Южная Америка могла бы прокормить *в несколько раз большее число людей,* чем живет в настоящее время на земном шаре. Питательная ценность пространства, насажденного банановыми деревьями, и питательная ценность одинакового пространства, засеянного пшеницей, относятся друг к другу как 133 : 1. В то время как наша пшеница на благоприятной почве дает от сам-12 до сам-20, рис в своем отечестве дает от сам-80 до сам-100, а маис от сам-250—300, а о некоторых местностях, как напр., о Филиппинах, утверждают, что там урожай риса достигает сам-400.

При всех этих пищевых средствах дело идет о том, чтобы приготовлением сделать их возможно более питательными. В вопросах питания химии предстоит бесконечный путь развития.

Центральная и Южная Америка, особенно Бразилия, которая почти одна равняется Европе — Бразилия занимает 8 524 000 *кв. км* приблизительно с 22 000 000 жителей, а Европа 9 897 010 *кв. км* приблизительно с 430 000 000 жителей,— поражают всех путешественников своею тучностью и плодородием; кроме того, эти страны неистощимо богаты рудою и металлами. Но для мира они почти еще не раскрыты, так как их население отличается вялостью и слишком незначительно и некультурно, чтобы сделаться господином могучей природы. Как обстоит дело в Африке, показали нам открытия последних десятилетий. Если даже большая часть внутренней Африки никогда не будет удобна для европейской почвенной культуры, то другие территории огромных размеров несомненно будут в высшей степени удобны, как только будут применены разумные принципы колонизации. С другой стороны, и в Азии существуют еще обширные плодородные страны, которые могут прокормить бесчисленные миллионы. Прошлое показывает нам, как в ныне бесплодных, почти пустынных местностях мягкий климат выманивал из почвы богатейшие средства питания, если человек умел давать

земле благословенную воду. С уничтожением грандиозных водопроводов и оросительных сооружений в передней Азии, в стране Тигра и Евфрата, тысячи квадратных миль были превращены в песчаные пустыни опустошительными завоевательными войнами и безумным угнетением населения *. Это как в Азии, так и в Северной Африке, в Мексике и в Перу. Как только появятся здесь миллионы цивилизованных людей, так откроются неистощимые источники питания. Финиковые пальмы растут в Азии и в Африке в баснословном количестве, и для них требуется так мало места, что 200 финиковых деревьев умещаются на моргене земли. Дурро приносит в Египте более, чем сам-3000, и все же страна бедна. Не вследствие избытка людей, но вследствие хищнической системы с каждым десятилетием пустыня распространяется все далее. Какие грандиозные результаты принесла бы в этих странах среднеевропейская обработка полей и садов,— не поддается никакому вычислению.

Соединенные Штаты Северной Америки, принимая во внимание *современный* уровень сельскохозяйственного производства, *легко* могли бы прокормить население, превышающее современное (85 млн.) в 15, даже 20 раз, т. е. от 1250—1700 млн.; *Канада* могла бы в том же отношении дать пищу вместо 6 млн. многим сотням миллионов. Далее мы имеем Австралию, многочисленные, большею частью плодородные острова Великого и Индийского океанов и т. д. *Увеличивать число людей,* а не уменьшать — таков клич, обращенный к человечеству во имя культуры.

Повсюду недостаток и нищета вызываются социальными учреждениями, существующим способом производства и распределения продуктов, а не *чрезмерным* числом людей. Несколько богатых урожаев, *следующих один за другим,* так понижают цены на продовольственные товары, что некоторая часть наших земледельцев разоряется. Вместо того, чтобы улучшить положение производителей, они его ухудшают. Значительная часть сельских

---

* Кергер исчисляет сбор в Анатолии даже при неурожае в 9—13 двойных центнеров, а в среднем 26, 40—39 двойных *ц*; на хорошо удобренной и орошенной почве 66 двойных *ц* (Die internationale landwirtschaftliche Konkurrenz, ein kapitalistisches Problem von Professor Dr. Gustav Ruhland. Berlin 1901.)

хозяев *видит в настоящее время в хорошем урожае несчастие,* так как он понижает цены. Неужели это разумный порядок вещей? Чтобы не допустить к нам урожайное богатство других стран, вводятся высокие хлебные пошлины,— этим затрудняется ввоз иностранного зерна, и местное подымается в цене. *У нас — не недостаток, а избыток пищевых средств, как и избыток промышленных продуктов.* Как миллионы людей, нуждаясь в промышленных изделиях всякого рода, не могут получить их при существующих отношениях собственности и заработка, так миллионы страдают от недостатка самых необходимых средств существования, так как они не могут заплатить за них, а между тем эти средства имеются в избытке. Нелепость подобного порядка очевидна. При богатом урожае наши хлебные спекулянты намеренно дают гибнуть хлебу, зная, что цена при недостатке хлеба прогрессивно повышается, а мы должны бояться перенаселения. В России, южной Европе и многих других странах света ежегодно портятся *сотни тысяч* зернового хлеба вследствие отсутствия пригодных складских помещений и соответствующих средств перевозки. Много миллионов центнеров пищевых средств ежегодно пропадают, так как жатвенные приспособления несовершенны или в решительный момент не хватает рук для уборки. Амбары, гумна, наполненные хлебом, и целые имения сжигаются, так как страховая премия превышает прибыль; по тем же мотивам уничтожают жизненные средства и топят корабли вместе с людьми *. Во время наших военных упражнений ежегодно губят значительные посевы: убытки от маневров, продолжающихся лишь несколько дней, доходят до сотен тысяч, а оценка, как известно, производится очень умеренно; таких маневров бывает ежегодно

* Уже во время св. Василия (ум. 379 г.), видимо, господствовал подобный же порядок вещей, ибо, обращаясь к богатым, он восклицает: «Несчастные, что вы ответите нашему небесному Судье? Вы покрываете обоями наготу наших стен, но не покрываете платьями наготу человека! Вы украшаете лошадей драгоценными мягкими покровами и презираете своего брата, покрытого лохмотьями. *Вы предоставляете гибнуть и портиться вашему хлебу в житницах и амбарах и не удостаиваете даже взглядом тех, у кого нет хлеба».* Моральные проповеди с давних времен очень мало оказывали воздействие на господствующих и окажутся бесполезными и в будущем. Когда изменятся социальные учреждения так, что никто не будет в состоянии относиться несправедливо к своему ближнему, тогда в мире наступит благополучие.

значительное число. С тою же целью сносятся целые деревни и обширные земельные площади отнимаются от всякой культуры.

Не надо забывать, что ко всем упомянутым вспомогательным источникам присоединяется море, водная поверхность которого относится к земной поверхности, как 18 : 7, т. е. в 2½ раза больше, и рациональное использование этого огромного пищевого богатства еще не началось. Таким образом, для будущего нам открывается картина совсем иная, чем тот жалкий рисунок, какой подносят нам наши мальтузианцы.

Кто вообще может сказать, где следует провести границу для наших химических, физических, физиологических знаний? Кто осмелится предсказать, какие колоссальные предприятия создаст человечество в будущем столетии, чтобы добиться существенных изменений климатических условий стран и пользования их почвою? Уже при капиталистической форме производства мы видим выполненными предприятия, которые столетия тому назад считались невозможными и безумными. Широкие перешейки прокапываются и моря соединяются, туннели в несколько миль длиною просверливают земные недра и соединяют страны, отделенные высочайшими горами; другие прорываются под морским дном, чтобы сократить расстояние, чтобы устранить затруднения и опасности, существующие для стран, отделенных морем. Где же та точка, про которую кто-нибудь мог бы сказать: «До сих пор, не дальше». Не только на основании наших современных знаний следует отвергать закон убывающего плодородия почвы, но можно утверждать, что, кроме того, существует в избытке пригодная для обработки почва, которая ждет тысячи миллионов земледельцев.

Если бы одновременно приняться за все эти культурные задачи, то у нас было бы *не слишком много, а слишком мало людей*. Человечество должно еще значительно умножиться, чтобы быть в состоянии выполнить все предстоящие ему задачи. С одной стороны, обрабатываемая земля еще не использована так, как можно бы ее использовать, с другой стороны, *почти для ¾ земной поверхности не хватает еще людей, чтобы возможно было ее обрабатывать*. Относительное перенаселение, которое ныне постоянно порождается капиталистической системой ко вреду рабочего и общества, *на высшей культурной сту-*

пени окажется благодеянием. Наивозможное многочисленное население является не препятствием, а средством культурного прогресса и притом совершенно так, как существующее перепроизводство товаров и жизненных средств, разрушение брака применением женского и детского труда в современной промышленности и экспроприация средних слоев крупным капиталом являются предварительными условиями для более высокой культурной ступени.

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СПОСОБНОСТЬ РАЗМНОЖЕНИЯ

Другая сторона вопроса гласит: размножаются ли люди в любом числе и *есть ли у них к этому потребность?*

Чтобы доказать огромную способность к размножению людей, мальтузианцы любят ссылаться на исключительные случаи отдельных семей и народностей. Но этим ничего не доказано. Против этих случаев стоят другие, когда, несмотря на благоприятные жизненные условия, через короткое время наступало полное бесплодие или лишь очень незначительное размножение. Поразительно, как быстро вымирают часто зажиточные семьи. Хотя в Соединенных Штатах условия для размножения населения благоприятнее, чем в какой-либо другой стране, и туда ежегодно переселяются сотни тысяч в самом крепком возрасте жизни, тем не менее их население удваивается лишь в 30 лет. Для 12 или 20-летнего периода удвоения, о котором так много говорилось, нигде не существует доказательств в более широком размере.

Как было уже сказано цитатами из Вирхова и Маркса, население размножается всего скорее там, *где оно всего беднее,* потому что, как справедливо указывает Вирхов, наряду с выпивкой удовлетворение половой потребности является для него единственным удовольствием. Когда Григорий VII принудил духовенство к безбрачию, то лица низшего духовенства Майнцкой епархии, как мы приводили, жаловались, что у них нет, как у прелатов, всевозможных наслаждений; их *единственная* радость — жена. Отсутствие многосторонней деятельности служит, может быть, одной из причин, что браки сельского духовенства в среднем так многодетны. Неоспоримо далее, что в наших беднейших округах, в Силезских горах, Лаузице, Тюрингии, Гарце и т. д. население особенно

густо, а питается оно, главным образом, картофелем. Установлено далее, что у чахоточных половая потребность развита особенно сильно и они часто производят детей в стадии упадка сил, когда это казалось бы совершенно невозможным.

Законом природы, выраженным в вышеприведенных замечаниях Герберта Спенсера и Лэнга, является замещение количеством того, что теряется в качестве. Высокоразвитые и наиболее сильные животные: лев, слон, верблюд и т. д., и наши домашние животные: лошадь, осел, корова приносят очень мало потомства, между тем как животные низшей организации размножаются в обратном отношении, напр., все виды насекомых, большинство рыб и т. д., мелкие млекопитающиеся, как зайцы, крысы, мыши и т. д. С другой стороны, Дарвин установил, что некоторые животные, переходя из дикого состояния в домашнее и будучи приручены, теряют свою плодовитость, как напр., слон. Этим доказано, что *изменение жизненных условий и вытекающее отсюда изменение образа жизни являются решающим для более или менее большой способности размножения.*

Но как раз дарвинисты разделяют страх перенаселения, и на их авторитет ссылаются наши современные мальтузианцы. Нашим дарвинистам всегда не везет, когда они прилагают свои теории к людям, так как при этом они держатся грубой эмпирической точки зрения и не принимают во внимание, что хотя человек и является наиболее высоко организованным животным, но в противоположность другим животным он познает законы природы и может сознательно пользоваться ими и направлять их.

Теория о борьбе за существование, учение, что зародышей для новых организмов имеется больше, чем может быть сохранено для жизни на основании имеющихся средств, относилась бы и к людям, если бы они вместо того, чтобы напрягать свой мозг и брать себе на помощь технику, чтобы целесообразно использовать воздух, землю и воду, паслись бы, как стада, или подобно обезьянам безудержно предавались удовлетворению своей половой потребности, т. е. сами превратились бы в обезьян. Кстати, в том факте, что кроме людей только еще у обезьян половое стремление не ограничёно определенными периодами, является убедительным доказательством род-

ства между обоими. Но хотя они и находятся в близком родстве, они не одно и то же, их нельзя поставить на одну ступень и измерять одинаковой мерой. Что при современных имущественных и производственных отношениях борьба за существование имела и имеет место для отдельных людей и многие не находят необходимых условий для жизни,— это верно. Но они не находят средств существования не потому, чтобы их не хватало, а потому, что среди величайшего избытка социальные отношения не допускают воспользоваться ими. И ложно делать отсюда вывод, что если так было до сих пор, то этого нельзя изменить, и что так должно оставаться вечно. Здесь тот пункт, где дарвинисты вступают на ложный путь. Они, правда, изучают естественную историю и антропологию, но не изучают социологии, а без дум покорно следуют за нашими буржуазными идеологами; таким образом они приходят к ложным выводам.

Половая потребность у человека — его самая сильная потребность, она требует своего удовлетворения под угрозою нарушения здоровья. Эта потребность как правило тем сильнее, чем здоровее и нормальнее развит человек, точно так же, как хороший аппетит и хорошее пищеварение указывают на здоровый желудок и являются основными условиями для здорового тела. Но удовлетворение половой потребности и зачатие не одно и то же. О плодовитости человеческого рода выставлены самые различные теории. В общем, в этих чрезвычайно важных вопросах мы бродим еще в темноте и притом, главным образом, потому, что многие столетия существовал бессмысленный страх заниматься законами возникновения и развития человека и основательно изучать законы зачатия и развития. Мало-помалу это изменяется и должно еще больше измениться.

С одной стороны, выдвинута теория, что высшее духовное развитие и усиленные умственные занятия, вообще нервная высшая деятельность, действуют угнетающим образом на половую потребность и ослабляют способность зачатия. С другой стороны, это оспаривается. Указывают на тот факт, что лучше поставленные классы имеют в среднем меньше детей и что это нельзя приписать только предупредительным средствам. Несомненно, сильно напряженная умственная деятельность действует угнетающим образом на половую потребность, но, чтобы

в этой деятельности было повинно большинство нашего имущего класса, с этим трудно согласиться. С другой стороны, чрезмерное физическое напряжение действует также угнетающим образом. Но всякое чрезмерное напряжение вредно, и его поэтому нужно отбросить.

Другие утверждают, что образ жизни, в особенности пища, наряду с известными физическими свойствами женщины определяют способность зачатия и восприятия. Соответствующая пища, как это видно на животных, более, чем что-либо другое, влияет на акт зачатия. Здесь нужно искать решения. Какое влияние род питания производит на организм известных животных, поразительным образом констатировано у пчел, которые, давая определенную пищу, по произволу выводят царицу. Пчелы, таким образом, в познании развития своего пола стоят дальше, чем люди. Надо полагать, что им в течение двух тысячелетий не проповедовали, что «неприлично» и «безнравственно» заботиться о вещах, относящихся к половой жизни.

Известно далее, что растения, посаженные в хорошую и сильно унавоженную почву, роскошно разрастаются, но не дают семян. Что и у человека род пищи влияет на состав мужского семени и на способность к оплодотворению женского яйца, в этом вряд ли можно сомневаться, и, таким образом, следует думать, что способность к размножению населения в высокой степени зависит от рода питания. Другие факторы, природа которых еще мало изучена, точно так же должны играть роль.

В вопросе о населении в будущем одно имеет решающее значение: это более высокое, более свободное положение, которое тогда займут все наши женщины без исключения. У интеллигентных и энергичных женщин,— об исключениях не говорим,— нет склонности давать жизнь большому числу детей по «божьей воле» и проводить лучшие годы жизни в состоянии беременности или с ребенком на руках. Это нежелание иметь много детей, которое уже и в настоящее время заметно у большинства женщин, должно в будущем, несмотря на все заботы, которые проявит социалистическое общество по отношению к беременным и матерям, скорее усилиться, чем ослабнуть, и, по нашему мнению, очень вероятно, что в социалистическом обществе размножение населения будет совершаться медленнее, чем в буржуазном.

Наши мальтузианцы, право, не имеют никаких оснований ломать себе головы по поводу увеличения человечества в будущем. Ведь до сих пор народы гибли от уменьшения своей численности, но никогда от чрезмерности ее. В конце концов, регулирование народонаселения в обществе, живущем согласно природе, совершается без вредного воздержания и без противоестественного употребления предупредительных средств. Карл Маркс и здесь окажется прав для будущего; его воззрение, что у каждого экономического периода развития имеется свой особый закон населения, оправдывается и при господстве социализма.

В сочинении «Искусственное ограничение числа детей» Г. Ферди придерживается такого взгляда:

«Социал-демократия, выступая против мальтузианства, оказывается большой шельмой. Быстрое увеличение населения благоприятствует образованию массового пролетариата, а вместе с тем усиливает недовольство. Если удастся справиться с перенаселением, то — конец распространению социал-демократии, и ее социал-демократическое государство со всем своим великолепием навеки похоронено». Здесь, таким образом, ко многим старым присоединяется новое средство убить социал-демократию — мальтузианство *.

Среди тех, кто страдает страхом перенаселения, а потому требует ограничения браков и свободы передвижения именно для рабочих, находится и профессор, д-р Адольф Вагнер. Он жалуется, что рабочие слишком рано вступают в брак по сравнению с средними классами. Он,

---

* Грандиозное невежество гонителя социалистов Ферди по отношению к социал-демократии видно лучше всего из следующих положений, которые мы находим на странице 40-й его сочинения:

«Социал-демократия в своих требованиях пойдет дальше, чем новомальтузианцы. Она будет требовать, чтобы минимальная заработная плата была так установлена, чтобы каждый рабочий мог производить число детей, возможное по общественному состоянию средств питания...»

«Раз из социал-демократии будут сделаны последние выводы и уничтожена частная собственность, тогда и самый простоватый скажет себе: Зачем это я должен работать дольше и тяжелее из-за того только, что моему соседу угодно втолкнуть в общество дюжину новых сочленов?»

Следовало бы сначала познакомиться с азбукой социализма, а потом уже отваживаться писать о нем, и притом еще такой несуразный вздор.

как и все с одинаковыми с ним воззрениями проглядели, что мужчины средних классов лишь в более позднем возрасте достигают такого положения в жизни, которое дает им возможность вступить в брак, приличный их положению. Но за это воздержание они вознаграждают себя проституцией. Затруднить вступление в брак рабочим, значит — толкнуть их на тот же путь. Но тогда уже не придется жаловаться на последствия и кричать «о падении нравов и нравственности». Не придется и возмущаться, если мужчины и женщины, так как последние имеют те же потребности, что и мужчины, будут жить в незаконном сожительстве, чтобы удовлетворить свои естественные потребности и «как семенами» заселять внебрачными детьми город и деревню. Впрочем, взгляды Вагнера и его товарищей противоречат также и интересам буржуазии и нашему экономическому развитию, нуждающимся в возможно большем количестве рабочих рук, чтобы владеть рабочей силой, делающей их способными к конкуренции на мировом рынке. Куцыми, близорукими предложениями, происходящими из филистерства и отсталости, не лечат болезней века. В начале двадцатого века нет ни одного класса, ни одной государственной власти, достаточно сильной, чтобы задержать или затормозить естественное развитие общества. Каждая попытка кончается неудачей. Поток развития так силен, что он разрушает все препятствия. Не назад, а вперед — гласит лозунг, и только обманутый может верить в возможность задержки.

В социалистическом обществе человечество, впервые будучи действительно свободным и стоя на своей естественной основе, будет сознательно направлять свое развитие. Во все предыдущие эпохи в отношении производства и распределения точно так же, как и в вопросе увеличения населения, оно действовало, не зная своих законов, т. е. бессознательно; в новом обществе оно будет действовать планомерно и сознательно, зная законы своего собственного развития.

Социализм — это наука, примененная ко всем областям человеческой деятельности.

Печатается по тексту книги:
А. Бебель. «Будущее общество», 1923
Сверено с берлинским изданием книги «Die Frau und der Sozialismus», 1946

СОДЕРЖАНИЕ

А БЕБЕЛЬ
БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО
ВЫПУСК 28

Редактор *Л. Г. Барулина*
Перевод сверил *Е. В. Зиборов*
Оформление художника *И. К. Байтодорова*
Технический редактор *Ц. Л Бейлина*
Ответственные корректоры:
А. М. Денисов и *Г. Ф. Травушкина*

Сдано в набор 15 июля 1958 г Подписано к печати 29 октября 1958 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ л. 5¹/₄. Условн. печ. л. 8,61. Уч.-изд. л 8,47. Тираж 115 тыс. экз. А 09420. Заказ № 3884. Цена 2 руб.

*

Государственное издательство политической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

*

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

2 руб.